Ж. ВИЛЛАР

„СТРАННАЯ ВОЙНА“ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВИШИ

Ж · ВИЛЛАР

„Странная война" и предательство Виши

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА · 1962

Germaine Willard

LA DRÔLE DE GUERRE ET LA TRAHISON DE VICHY

PARIS, 1960

Перевод
В. Гончарова и Н. Найденовой

Предисловие

Книгой Жермены Виллар ««Странная война» и предательство Виши» издательство «Эдисьон сосьяль» начинает выпуск новой серии под общим названием «К истории Французской коммунистической партии». Это делается в ответ на пожелание многих французов и француженок, демократов и патриотов, интересующихся тем, что представляет собой Французская коммунистическая партия, чего она добивается, каковы ее конечные цели, какова была ее позиция и практическая деятельность в самые ответственные моменты истории Франции.

Выпуск данной серии стал возможен вследствие проведения подготовительных работ к изданию учебника по истории Французской коммунистической партии. Намеченные к опубликованию монографии, исследования, научно-популярные очерки этой серии, освещающие главные этапы деятельности коммунистической партии наряду с «Произведениями» и «Сыном народа» Мориса Тореза облегчат усвоение и дополнят материал учебника, находящегося в процессе редактирования.

Эта серия поможет лучше понять роль руководителя рабочего класса и народа, организатора и вдохновителя единого пролетарского фронта и объединения всех национальных и демократических сил, роль,

которой Французская коммунистическая партия добилась в ходе сорокалетней борьбы за мир и хлеб для трудящихся, за национальную независимость, за демократию, за социализм. Данная серия явится существенным вкладом в научное исследование рабочего и демократического движения во Франции и во всем мире, так как жизнь и деятельность Французской коммунистической партии нельзя отделить от подлинной истории Франции и от истории развития международного рабочего и демократического движения.

Работа Жермены Виллар посвящается периоду, когда события развивались чрезвычайно быстро. Беспрерывно менявшаяся сложная обстановка того времени требовала от отдельных людей и политических партий занять определенную позицию, от которой зависело не только настоящее, но и будущее Франции.

Журналисты и историки много писали о событиях 1939—1941 гг., которым суждено было оставить глубокий след в жизни французского народа и народов Европы. Слишком часто они искажали или фальсифицировали историю, игнорируя либо извращая роль партии рабочего класса — Французской коммунистической партии.

Жермена Виллар взяла на себя труд восстановить историческую правду с помощью многочисленных и содержательных документов, главным образом подпольной литературы коммунистической партии. Автор, конечно, не исчерпал всю тему, да он и не претендует на это. Но и в настоящем виде книга дает богатый материал для понимания истории тех лет.

Жермена Виллар показывает, как Французская коммунистическая партия вела упорную и самоотвер-

женную борьбу против фашистской агрессии и предательства правящих классов внутри страны. Она показывает патриотическую деятельность тех, кто перед лицом гитлеровской угрозы «шел заре навстречу», кто, будучи поставлен вне закона, подвергаясь преследованиям недостойных правителей, умел в любой момент найти решение, отвечающее национальным интересам и интересам всех народов, и действовал в духе этих решений. Она вскрывает коренные причины июньского поражения 1940 г. и показывает классовую сущность и основные черты вишистского режима, созданного предателями Петэном и Лавалем при соучастии либо трусливом пособничестве всех политических деятелей и всех политических партий, за исключением коммунистической партии, вынужденной уйти в подполье.

Жермена Виллар не обходит ни одну из важных проблем того периода. Она излагает характерные черты второй мировой войны, опираясь на историческую правду. Эта война, подготовлявшаяся всеми империалистическими державами против Советского Союза, началась в Европе как война наиболее агрессивных (фашистских) империалистических держав против других империалистических держав; иронией судьбы, в силу диалектики истории она обернулась против тех врагов социализма, которые, собираясь вести антисоветскую войну, вынуждены были вести войну антифашистскую.

Автор убедительно вскрывает империалистический характер начального периода второй мировой войны, когда конфликт происходил главным образом между гитлеровской Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой. Он подчеркивает изменения, которые произошли затем в характере этой войны

для Франции с момента, когда началось вражеское вторжение в страну. Читатель видит, как благодаря идеологической, политической и организаторской работе Французской коммунистической партии народные массы, дезориентированные и дезорганизованные «странной войной» и поражением, снова пришли в движение, а затем, развернув борьбу и расширив свои требования, в конечном итоге придали антифашистский и освободительный характер войне, которую Франция вела против нацистской Германии. Читая главу за главой, мы видим, как сплачиваются все элементы, благодаря действиям которых в дальнейшем все более и более усиливается антифашистский и освободительный характер войны, ставший с момента вступления в войну Советского Союза и объединения Англии, Франции и Соединенных Штатов с СССР в антигитлеровской коалиции ее доминирующей чертой.

С этой точки зрения книга будет интересна не только для историков-марксистов или немарксистов, но и для всего международного рабочего и коммунистического движения. Нет никакого сомнения в том, что конкретный вклад, внесенный Жерменой Виллар в разработку вопроса о характере второй мировой войны на основании французских источников, будет полезен для всех.

Отныне ни один серьезный историк, ни один преподаватель, желающий объективно истолковать этот период нашей национальной истории, не сможет обойти работу Жермены Виллар. Что же касается рабочих-активистов, то они найдут на страницах этой книги ценные уроки и новые доводы, которые укрепят их убежденность, а также веру в будущее. Можно с удовлетворением констатировать, что благодаря Ко-

миссии по истории партии удалось выпустить в свет такую работу.

* *
*

За этой книгой последует ряд других, которые, подобно работе Жермены Виллар, будут касаться отдельных периодов и внесут свой вклад в историю рабочего и коммунистического движения во Франции.

В процессе подготовки в настоящее время находятся следующие работы: книга преподавателя университета Жана Гакона, в которой освещается период от Мюнхена до подписания советско-германского договора о ненападении; работа преподавателя университета Жака Шамбаза, посвященная Народному фронту во Франции, вслед за которой увидит свет исследование о деятельности фашистских лиг в 1934 г.; изложение Жое Нордманом неизданной защитительной речи Марселя Виллара на процессе депутатов «Дороги чести»; очерк экономической истории Франции с начала периода империализма до 1920 г. Кроме того, подготовляется хронология важнейших внешнеполитических и внутриполитических событий, а также событий из жизни Французской коммунистической партии, начиная с 1914 г. до наших дней. Эта хронология будет дополнена выпуском библиографического сборника, в котором будет дана критическая оценка трудов о рабочем и коммунистическом движении Франции этого же периода. Наконец, будут опубликованы биографии и важнейшие выступления руководителей коммунистической партии, а также воспоминания активистов о важнейших событиях в истории партии.

Перед новой серией «Эдисьон сосьяль» открыты широкие перспективы. Она несомненно будет иметь успех у трудящихся, студентов, интеллигенции, у всех, кто хочет получить объективную научно-историческую информацию, у всех, кто еще не забыл уроков прошлого, и у молодежи, которая жаждет познакомиться со славными страницами борьбы Французской коммунистической партии.

Франсуа Бийу

Введение

«В настоящий момент фашизм представляет главную опасность. Необходимо сосредоточить против него всю мощь выступления пролетарских масс и привлечь в поддержку этих выступлений все слои населения».

Так говорилось в резолюции, принятой Национальной конференцией Французской коммунистической партии, состоявшейся в июне 1934 г. в Иври. И действительно, со времени экономического кризиса тень фашизма еще шире распласталась над миром. Видя рост сознательности и организованности пролетариата и народных масс во многих странах, испытывая колоссальные трудности, имущие классы не могут больше довольствоваться традиционными методами своего политического господства. Они стремятся непосредственно захватить в свои руки государственный аппарат, установить такой политический режим, который полностью лишил бы народные массы свободы слова, печати и организации. С помощью такой диктатуры они рассчитывают сохранить свои классовые позиции, подавляя всякое сопротивление и разрешая свои трудности за счет побежденных. Таким образом, фашизм является важнейшим проявлением буржуазной реакции в ответ на размах классовой борьбы на современном этапе.

Защитить демократические завоевания от угрозы фашизма это значит не допустить сверхэксплуатации трудящихся масс — в первую очередь рабочего класса,— сохранить возможность прогресса в самых различных областях жизни.

«...Борясь... за сохранение буржуазной демократии от посягательств фашизма, революционные пролетарии, коммунисты отстаивают свободы сегодняшнего и возможности завтрашнего дня»[1].

Победа, одержанная Народным фронтом, который по инициативе коммунистической партии сплотил вокруг рабочего класса всех демократов, является победой рабочих и демократов, победой лозунга за «хлеб и свободу». Она является также национальной победой, победой нации в борьбе против попыток ее порабощения эксплуататорским меньшинством, победой, которая широко открыла во Франции дорогу прогрессу. Рабочий класс уже наглядно проявил себя как «становой хребет» нации.

Но борьба против фашизма является одновременно борьбой за мир, ибо фашизм — это самая непосредственная угроза миру. Фашисты захватили власть в трех крупных государствах — Италии, Японии, Германии. В этих странах миролюбивые силы народа подверглись жестоким репрессиям. Реакция может беспрепятственно пустить в ход колоссальную военную машину и вести любую агрессивную внешнюю политику. В этих странах, побежденных или не удовлетворенных условиями Версальского договора, империалистические силы имеют полную возможность начать новый передел мира в свою пользу. Японское вторжение в Маньчжурию в 1931 г. сигнализировало о приближении новой империалистической войны; захват Эфиопии войсками Муссолини в 1935 г.; отказ Гитлера от соблюдения всех военных статей Версальского договора (восстановление обязательной военной службы, а затем ремилитаризация Рейнской области в 1936 г.) явились дальнейшими этапами на пути развязывания этой войны.

Но особые империалистические фашистские черты придавали этой приближающейся войне сложный характер. Казалось, было бы логичным, если бы правящие круги капиталистических стран, империалисти-

---

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, М., 1959, стр. 199.

ческим позициям которых угрожал фашизм, постарались остановить его экспансию.

Но что поражает в период между 1933 и 1939 гг.— так это все большее попустительство агрессору со стороны этих кругов, названное политикой умиротворения. Этот кажущийся парадокс легко объясним. Фашистские государства, особенно гитлеровская Германия, представляли собой самый мощный бастион международной реакции. Все сторонники «порядка» рассматривали фашистские страны как основную преграду на пути революции, как аванпост борьбы против коммунизма и Советов. Безудержная антибольшевистская пропаганда гитлеровцев порождала надежды на возможный германо-советский конфликт, который ослабил бы страну социализма, оплот международного рабочего движения, и отвлек бы Германию от сфер влияния западных держав. Военная мощь фашистских держав, по мнению этих же кругов, могла также вернуть на «истинный путь» народы, которые отклонились бы от этого пути. Именно так и произошло в Испании, где с помощью немецких и итальянских бомб и «добровольцев» был разгромлен Народный фронт с благословения «западных демократий» и под прикрытием лозунга о «невмешательстве». А во Франции наиболее реакционная часть буржуазии, принимавшая участие в различных лигах и фашистских заговорах, не останавливалась перед тем, чтобы обратиться за помощью непосредственно к Гитлеру с целью разгромить побеждающий Народный фронт. Значительное число участников путча 6 февраля становится прямыми агентами гитлеровской Германии, «пятой колонной», которая предает нацию, чтобы защитить свои классовые привилегии. Заговор кагуляров[1] полностью разоблачил связь между самой махровой французской реакцией и фашистскими стра-

[1] После поражения путча 6 февраля 1934 г. и победы Народного фронта в 1936 г. фашистское движение перешло к террористическим заговорам. Такова была цель тайной организации, известной под названием «кагуляров». Следствием по делу о покушениях террористов-провокаторов были выявлены тайные склады итальянского и германского оружия.

нами. Поэтому борьба против войны не являлась только борьбой против распространения фашистской агрессии в мире. Она включала борьбу против внутреннего фашизма, прямого союзника агрессоров; она требовала борьбы против всех, кто, рассматривая Гитлера прежде всего как «жандарма Европы», закрывал глаза на агрессии и становился, таким образом, их соучастником.

Опыт Мюнхена служит прекрасным доказательством связи между политикой капитуляции, политикой усиления агрессоров и вместе с тем опасностью войны и наступлением реакции во Франции. Мюнхенское соглашение, подписанное 30 сентября 1938 г. Германией, Италией, Францией и Англией, в действительности выдало Чехословакию Германии. Оно разрушило одно из решающих звеньев в системе обороны против фашистских стран: оно отдалило малые нации в Центральной Европе и на Балканах от франко-английского союза; оно подрывало коллективную безопасность своим антисоветским характером, что было подтверждено англо-германской и франко-германской декларациями, этими подлинными декларациями о ненападении между «западными демократиями» и Гитлером [1]. Итак, мюнхенское соглашение, которое реакционные силы навязали французскому и английскому народам, спекулируя на их глубоком стремлении к миру, представляло собой, по заявлению Французской коммунистической партии, важный шаг на пути к войне.

Непосредственным следствием этого соглашения во Франции явился разгул реакционной политики: чрезвычайные законы Даладье — Рейно со всей силой ударяют по законодательству, принятому Народным фронтом; прибегая к силе и незаконным мерам, правительство подавляет забастовку 30 ноября 1938 г., цель которой — приостановить наступление предпринимателей. Заводы, жизненно необходимые для национальной обороны, либо закрываются, либо выбрасы-

---

[1] О внешней политике этого периода см. *Bouvier et Gacon*, La Vérité sur 1939, Editions sociales, 1953.

вают на улицу тысячи занятых на них рабочих. Деятельность демократических институтов неуклонно свертывается: 8 декабря 1938 г. Жак Дюкло отметил, что за восемь месяцев палата депутатов заседала всего 49 часов и 35 минут! Рассматривая на Конгрессе Всеобщей конфедерации труда причины такой политики, Шарль Неделек заявил: «Вы спросите, на кого опирается правительство в борьбе против такой могучей силы как рабочий класс? Эту поддержку, которую оно не может найти внутри страны, по крайней мере достаточно мощную, оно находит благодаря мюнхенскому диктату за Рейном. Теперь реакционные предприниматели нашей страны имеют защитника по имени Гитлер, силы которого возросли благодаря мюнхенскому диктату» [1].

Естественно, что газеты мюнхенского лагеря развернули широкую кампанию против Французской коммунистической партии. 432 из них, подстрекаемые агентством «Интер-Франс» (подчиненным организации «Французское действие»), печатают обращение в адрес парламента, требуя запрещения коммунистической партии. И в то время, как на рабочий класс и демократию обрушивают все новые и новые удары, французские фашисты, которые превозносят «мир», конечно, мюнхенского образца, пользуются свободой действия. Лиги мятежников, распущенные Народным фронтом, воссоздаются на более или менее легальной основе: вновь возникают «Боевые кресты» под этикеткой ПСФ (Французская социальная партия); Дорио создает ППФ (Французскую народную партию). Фашисты плетут заговоры и готовят провокации, инспирируют пораженческую кампанию в прессе, проникают в великосветский комитет «Франция — Германия», руководимый будущим вишистом де Бриноном, личным другом гитлеровского шпиона Отто Абеца.

Таким образом, линия водораздела между силами мира и силами войны проходила не между отдельными государствами: за фашистскими диктаторами

---

[1] Речь на конгрессе в Нанте (ноябрь 1938). Приводится в книге: *J. Bruhat* et *M. Piolot*, Esquisse d'une histoire de la C.G.T. 1958.

стояла мировая реакция. Борьба против фашизма и внутренней реакции становилась существенным фактором борьбы за мир. И поэтому можно лучше понять своеобразное начало второй мировой войны, эту «странную войну», в которой настоящая линия фронта проходила не между армиями воюющих стран.

Особенности фашистского империализма обусловили еще одну черту в характере мирового конфликта. В самом деле, целью фашистских государств являлся не только захват каких-либо колоний и расширение «сфер влияния». Они стремились захватить независимые страны, навязать покоренным народам фашистский режим, короче говоря, установить мировое господство трех фашистских держав, прикрываясь реакционными теориями «жизненного пространства», «права неимущих наций», «расового превосходства». В сентябре 1940 г. трехсторонний пакт о «новом порядке» действительно разделил мир на три части.

Следовательно, всем народам фашистское завоевание несло двойное угнетение: национальное — вследствие потери независимости; внутриполитическое — вследствие преобразования существующих режимов на фашистский лад. Поэтому коммунистическая партия, борясь против войны, всеми силами поддерживала народы, ведущие справедливую войну против фашистского агрессора, и, в частности, поддерживала республиканскую Испанию.

Партия требовала обеспечить надежную национальную оборону против Гитлера:

«Защита Франции от Гитлера имеет в настоящий момент вполне определенный смысл для рабочего класса, для всех трудящихся: это значит защитить свободу, защитить мир, это значит защитить социальные завоевания нашего народа и возможность их расширения, их развития в будущем»[1].

Таким образом еще раз твердо подчеркивалась тесная связь между классовыми интересами пролетариата и интересами нации.

---

[1] *Maurice Thorez*, L'heure de l'action, discours au Comité central du 21 novembre 1938, Œuvres, L. IV, t. XVI, 1956, p. 66.

Уже предвиделся сложный и даже противоречивый характер второй мировой войны. Как ориентироваться в этой обстановке? Указывая французскому народу, что главной и постоянной целью является действенная борьба против фашизма, коммунистическая партия установила критерий, который позволил ей действовать в каждый данный момент в интересах пролетариата, неотделимых от интересов нации.

I. Лето 1939 года

За создание фронта мира[1]

1939 год был годом стремительного развития фашистской агрессии. В марте 1939 г. Гитлер оккупировал всю Чехословакию и захватил принадлежавший Литве город Мемель; падение Мадрида завершило поражение республиканской Испании; в апреле Муссолини оккупировал Албанию, а Гитлер впервые предъявил претензии на Данциг. В мае «стальной пакт» скрепил военный союз диктаторов Рима и Берлина. Угроза войны становилась неминуемой. Сказывались подлинные результаты мюнхенской капитуляции: возросли силы и наглость поджигателей войны.

«Нас поносили, обливали грязью, на нас клеветали. Нам угрожали, нас подвергали преследованиям. Велись разговоры даже о роспуске нашей коммунистической партии. Но факты остаются фактами. А они говорят, что мы были правы»[2].

Безжалостно рухнули иллюзии, навеянные общественному мнению участниками мюнхенского сговора. Все больше стали прислушиваться к предложениям Французской коммунистической партии об организации коллективной безопасности (т. е. о создании фронта мира), в основу которой должен быть положен пакт о взаимопомощи между Англией, Францией и Советским Союзом. Эти предложения, по

---

[1] *Maurice Thorez*, Déclaration au banquet de la presse franco-étrangère (30 mars 1939), Œuvres, L. IV, t. XVII, p. 69.

[2] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 373.

мнению все большего числа людей, являются единственным средством сохранения мира.

Отныне правящим кругам Запада трудно проводить свою политику «умиротворения» агрессора в прежних формах. Начало переговоров с СССР представляется неизбежным. Этого требует общественное мнение, давление которого нарастает. Уже после провала переговоров Жорж Боннэ признавался в том, «что он не сожалеет об этой попытке с точки зрения учета интересов общественного мнения» [1]. Правительства Англии и Франции таким путем рассчитывали снять с себя ответственность за нарушение мира.

Эти переговоры могли также способствовать укреплению позиций западных империалистов перед лицом их гитлеровского соперника. Союз с СССР, которым они угрожали диктаторам, являлся своего рода орудием шантажа с целью ограничения их претензий. Английские империалисты, в частности, воспользовались таким шантажом в ходе секретных переговоров, которые они вели с гитлеровской Германией летом 1939 г. [2]

Итак, правящие круги Запада рассматривали переговоры с СССР, главным образом, как «комедию переговоров». И ход переговоров вполне подтвердил это. Главе английской военной миссии была дана инструкция «ограничиваться соглашением в самых неопределенных выражениях» [3]; прибалтийским государствам было отказано в гарантиях против гитлеровской агрессии; не оказывали ни малейшего давления на «полковничью» Польшу, чтобы она разрешила Красной Армии сражаться на польско-германской границе, хотя это требование СССР было вполне справедливо [4].

---

[1] «Documents on British Foreign Policy», 3e série, vol. VII, № 152.

[2] Об этом периоде см. *Bouvier* et *Gacon*, La vérité sur 1939.

[3] «Documents on British Foreign Policy». Appendice: Instructions à l'amiral Drax.

[4] Оно было тем более справедливо, что все знали о профашистской ориентации правительства Бека, а также о значении строительств польских укреплений на восточных, а не на западных границах Польши.

А ведь английское и французское правительства располагали необходимыми финансовыми и дипломатическими средствами, чтобы заставить Польшу уступить. Французское правительство предоставило польскому правительству 18 августа 1939 г. заем в 430 миллиардов франков; однако англо-польское соглашение о взаимопомощи было подписано лишь 25 августа. Стало быть, правящие круги западных стран намеревались в любом случае связать СССР обязательствами, не обещая ему никаких гарантий в том, что они поддержат его на Западе, и не предоставляя никаких действенных средств для защиты его границ. Это означало сознательно толкать Германию против СССР, толкать ее на войну, которая коренным образом ослабила бы страну социализма, а следовательно, и международное рабочее движение, и одновременно ослабила бы соперника западных держав — гитлеровский империализм. Несмотря на кажущиеся перемены, это было продолжением той же мюнхенской политики, только в другой форме. И если некоторые представители правящих кругов Франции, например Даладье, и проявили беспокойство (к тому же запоздалое) в связи с саботажем переговоров, их протесты не вышли за пределы английской правительственной канцелярии. В критический момент, когда единственным шансом сохранения мира был союз с СССР, антисоветская направленность политики берет верх в правящих кругах «западных демократий»; именно такие настроения заставляют их саботировать этот союз и постоянно попустительствовать гитлеровскому жандарму.

Теми же причинами классового характера, которыми была продиктована эта антисоветская политика, объясняется усиление антинародных мероприятий во Франции. Вновь и вновь обрушиваются на завоевания Народного фронта. В июне Ламбер-Рибо, главный представитель предпринимателей в МБТ (Международное бюро труда в Женеве), один из подписавших Матиньонское соглашение, произнес резкую обвинительную речь против социального законодательства 1936 г., особенно против 40-часовой недели. Таким

образом, он ясно показал, что предприниматели позволяют себе рассматривать основные завоевания, достигнутые рабочими в 1936 г., как утратившие силу. 7 июня были запрещены еженедельные передачи по радио, организуемые ВКТ. 27 июня парламент распускается на каникулы, а 29 июня срок его полномочий продлевается декретом еще на два года. Между тем только путем отстаивания политических свобод и социальных завоеваний можно было придать подлинный смысл и силу защите страны от Гитлера. Подобно антисоветской внешней политике неразрывно связанная с ней антинародная политика внутри страны ослабляла Францию перед лицом агрессора.

И наоборот, эта политика прибавляла наглости наиболее реакционным силам, на которые она, естественно, опиралась: снисходительность к фашистскому движению особенно ярко проявилась летом 1939 г. Так, Французскую социальную партию не распустили, хотя в одном из судебных решений были признаны ее связи с «Боевыми крестами». В июле было прекращено дело 34 кагуляров (среди них Жозеф Дарнан, будущий шеф лавалевской милиции). Была раскрыта разветвленная шпионская сеть, сосредоточенная вокруг Отто Абеца, одного из апостолов «франко-германского сближения». Абеца высылают, но расследование дела ведется крайне медленно и конфиденциально. Ведь Абеца регулярно принимали в «лучшем парижском обществе». Он располагал большими средствами. В частности обнаружено, что два журналиста (Обен — заведующий информационным отделом газеты «Тан» и Пуарье — заведующий рекламным отделом «Фигаро») извлекли из этих фондов немалую пользу. «Юманите» в статье за подписью Люсьена Сампе разоблачала тайные сговоры и разъясняла общественному мнению всю серьезность этого дела. Но как раз «Юманите» и подверглась судебному преследованию за «разглашение» сведений. «Кого хотят преследовать? Предателей или тех, кто их разоблачает?» — писал Сампе 19 июня. На процессе по делу «Юманите», который закончился оправдательным вердиктом, Сампе

в качестве обвиняемого и Пери в качестве свидетеля убедительно разоблачили масштабы предательства. Сампе публично обвинял главарей лиги Бюкара и Дорио, кагуляра Дюсеньера, участника путча 6 февраля Кьяппа, антисемита Даркье де Пельпуа. Пери, обвинив министра иностранных дел Боннэ в том, что он выступил инициатором преследования газеты «Юманите», воскликнул: «До тех пор, пока в правительстве находятся такие министры, невозможно разоблачать шпионов» [1].

Именно летом 1939 г., когда коммунистическая партия развернула активную кампанию в пользу пакта трех держав и за уничтожение «пятой колонны» во Франции, Боннэ заявил графу Вельчеку, германскому послу в Париже, что «...выборы будут отсрочены, публичные собрания запрещены, всякие попытки какой бы то ни было иностранной пропаганды будут подавляться, коммунисты будут образумлены» [2].

Это заявление, сделанное такому человеку [3] и в тех конкретных исторических условиях, могло означать только одно: стремление по крайней мере одной части французского правящего класса попытаться использовать внешнеполитическую обстановку для уничтожения коммунистической партии.

Итак, с лета 1939 г. уже намечаются контуры будущей «странной войны». Все чаще высказываясь в защиту мира и демократии, французское правительство в действительности проводит антисоветскую внешнюю политику и антинародную внутреннюю политику, которая препятствует подлинной защите страны от фашизма, расчищает путь фашистскому агрессору и его французским сообщникам.

---

[1] Отчет о процессе см. «L'Humanité», 29. VII. 1939.

[2] «Livre jaune français», Paris, 1939, doc. № 149, 1.VII. 1939.

[3] Дипломат по профессии, граф Вельчек пользовался доверием нацистской партии. До того как стать послом в Париже, он был послом в Мадриде и играл определенную роль во франкистском заговоре, о чем свидетельствуют документы, захваченные в Мадриде и Барселоне на другой день после начала мятежа 1936 г.

Первые атаки на Французскую коммунистическую партию

Советско-германский пакт о ненападении, подписанный 23 августа 1939 г., послужил для правительства предлогом, чтобы начать атаку на коммунистическую партию. С 25 августа «Юманите» и «Се суар» запрещены. Усиливается кампания за запрещение коммунистической партии. Вся пресса поносит «советское предательство», «неожиданный ход Кремля» и тем самым льет воду на мельницу антикоммунизма. Требуют, чтобы французские коммунисты осудили этот пакт, заключение которого якобы делает неизбежной гитлеровскую агрессию против Польши.

Ныне историки могут разоблачить эту ложь, которой воспользовались для того, чтобы начать преследования против коммунистов. Теперь точно установлено, что Гитлер заявил о готовящихся операциях против Польши 23 мая 1939 г. на совещании генералов и что непосредственное решение о нападении было принято им в конце июля 1939 г. Изучая один из важнейших источников того времени — германские документы,— один французский историк пришел к заключению:

«Хронология событий показывает, что на самом деле не было никакой причинной связи между подписанием договора в Москве и вступлением германских войск в Польшу» [1].

Правящие круги западных держав знали об этом. Еще задолго до подписания пакта 23 августа дипломаты сигнализировали о концентрации германских войск на востоке, причем в некоторых сообщениях даже указывалось, что немецкие солдаты получили назначение в местности, расположенные в Польше [2]. Таким образом, фальсификация налицо.

Теперь также известно, что Советское правительство только в самый последний момент решилось

[1] *O. Desbrosses*, C. R. de Documents on German Foreign Policy, serie D, t. VI et VII, «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale» № 29.

[2] «Documents on British Foreign Policy», 3e série, vol. VII, doc. № 254.

принять предложения Германии, с которыми она обращалась к нему уже давно. Германские документы показывают, что 12 августа, когда Гитлер сообщал своему генеральному штабу о своем решении немедленно напасть на Польшу, он даже не знал еще, согласится ли Советское правительство вести с ним политические переговоры. И только 19 августа Москва дала согласие на визит Риббентропа в СССР, причем вопросы, подлежавшие обсуждению, еще не были уточнены. А когда Риббентроп прибыл в советскую столицу, он констатировал, что никакого текста соглашения не приготовлено [1]. Более того, за несколько часов до прибытия германского дипломата Ворошилов предпринимает последний демарш перед западными державами. И хотя переговоры были еще накануне прерваны, он срочно приглашает 22 августа пополудни генерала Думенка. В последний раз он ставит имеющий решающее значение вопрос относительно Польши. Ни Англия, ни Польша не дали ответа. А ведь время не ждет. Немецкие войска стоят наготове, и Гитлер дал понять, что он не намерен возобновлять свои предложения СССР [2]. 23 августа пакт о ненападении был подписан.

Но пресса старательно воздерживалась от изучения причин заключения германо-советского пакта и причин надвигающейся войны. Наоборот, она стремилась посеять замешательство и дискредитировать коммунистов, чтобы облегчить развязывание репрессий против них. Речь шла о том, чтобы внушить общественному мнению, что «большевизм — синоним предательства» [3]. Для этого необходимо было прежде всего попытаться задушить голос Французской коммунистической партии, так как ее позиция была совершенно недвусмысленна. Некоторым доставляло удовольствие говорить «о затруднениях» коммунисти-

---

[1] *Ribbentrop*, De Londres à Moscou. Mémoires, Grasset, 1954, p. 139.

[2] *Gafenco*, Les derniers jours de l'Europe, P.U.F., Paris, 1946, p. 299.

[3] Это выражение употребил социалист Жорж Бартелеми в палате 16 января 1940 г.

ческой партии в связи с заключением пакта: ни 23, ни 24 августа в «Юманите» не появилось ни одной статьи по этому вопросу, ни одного материала за подписью членов руководства партии... Странно было слышать упреки в адрес коммунистической партии в том, что она обдумывала в течение 24 часов эту столь сложную и серьезную ситуацию. Конечно, если бы руководство партии дало немедленно свою оценку пакта, те же самые критики обозвали бы коммунистов «агентами Москвы»...

25 августа в «Юманите» одновременно с текстом пакта о ненападении было опубликовано заявление коммунистической партии. В этом заявлении напоминалось о последовательной политике мира, проводимой Советским Союзом, о его эффективной помощи народам (Испании, Китая, Чехословакии), ставшим жертвами фашистской агрессии. Оно возлагало ответственность на того, на кого следовало ее возложить, разоблачая саботаж западными державами переговоров с СССР. В нем утверждалось: советско-германский пакт «показывает, что можно подписывать соглашения и договоры, не открывая путь агрессии» и создавая новые возможности для мира. Наконец, в заявлении еще раз напоминалось, что в «подлинной борьбе против гитлеровского агрессора, коммунистическая партия отстаивает свое право быть в первых рядах борцов».

На дискуссии в коммунистической фракции парламента, проходившей 25 августа, было также подчеркнуто двойное значение пакта: твердость перед лицом агрессора и поиски пути достижения справедливого мира.

«Лучше всего было бы принять этот договор за отправную точку усилий, направленных на достижение мира, какой, например, считали мюнхенский договор, только на сей раз выгодный для всего человечества» [1],— заявил Габриэль Пери.

---

[1] *Cabriel Péri*, Ma vie. Autobiographie écrite en prison. Издана подпольно в марте 1942 г., затем переиздана с предисловием Арагона под названием «Les Lendemains qui chantent, Editions sociales, 1947, p. 55.

А Морис Торез утверждал: «Если Гитлер развяжет войну, то пусть он знает, что ему придется иметь дело с объединенным народом Франции (в первых рядах которого стоят коммунисты), готовым защищать безопасность страны, свободу и независимость народа»[1].

Но тактика правительства была как раз направлена на то, чтобы не дать коммунистической партии возможность выступить с этими объяснениями и заявить о своей позиции, полностью отвечающей национальным интересам. 26 августа весь тираж «Юманите» был изъят. Между тем она вышла под заголовком: «Объединение французской нации против гитлеровского агрессора», и в ней говорилось: «Всем, кто хочет сохранить независимость и будущее нации, не время спорить по вопросу об истолковании событий... настал час для объединения французов. Если Гитлер осмелится привести в исполнение то, что он задумал, французские коммунисты будут в первых рядах защитников независимости народов, защитников демократии и республиканской Франции, оказавшейся под угрозой».

Газета «Эвр» не была запрещена, хотя Марсель Деа заявил на ее страницах, что он отказывается умирать за Данциг. А ведь Франция была связана с Польшей договором о взаимопомощи. Также никогда не был запрещен фашистский листок «Гренгуар», который предпочитал Гитлера Народному фронту, и вся деятельность которого состояла — в то время как гитлеровская машина агрессии изготовилась к нападению на Польшу — в том, чтобы требовать «прекращения терпимого отношения к коммунистической партии, получающей субсидии из Москвы — союзницы Берлина»[2]. Однако изъяли весь тираж «Юманите» от 26 августа 1939 г., которая призывала к «объединению французской нации против гитлеровского агрессора». Начиная с 27 августа все коммуни-

[1] Сообщение парламентской фракции коммунистов для печати от 25. VIII. 1939 г. (*M. Thorez*, Œuvres, L. IV, t. XVIII, p. 113).

[2] «Gringoire», 27. VIII. 1939.

стические газеты и журналы запрещаются. Активисты мобилизуют все свои силы, чтобы донести до народа правду. Коммунистические ячейки издают листовки и газеты. Но подписчиков и распространителей арестовывают. «Попюлер» сообщила 1 сентября — без всяких комментариев — о 40 арестах в Париже, Нанте и Байонне и на Севере, где были арестованы депутат Сиприен Кине[1] и мэр города Лиевэна. 2 сентября депутаты-коммунисты голосуют за кредиты на национальную оборону, которых потребовало правительство, чтобы быть готовым выполнить обязательство, данное Польше. Но напрасно искать упоминания об этом факте в легальной прессе, включая и «Попюлер».

Старательно замалчивая позицию Французской коммунистической партии в вопросе о защите страны от гитлеровской агрессии, наоборот, громко возмущались требованием коммунистов начать переговоры о мире, при этом, конечно, не объясняли, почему коммунистическая партия выступала с таким требованием. В действительности же, по словам Габриэля Пери, война, развязанная в то время, когда «западные демократии» были далеки от политики последовательной защиты мира от фашистской агрессии как во вне, так и внутри страны, легко могла «принять характер сомнительной авантюры, которая грозила закончиться поражением»[2]. Воздержались от того, чтобы изложить цели коммунистической партии. Из декларации коммунистической партии от 25 августа оставили только «Да здравствует мир!», тогда как текст гласил: «Да здравствует мир при условии сохранения достоинства и независимости нации». Впоследствии всегда «забывали», что коммунисты требовали мира на определенных условиях.

Но что же делают в тот момент большинство из тех, кого приводила в такое «священное» негодование идея переговоров о мире? Они торгуются с Гитлером.

---

[1] Выданный затем гитлеровцам, он умер в концентрационном лагере.

[2] *Gabriel Péri*, Intervention à la Commission des Affaires étrangères de la Chambre, 25. VIII. 1939.

С момента подписания договора о ненападении 23 августа до объявления войны 3 сентября наблюдается необычайная дипломатическая активность между Берлином, Римом и столицами «западных демократий». Далерус (шведский делец, личный друг Геринга), который уже сыграл важную роль в секретных англо-германских переговорах летом 1939 г., ежедневно сновал между Берлином и Лондоном. Немецкие предложения, которые он передавал, внимательно изучались. Речь шла о возвращении Данцига «рейху» и о плебисците с целью захвата польского коридора, короче говоря, о новом Мюнхене[1]. Муссолини также предлагал себя в посредники: 31 августа он предложил созвать конференцию четырех (четырех мюнхенцев) для «пересмотра условий Версальского договора, которые являются причиной нынешнего тревожного положения в Европе»[2]. Это предложение также не вызвало никакого возмущения: его очень серьезно обсуждали. Следовательно, не вообще идея переговоров вызывала возмущение правящих кругов Запада, а идея переговоров об общем мирном урегулировании, в которых будет участвовать СССР и которые исключат всякую надежду на германо-советское столкновение.

Забота о сохранении связи с Гитлером отражена даже в том, как объявлялась война. Старательно избегали решительных выражений. В сообщении, сделанном после гитлеровского вторжения в Польшу 1 сентября, говорилось только, что, если немецкие войска не отойдут с польской территории, Франция и Великобритания выполнят свои обязательства в отношении своего союзника. Но лорд Галифакс уведомлял английского посла в Польше, что «настоящее сообщение является своего рода предупреждением и не должно рассматриваться как ультиматум»[3]. И даже тогда, когда гитлеровские танки уже врывались в Польшу, торг все еще продолжался. 2 сентября в

---

[1] «Documents on British Foreign Policy», doc. № 578 et 588.

[2] «Livre bleu anglais», doc. № 590; «Livre jaune français», doc. № 306.

[3] «Livre bleu anglais», doc. № 109.

палате депутатов происходило голосование по вопросу о кредитах, которые назвали «чрезвычайными», а не военными кредитами.

Наконец, даже в заявлении, сделанном Германии 3 сентября, не было слова война. Там, в частности, говорилось:

«3 сентября в 17 часов Французское правительство будет считать себя обязанным выполнить обязательства, взятые Францией в отношении Польши»[1].

Итак, совершенно ясно, что решительная борьба против гитлеризма никоим образом не входила в планы правящих кругов Франции. Развитие международной обстановки являлось для них удобным случаем, за который они цеплялись, чтобы пойти еще дальше в своей реакционной политике. «Странная война» была уже не за горами.

---

[1] «Livre jaunes français», doc. № 367.

2. За антигитлеровский, оборонительный характер войны

(Сентябрь 1939 г.)

Третьего сентября 1939 г. Англия в 11 часов, а Франция в 17 часов объявили войну гитлеровской Германии.

С самого начала выявился сложный характер этой войны. Она началась как война империалистическая. Ее цель — новый передел мира. Это была борьба за европейский рынок, который Гитлер постепенно прибирал к рукам и где англо-французским и американским товарам и капиталам угрожала потеря их прежних позиций; это была борьба за британские и французские колонии, на часть которых открыто претендовали Гитлер и Муссолини. Кроме того, война была удобным случаем, чтобы подавить народное движение в странах, вступивших в войну. Такая война не могла пользоваться поддержкой масс, и коммунисты не могли призывать к поддержке такой войны.

Но характерные особенности фашистского империализма придавали этой войне и другой аспект: победа гитлеровцев означала бы не только поражение западных империалистических держав, но и порабощение народов завоеванных стран. Следовательно, для всех народов борьба против гитлеризма являлась необходимостью, как уже давно заявляла коммунистическая партия. Таким образом, начавшаяся в 1939 г. война имела два главных и противоречивших друг другу аспекта. Какой из этих аспектов возьмет верх? Аспект империалистический или аспект антифашистский?

Французские правящие классы были, конечно, поставлены перед трудной дилеммой. Уничтожить империалистического соперника, угроза со стороны которого приняла непосредственный характер, представлялось весьма заманчивым. Но это значило ослабить жандарма Европы и кроме того способствовать росту антифашистских настроений и антифашистского единства внутри страны, которые были единственным залогом победы. Правящие классы могли сохранить свои империалистические позиции от гитлеровских притязаний лишь ценой усиления антифашистских сил во всем мире и, в частности, антифашистских сил в их собственной стране. В этих условиях дипломатических ухищрений было явно недостаточно, война уже шла.

Перед лицом этих проблем господствующие классы заняли неодинаковые позиции. В зависимости от своих особых интересов различные фракции этих классов поддерживали ту или иную точку зрения. При современном уровне исторического исследования трудно сказать, какая именно группа придерживалась какой политики, но можно проследить различные линии поведения.

Например, де Кериллис или Луи Марэн считали необходимым вести войну с Гитлером, но круги, которые они представляли, рассматривали эту войну только с точки зрения традиционного национализма и франко-германского соперничества. Кроме того, их не мог не прельщать тот факт, что война явилась бы для буржуазии прекрасным поводом для сведения счетов с французским народом. В силу этого их позиция была обречена на бессилие, ибо эта война могла быть победоносной только в том случае, если бы она стала антифашистской войной французского народа.

Но в своем большинстве французские правящие круги рассматривали войну прежде всего как оправдание и вместе с тем как крайне эффективное средство для усиления антинародной и антисоветской политики. Французская «пятая колонна», связанная с фашистским кланом, твердо рассчитывала на пора-

жение, чтобы установить угодный ей режим. История еще далеко не осветила полностью эту предательскую деятельность, однако в период от февраля 1934 г. и до установления режима Виши четко вырисовываются нити, ведущие к Лавалю, Дорио, Марке, де Бринону и др.

Клан мюнхенцев, типичным представителем которого был Боннэ, следовал другой тактике. Используя состояние войны для усиления внутри страны репрессий против коммунистов, он старался не допустить ведения войны. Уже на очень раннем этапе войны были установлены контакты в целях заключения мира. 8 сентября испанский посол в Париже писал своему правительству, что Жорж Боннэ попытается добиться соглашения с Германией, как только будут закончены операции в Польше[1]. В Риме Франсуа-Понсэ вел переговоры с Чиано о создании «Европейской директории» четырех держав — участниц мюнхенского сговора, конечно[2]. Ясно о каком «мире» шла речь: не об общем урегулировании в результате международных переговоров, а о компромиссе четырех держав за счет Польши, причем еще до окончания военных действий на ее территории. Это было прямым продолжением мюнхенской политики, расчищавшей Гитлеру путь на Восток.

Но французские правящие круги скорее всего отдавали предпочтение какому-то другому варианту мюнхенской политики. В самом деле, ведь подписание договора о мире было связано с известными неудобствами, особенно внутри страны, поскольку прекращение состояния войны лишило бы правительство основной предпосылки, а также средств для проведения антинародной политики. А перед внешним миром правительству было бы очень трудно объяснить свои антисоветские операции, для осуществления которых оно ожидало подходящего момента. (Этим

---

[1] «Documents on German Foreign Policy», série D, vol. VIII, doc. № 25.

[2] *Maxime Mourin*, Les Tentatives de paix pendant la deuxième guerre mondiale, Paris, 1949.

удобным моментом станет финская война). И правительство принимает следующее решение: быть в состоянии войны с Гитлером, не ведя против него военных действий. Это то, что получило название «странной войны».

Истинная сущность политики правительства проявилась очень скоро. Против Германии не велось никаких крупных операций, пока ее основные силы были заняты в Польше: на западном фронте было всего 42 германских дивизии и очень немного танков[1]. В то время, когда командный состав польской армии, обработанный «пятой колонной», быстро сдается, польский народ мужественно борется против агрессора, доказательством чему служило сопротивление Варшавы. Но, кроме притворных плаксивых статей, никакой реальной помощи Польше в этой борьбе не было оказано. И наоборот, наблюдалась большая активность на «внутреннем фронте»: преследования коммунистов продолжались, коммунистическая пресса все еще была запрещена, запрещены собрания коммунистов, активисты подвергались аресту.

В это же время были изданы первые декреты, которые под предлогом организации национальной обороны открывали путь к сверхэксплуатации рабочего класса. 6 сентября была установлена 60-часовая рабочая неделя на предприятиях оборонной промышленности; она могла быть увеличена до 72 часов. Заработная плата была снижена: 45 часов работы оплачивались как 40 часов, за час сверхурочной работы платили $^3/_4$ оплаты часа нормальной работы; на заработную плату ввели налог в размере 15%. 11 сентября этот порядок распространился и на шахты.

Однако в первые недели еще не было ясно, возьмет ли верх «странная война» или подлинная война против гитлеризма, в защиту страны. Правительство было отнюдь не свободно в своих действиях. Во Франции существовали мощные антифашистские силы. Коммунистическая партия, хотя и была лишена

[1] *W. Churchill*, La Chute de la France, p. 32.

средств выражения своего мнения, все еще была на легальном положении. «Большая пресса», например «Пари суар», еще не была заражена антикоммунистическим и антисоветским неистовством, которое вскоре стало для нее характерным. Рост числа протестов против антидемократических мер позволял в то время думать, что не исключена возможность отмены этих мер. С другой стороны, объявление войны, чего так ждала крупная французская буржуазия, не могло быть оправданным в глазах народа, если бы его не удалось убедить в антифашистском характере этой войны. Поэтому правительство придерживалось антигитлеровской фразеологии.

В своем обращении к французскому народу 3 сентября премьер-министр Даладье заявил:

«Германия хочет уничтожить Польшу, чтобы быстрее установить свое господство в Европе и поработить Францию. Поднимаясь на борьбу против самого страшного тирана, выполняя свое обещание, мы боремся в защиту нашей земли, наших очагов, нашей свободы».

Антигитлеровская фразеология становится обязательной. Во всех партиях мюнхенцы всех мастей отходят на задний план. «Аксьон франсез» и «Эвр» становятся ультрапатриотическими. Поль Фор перестает писать в «Попюлер». Превозносят значение некоторых фактов, представляя их как свидетельство твердости правительства в отношении Гитлера: например, министерской перетасовки 13 сентября, в результате которой Боннэ был отстранен с Кэ д'Орсэ и портфель министра иностранных дел и военного министра взял Даладье; или, например, военных операций, которые, как будто бы начались на западе: 9 сентября, т. е. в день начала варшавской битвы, французские войска продвинулись на несколько километров в глубь германской территории в лесу Варндт, а 12 сентября первые контингенты английского экспедиционного корпуса высадились во Франции.

В этих условиях можно было поймать правительство на слове и заставить его поступать так, чтобы его дела не противоречили словам; можно было при-

дать войне, которую правящие классы хотели сделать империалистической, характер войны освободительной и антифашистской.

Кто в действительности будет руководить войной? Крупная французская буржуазия, которая заставит правительство вести войну в интересах капиталистов, войну несправедливую? Или народные силы, которые вынудят правительство вести антигитлеровскую войну в защиту отечества, войну справедливую? Ответ на эти вопросы зависел от действия масс.

Коммунистическая партия старалась направить могучее движение масс в русло антигитлеровской войны в защиту отечества. Увлечь за собой массы, развязать их инициативу, чтобы сделать войну действительно демократической и национальной,— такова была в то время политика коммунистической партии. Эту политику можно проследить по материалам еженедельника ВКТ «Ви увриер», три номера которого легально вышли в сентябре (7, 14 и 21 числа). Читая его, можно познакомиться с мнением наиболее передовой части рабочего класса, которая находилась под влиянием коммунистической партии; в нем писали руководящие деятели профсоюзов — члены коммунистической партии.

В этом еженедельнике они определяли войну, которую следовало вести, как войну антигитлеровскую, справедливую; и французский народ, особенно рабочий класс, должен поддержать ее. «Нет, Европа не будет гитлеровской»,— писал Гастон Монмуссо[1]. Столбцы «Ви увриер» полны конкретными предложениями, предназначенными для того, чтобы направить всю мощь рабочего класса на поддержку подлинно национальной обороны. 7 сентября Круаза и Сема (оба коммунисты) в статье под заголовком «Французские рабочие в войне» сообщали о мероприятиях, намеченных Федерацией металлистов: о создании кассы помощи мобилизованным и их семьям; об обучении женщин в школе переподготовки кадров, созданной федерацией, чтобы женщины могли заменить

[1] «La Vie ouvrière», 7.IX. 1939.

мобилизованных; об организации в доме Металлиста бюро по устройству на работу в целях оказания помощи Управлению по подысканию работы, с тем чтобы восполнить недостаток рабочей силы, вызванный мобилизацией.

14 сентября несколько парижских профсоюзов (союз металлургов, химической промышленности, районный строительный комитет) предложили министру труда установить трехсменную работу (по 8 часов в смену), чтобы обеспечить бесперебойность производства. В этом же номере публикуется письмо Анри Рейно, коммуниста, секретаря профсоюза департамента Сены, в котором он заверил префекта департамента, что профсоюзы считают себя мобилизованными на защиту отечества.

Однако решительное участие рабочих в антигитлеровской оборонительной войне не могло принять форму беспринципного «священного союза», аналогичного союзу 1914 г., который послужил бы предлогом для усиления эксплуатации рабочего класса. Поэтому Круаза и Сема, излагая мероприятия Союза металлистов, добавляли, что этот союз будет следить за тем, «чтобы не имели успеха попытки снизить заработную плату, чтобы рабочие не изнурялись на работе и имели достаточный заработок»[1]. Точно так же и в предложениях по поводу интенсификации производства, сделанных министру труда, напоминалось, что эта интенсификация не должна достигаться за счет чрезмерного увеличения рабочего дня. А 21 сентября «Ви увриер» потребовала перезаключения коллективных договоров, срок действия которых заканчивался. Беспрестанно подчеркивалось, что антигитлеровская война требует энергичного участия народа, а следовательно, и сохранения свобод и социальных завоеваний.

«Борьба за свободу против гитлеровского варварства,— писал Гастон Монмуссо,— включает для борцов страны, подвергшейся агрессии, не только понятие обороны национальной территории, которую все-

---

[1] «La Vie ouvrière», 7.IX. 1939.

ми силами надо защищать от чужеземного угнетателя; эта борьба предполагает также защиту гражданских свобод, демократии и всех тех возможностей социального прогресса и освобождения человека, которые обеспечивает демократия».

Затем он добавляет пророческую фразу: «Правительство, которое боится народа, идет к поражению» [1].

Этот короткий, но решающий период второй мировой войны сильно мешает теперь апостолам антикоммунизма, которые просто стремятся его игнорировать. И действительно, им очень трудно говорить, будто Французская коммунистическая партия приспосабливалась тогда к политике Советского Союза. Трудно говорить не потому, что имелся хотя бы намек на коренные разногласия между политикой французских коммунистов и политикой СССР. На различных участках антифашистского фронта, в различных условиях и те и другие вели одну и ту же борьбу, но различными методами. Усилия Французской коммунистической партии, направленные на то, чтобы выдвинуть на первый план освободительный, антигитлеровский характер войны, отвечали национальным интересам Франции и интересам всех народов, боровшихся против фашизма. Но усилия коммунистической партии тогда не увенчались успехом. Ее деятельность была сильно затруднена: коммунистическая пресса была запрещена, организация партии была нарушена в результате мобилизации, разбросавшей в разные концы страны ее активистов и руководящих работников. И хотя росло число листовок и подпольных газет, укреплялись личные контакты, коммунистической партии не удавалось быстро установить связи с широкими массами, чтобы развернуть разъяснительную работу и создать необходимое единство.

Относительная слабость средств усугублялась трудностью стоявших перед партией задач. Обстановка, которую требовалось разъяснить, была исключительно сложна: ее маскировала, искажала система буржуазной информации — пресса, радио и т. д. Лейт-

---

[1] «La Vie ouvrière», 14.IX. 1939.

мотивом этой информации были обвинения в предательстве в адрес Советского Союза, а также «плохих французов» (эпитет, которым награждали тогда коммунистов). Не отрывая полностью массы от коммунистической партии, эта пропаганда временно изолировала коммунистов, вела к дезориентации и колебаниям. Социалистическая партия принимала в этом деле особое участие. Леон Блюм, хорошо знакомый с позицией коммунистов, хотя бы только благодаря двум личным письмам к нему Марселя Кашена[1], не пожелал довести эту позицию до общего сведения. Наоборот, он притворялся, что ему по-братски жаль бедных «обманутых» коммунистов и заклинал их «разорвать договор с Москвой». А ведь социалистическая партия оказывала влияние на довольно значительную часть народных масс, включая и рабочих. Сея замешательство, она тем самым несла значительную ответственность за окончательный развал Народного фронта, за неудачу организации единства действий и единого антифашистского фронта.

Но ход событий ускорился. Внешнеполитическая обстановка опять была использована как предлог для нанесения еще более тяжелых ударов по коммунистической партии. Развитие могучего движения масс, которое заставило бы правительство вести антигитлеровскую освободительную войну, отныне было исключено. «Странная война» окончательно взяла верх.

---

[1] Леон Блюм ответил на них в «Попюлер» 23 августа, 20 и 21 сентября, не приводя доводов Марселя Кашена.

3. Период «странной войны»
(Конец сентября 1939 — май 1940 г.)

Война, которую не хотели вести

Поистине странная война. «На всем протяжении фронта ночь прошла спокойно», «ничего нового» — таково неизменное содержание сводок. Никаких крупных боев наземных частей, лишь кое-где случайные перестрелки, значение которых журналисты стараются преувеличить. От солдат требовали бороться с вынужденным бездельем и праздностью. С помощью «фронтового театра» их развлекали и пытались отвлечь их внимание от странных и тревожных фактов: чего ради без боев, даже не увидев противника, эвакуируют территории, занятые в начале сентября? Почему безучастно наблюдают за строительством «линии Зигфрида», которое идет ускоренным темпом и без всякой маскировки? Почему делают выговор солдатам «линии Мажино», которые дали отпор вторгшимся танкам врага? Почему позволили уйти в Германию поезду, груженному французской железной рудой[1]? Мысль о том, что объявление войны — всего только комедия, быстро овладевает французским народом.

Военных действий не было, зато дипломатические встречи были многочисленны.

Предложения о «европейском примирении» непрерывно поступали со всех сторон. К этому публично призывали такие высокопоставленные лица, как

---

[1] Эти факты приводились очевидцами в телевизионной передаче о «странной войне», подготовленной 1 сентября 1939 г. Ф. Россифом и Р. Ароном.

Леопольд, король Бельгии, Вильгельмина, королева Нидерландов (после конференции в Гааге, в начале ноября 1939 г.), папа (в рождественском послании 1939 г.), Франко (в речи 31 декабря 1939 г.), Рузвельт (в послании Конгрессу 3 января 1940 г.). Но особую активность проявляли дельцы и разного рода полуофициальные агенты: Веннер Грен, шведский делец, тесно связанный с нацистами (он уже принимал участие в переговорах, состоявшихся летом 1939 г.), который «путешествовал» в Англию, Соединенные Штаты и Германию; Давид Муни, президент «Дженерал моторс», побывавший в Берлине еще до официальной американской миссии весной 1940 г.; американский финансист Фрэзер, который начиная с октября 1939 г. предлагал американскому правительству пригласить д-ра Шахта, министра финансов в правительстве Гитлера, и т. д. Тесные связи, установленные со времени принятия планов Дауэса и Юнга, способствовали тому, что финансовые круги Америки и Германии поддерживали почти непрерывный контакт.

Два «нейтральных» государства, по-видимому, играли главную роль в этих переговорах: Ватикан и Соединенные Штаты, действовавшие к тому же сообща. В самом деле, можно ли рассматривать как случайность назначение именно в это время американского бизнесмена Майрона Тейлора послом в Ватикан? Поездка американского государственного секретаря Сэмнера Уэллеса весной 1940 г. в Рим, Берлин, Париж и Лондон тоже свидетельствовала о систематических усилиях, направленных на то, чтобы добиться соглашения мюнхенского типа.

Каковы характерные особенности этих переговоров? Во-первых, их антисоветская направленность. 14 декабря 1939 г. Муссолини вновь обратился к Алексису Леже (на Кэ д'Орсэ), затем к Буллиту, американскому послу в Париже, с предложениями о заключении «пакта четырех» (конечно, участников мюнхенского сговора) [1]. 31 декабря 1939 г., объявляя

[1] *Cordell Hull*, Mémoires, p. 712 et 713.

СССР «общим врагом всех христианских стран»[1], Франко выдвинул идею создания «блока нейтральных государств» для установления мира. В своем рождественском послании папа, «кажется, сам подхватил понятие «новый порядок», чтобы включить в него моральные требования христианства»[2]. Но в отношении Советского Союза позиция папы оставалась крайне враждебной. Весной 1940 г. Сэмнер Уэллес воздержался от поездки через Москву. Таким образом, мирное урегулирование, о котором велись тогда переговоры, было явно урегулированием мюнхенского толка; оно должно было быть заключено без участия СССР и направлено против него, расчищая тем самым Германии путь для нападения на СССР; вместе с тем оно было бы направлено против порабощенных народов Европы: Гитлер наметил восстановление территориально уменьшенной и превращенной в регентство Польши, а также Чехии, которая должна была превратиться в подобие доминиона рейха. По свидетельству испанского посла в Брюсселе, англичане и французы будто бы согласились с этим[3]. Это урегулирование имело бы характер временного передела мира. Опрос нейтральных стран, проведенный Соединенными Штатами в феврале 1940 г., еще до миссии Уэллеса, касался «...здоровой международной экономической системы. Он явился составной частью того опроса и тех исследований, которые были нами предприняты с целью наметить как можно более обстоятельно образец устройства послевоенного мира, который мы бы хотели рекомендовать другим нациям»[4].

Уэллес во время своих визитов в четыре западные столицы вручил правительствам «памятные записки по вопросам экономической политики, основан-

---

[1] *Stavnik*, L'Espagne pendant la guerre, «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», № 5.

[2] *F. L'Huillier*, Le Vatican dans la crise mondiale, «Revue d'Histoire de la deuxième guerre mondiale», № 28.

[3] *Doussinague*, España tenia razon, Madrid, p. 37.

[4] *Cordell Hull*, Mémoires, p. 378.

ной на программе заключения торговых соглашений, которую мы хотели бы видеть принятой после войны»[1].

Эти сделки лишний раз подчеркивали империалистический характер войны. Однако они не завершились успехом. Прежде всего потому, что эту войну больше, чем когда бы то ни было, особенно во Франции, хотели использовать как повод и оправдание для расправы с народом, а также потому, что было трудно преодолеть империалистические противоречия. Например, с постоянно возобновляемыми притязаниями Гитлера на прежние колонии Германии никак не могли согласиться английские и французские правящие круги.

Острота империалистических противоречий воюющих сторон хорошо была видна на примере столкновения на море. Ибо если Гитлер не торопился с развязыванием операций на суше, не завладев предварительно всеми козырями в этой игре, то в данном случае он использовал состояние войны, чтобы набрать побольше очков всюду, где только возможно. Он особенно стремился подорвать превосходство своих противников на море, которое они использовали для проведения своей империалистической политики. В первые три месяца войны германские подводные лодки и карманные броненосцы нанесли серьезные потери (тоннаж потопленных судов составил более 300 тыс. тонн) англо-французскому флоту. Ответная реакция на это последовала немедленно.

Становилось все труднее добиться компромисса мюнхенского типа еще и потому, что даже между «союзниками» имелись противоречия. Рузвельт в начале войны опасался нового Мюнхена[2], который был бы заключен без учета американских интересов. Со своей стороны англичане подозрительно относились к миссии Уэллеса, который мог, по их мнению, заключить мир «любой ценой»[3], т. е. не считаясь с интересами Англии. Фактическое отсутствие военных

[1] *Cordell Hull*, Mémoires, p. 378.
[2] *Harry Hopkins*, Le Mémorial de Roosevelt, Plon, 1950, p. 33 et 34.
[3] *Cordell Hull*, Mémoires, p. 740.

действий и бесконечные, тотчас же опровергавшиеся слухи о переговорах — уже в силу только этих обстоятельств «странная война» была чревата тяжелыми последствиями. Перед лицом гитлеровской опасности Франция все больше и больше демобилизовала себя. В общественном мнении постепенно укоренялась мысль, что военных действий вообще не будет. Официальная пропаганда подкрепляла эту мысль, настойчиво твердя о «колебаниях» и «слабостях» Германии. «Мы победим, потому что мы сильнее!» — крикливо провозглашали плакаты. Правда, еще не было возгласов: «На Берлин!», но уже стала модной песенка: «Мы пойдем развешивать наше белье на линии Зигфрида». Газеты без устали писали о чудодейственной силе воздействия блокады Германии; чуть ли не давалось понять, что англичане и французы выиграют войну и без военных действий.

Кому была выгодна такая обстановка? Конечно, Гитлеру! Он не «демобилизует» Германию, а непрерывно усиливает свою колоссальную военную машину. Впрочем, кто поддерживал во Франции эту «пацифистскую» кампанию по демобилизации общественного мнения? После заключения перемирия «Эвр» сообщила несколько деталей по этому поводу[1].

В парламенте был учрежден орган, получивший название «Комитет связи в защиту мира». Каждый из пятнадцати парламентариев, которые сотрудничают там с Деа,— будущий коллаборационист: Бержери, Скапини, Тиксье-Виньянкур, Монтиньи, Кайрель (второе «я» Маркэ). Некоторые из них — Скапини и Бержери одновременно заседают в комитете «Франция — Германия». Эти так называемые пацифисты сыграют решающую роль в капитуляции Франции и будут стоять у купели режима Виши[2]. Этот комитет не довольствовался раздуванием кампании мюнхенского толка, он непрерывно оказывал давление на правительство: «уговаривал министров, старался перетянуть

---

[1] «L'Œuvre», 9.VIII. 1940.

[2] *Montigny*, La Vérité sur un mois dramatique de notre histoire, 1940.

на свою сторону членов парламента, помогал «своим людям» вмешиваться в работу секретных комитетов»[1]. Это одна из многочисленных нитей заговорщической сети французской «пятой колонны», которая выдаст безоружную нацию в момент гитлеровского нападения.

Война против французского народа

Однако за кулисами этой «странной войны» шла самая настоящая война. Но ее линия фронта проходила не между Францией и Германией: она проходила между народом, который во всех странах энергично боролся против фашизма, и мировой реакцией как в фашистских странах, так и в странах «буржуазной демократии».

Настоящая война началась сперва внутри Франции. Правящие классы очень скоро перешли в наступление против народных масс, и в первую очередь против рабочего класса, что, конечно, неизбежно повлекло за собой жестокое подавление Французской коммунистической партии. Эти акции правительства прикрывались клеветой и беззаконием, которые якобы «оправдывались» необходимостью «борьбы в защиту права и свободы». Декретом 26 сентября 1939 г. были распущены коммунистические организации. Правительство, гласит текст декрета, «хочет положить конец пропаганде и деятельности коммунистов, считая, что в свете происходящих событий они направлены на подрыв обороны и безопасности нации». События, на которые намекалось в декрете,— это события в Польше.

Советско-германский договор о ненападении был использован в качестве оправдания для запрещения коммунистической прессы; вступление советских войск 17 сентября на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины после поражения Польши послу-

---

[1] L'Œuvre, 9.VIII. 1940. Статья по поводу Риомского процесса, подписанная Р. Ш. (Рене Шато — один из членов комитета).

жило предлогом для объявления Французской коммунистической партии вне закона. Следовательно, ее запретили потому, что она не разделяла точку зрения французского правительства на внешнюю политику Советского Союза...

То, что писала буржуазная пресса по польскому вопросу, представляло собой сплошные недомолвки и тщательно подобранные фальсификации. Так, например, от читателя скрывали, что советские войска вошли в Польшу, когда она была уже раздавлена, ее армии уничтожены, почти вся ее территория оккупирована нацистами, а ее правительство скрылось. И самое главное — читатель не знает, что районы, занятые Советским Союзом, вовсе не польские районы, так как Западная Белоруссия и Западная Украина были незаконно отторгнуты реакционной Польшей от СССР в 1921 г. И снова пальма первенства в фальсификации фактов досталась газете «Попюлер»... Она опубликовала «объективный» очерк истории установления польских границ. Автор очерка — Леон Блюм начал его с Рижского договора, навязанного в 1921 г. молодой Советской республике в самый разгар гражданской войны[1]. А ведь Леон Блюм обладал достаточными историческими познаниями, чтобы помнить, что согласно Версальскому договору польско-русская граница проходила гораздо западнее, совпадая в этих районах, населенных национальными меньшинствами, с лингвистическими границами. Это была известная линия Керзона, и почти точно на этой линии расположились советские войска в 1939 г.[2]. Воспользовавшись гражданской войной и подталкиваемые интервентами, особенно французскими, польские реакционеры в 1921 г. отняли у СССР часть Белоруссии и Украины. В 1939 г., после того как Польша была разгромлена, СССР снова занял свою территорию, которую наверняка оккупировала бы гитлеровская Германия.

---

[1] «Le Populaire», 18. IX. 1959. Статья Блюма «Ужасное событие».

[2] Сам лорд Галифакс разъяснил это в палате лордов 26 октября 1939 г.

Многие политические деятели, которых трудно подозревать в симпатиях к Советам, тотчас же подчеркнули оборонительный, антигитлеровский характер этой меры. Черчилль в ноте от 21 сентября 1939 г. разъяснял, что Германия отныне не может «обнажить Восточный фронт. Она должна держать его под наблюдением, что, по подсчетам генерала Гамелена, скует по крайней мере двадцать дивизий, а может быть и двадцать пять, если не больше. Можно сказать, что Восточный фронт в потенции уже существует» [1].

1 октября в речи по радио тот же Черчилль, не колеблясь, провозгласил, что «занятие русскими войсками этой линии продиктовано необходимостью обеспечить безопасность России, оказавшейся перед лицом нацистской угрозы» [2]. Заключение в то же время договоров о взаимной помощи с прибалтийскими государствами [3] подтверждает эту же тенденцию. Даже «Тан» писала 13 октября: «Может быть, в этих договорах с прибалтийскими государствами о взаимопомощи больше всего поражает то, что все их пункты, все без единого исключения, определенно направлены против германской державы».

Так в самом начале войны СССР нанес нацистскому империализму первый удар.

Но общественному мнению Франции предлагали смотреть на вещи совсем иначе. Разъяснения, которыми изобиловала английская информация (в Англии ведь не было сильной коммунистической партии, которую правящие круги стремились бы разгромить), никогда не просачивались во Францию. Речь Черчилля была дана лишь в кратком изложении; запретили публикацию письма Бернарда Шоу в «Тан», в которой он разъяснил советскую позицию. Поэтому Французское правительство могло максимально использовать видимость, которая маскировала правду:

---

[1] *W. Churchill*, *L'*orage approche, t. 11, p. 49 et 50.

[2] Там же, стр. 51 и 52.

[3] 28 сентября был подписан договор с Эстонией; 5 октября — с Латвией; 10 октября — с Литвой, которой СССР возвратил Вильнюс, занятый 17 сентября.

СССР действительно наносил удары гитлеровской Германии, но он не находился в состоянии войны с ней, Франция не вела военных действий против Германии, но между ними была объявлена война. Ни одну войну не превозносили так, как эту войну, которую не вели: война за право, война за свободу, война за справедливость, война за спасение цивилизации против варварства, война в защиту человека — вот выражения, которые все время повторялись в официальных речах, назиданиях Жироду по радио, в прессе и т. д. Вместо проведения военных операций громогласно провозглашали декларации о принципах и афишировали высокие чувства: правители, делая ставку на антифашистские настроения, глубоко укоренившиеся в народе благодаря деятельности коммунистов, упражнялись в антигитлеровском пустословии. Начинали с этого, а потом обливали грязью Советский Союз (объявляя его соучастником и союзником одиозного режима) и коммунистов, которые отказывались отвернуться от СССР. Таким способом французские правители, находившиеся номинально в состоянии войны с Гитлером, оказывали ему прямую услугу, борясь против его самых решительных и активных противников.

* *
*

После издания декрета от 26 сентября борьба против коммунистов усилилась. Но даже самые суровые репрессии казались реакции недостаточными. Речь шла не только о том, чтобы лишить коммунистическую партию прессы, активистов и возможности легальной деятельности. Политика коммунистической партии, ее роль в создании и развитии Народного фронта, ее здравый смысл, особенно в оценке мюнхенской внешней политики, завоевали на ее сторону значительную часть народных масс и подняли ее авторитет, который нельзя уничтожить одним росчерком пера. Поэтому реакционеры стремились в корне подорвать доверие масс к партии. «Странная война»

должна была позволить провести операцию, которую Л. О. Фроссар охарактеризовал следующим образом в секретном комитете 19 марта 1940 г.: «Недостаточно лишь репрессий, какими бы суровыми они ни были, чтобы рабочие, которые связывают с ней (с коммунистической партией) все свои надежды, отошли от нее. Вы видите, что как раз, наоборот, мы рискуем репрессиями сделать ее мученицей в их глазах, если за этим не последует упорная и повседневная работа по уничтожению этой заразы...» [1]

Но операции по «уничтожению коммунистической заразы» могли не оказать существенного влияния на массы, особенно на рабочих, если они велись бы лишь с помощью официальной пропаганды или с помощью таких газет, как «Гренгуар». Ее должны были вести те, кто пользуется влиянием среди рабочих. На помощь были призваны социалисты, на которых возложили главную роль в антикоммунистической пропаганде и в антикоммунистических действиях. «Попюлер» маскировала империалистический характер войны и пыталась оправдать ее в глазах народа, выставляя в качестве «ее действительной и единственной цели независимость Родины» [2] ...«Французские коммунисты, которые не порвали с III Интернационалом и все еще подчиняются ему, виновны и уличены в тройном предательстве: в отношении Франции, в отношении Республики и в отношении рабочего класса и социализма» [3]. Таким образом, меры, предпринимавшиеся против коммунистов и рабочих, проводились будто бы во имя борьбы за мир, демократию и социализм.

Все эти обвинения сопровождались столь же напыщенными призывами к «обманутым» коммунистам, которым великодушно открывали двери их «старого дома» (т. е. социалистической партии.— *Прим. пере-*

---

[1] Секретный комитет, 19 марта 1940 г. Материалы заседания секретного комитета 9 февраля, 19 марта и 19 апреля 1940 г. были опубликованы в «Annales de l'Assemblée Nationale», 23—21 décembre 1948, XI, t. XXII.

[2] «Le Populaire», 25.IX. 1939.

[3] «Le Populaire», 13.I. 1940.

вод.). Леон Блюм особенно изощрялся в этой мелодраматической писанине, в которой перемешивались ложь, крокодиловы слезы и угроза. «Наступил последний момент,— писал он 18 сентября,— представляется последняя возможность сделать жест, которого ожидают в течение трех недель. Они (коммунисты.— *Прим. перевод.*) не могут больше сомневаться, поэтому какие могут быть у них колебания? Пусть выскажутся, пусть дадут вырваться крику, созревшему в их сознании: пусть они во весь голос заявят стране, что они порывают с Москвой,... что они теперь только свободные французские граждане.., не знающие других обязанностей и другой дисциплины, кроме обязанностей и дисциплины, общих для всех французов. Но пусть они поспешат! Скоро уж ничто не сможет уничтожить пропасть между нами»[1].

Речь шла не только о том, чтобы «открыть» глаза рабочим, зараженным вирусом коммунизма, но и о том, чтобы оторвать коммунистов-активистов от партии. Реакция пыталась использовать идеологические трудности и репрессии для того, чтобы разложить коммунистическую партию. Но, кроме нескольких предателей вроде Життона и некоторых неустойчивых элементов, «Попюлер» было нечем больше поживиться. «Коммунисты упорствуют с каким-то ожесточением»[2],— признавал Леон Блюм.

Поскольку «убеждения» не помогали, оставалось прибегнуть к силе. Ибо социалисты не довольствовались ролью поставщика идеологического оружия для борьбы с коммунизмом. Они были во главе всевозможных репрессий против коммунистической партии. Именно депутат-социалист Кенсон с самого начала войны требовал у председателя Совета министров немедленно запретить Французскую коммунистическую партию[3] и созвать обе палаты, чтобы выбросить из нашей ассамблеи предателей нации. Социалист Шассень — будущий министр в правительстве Петэна —

---

[1] «Le Populaire», 18.IX. 1939.
[2] Там же.
[3] См. *Ф. Бонт*. Дорога чести, М., 1949, стр. 17.

сожалел о том, что в начале войны не приняли «необходимых мер» и требовал, чтобы «без каких-либо судебных формальностей некоторым из них (т. е. коммунистам.— *Прим. перевод.*) пустили пулю в затылок»[1]. Докладчик по закону о лишении прав депутатов-коммунистов социалист Жорж Бартелеми называл их «сепаратистами». «Те, кто оправдывают чудовищное соглашение между Гитлером и Москвой, исключают себя из французского общества». И еще один социалист — Альбер Сероль, тогдашний министр юстиции, издал в апреле 1940 г. закон, предусматривавший смертную казнь для всех, кто подозревался в коммунистической пропаганде.

Антикоммунизм стал тогда смыслом всей социал-демократической политики. Во имя антикоммунизма «Попюлер» подчеркивала некоторые опасные аспекты правительственной политики. Леон Блюм ставил вопрос о том, насколько эффективно запрещение коммунистической партии, ибо он опасался, что ее роспуск не помешает ее деятельности, поскольку центр внимания переносится в другую область[2]; и если в палате депутатов он высказывался за принятие мер в пользу рабочего класса, то оправдывал это следующим образом:

«Самой опасной линией коммунистической пропаганды будет именно та, которая опирается на действительные факты и даст им (коммунистам.— *Прим. перевод.*) возможность заявить рабочим с какой-то степенью основания: с тех пор, как коммунистическая партия сломлена, вы отданы на милость предпринимателей и правительства»[3].

Таким образом, социалистические лидеры превосходно выполняли роль «сторожевой собаки», как беспощадно сказал тогда Морис Торез в адрес Леона Блюма[4]. Внося раскол в ряды рабочего класса, оправдывая репрессии против самых передовых его эле-

---

[1] Заседание палаты 16 января 1940.
[2] «Le Populaire», 27.IX. 1939.
[3] «Le Populaire», 23.III. 1940.
[4] «Коммунистический Интернационал», февраль 1940; *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 461—481.

ментов и помогая проводить эти репрессии в жизнь, замаскировывая действительную сущность «странной войны», они делали возможным проведение антинародной политики, которую реакционным силам самим было бы очень трудно проводить.

Запретив коммунистическую партию, сочли нужным лишить ее последней легальной возможности публично выражать свое мнение — лишить ее избранников, и прежде всего ее депутатов. Правительство спешило с проведением этой меры, не останавливаясь даже перед конституционными препятствиями. (Депутаты-коммунисты тоже пользовались парламентской неприкосновенностью). 5 октября правительство закрыло сессию парламента, не зачитав, как обычно, даже декрета о закрытии сессии, а лишь опубликовав его впоследствии в «Журналь офисьель». Немедленно были выданы мандаты на арест — парламентская неприкосновенность не действует в промежутках между сессиями; тридцать пять депутатов-коммунистов, арестованных в спешном порядке, были брошены в тюрьму Санте, где они содержались как уголовные преступники. 7 февраля 1940 г. сорок четыре депутата были отправлены после допроса в третий военный трибунал Парижа.

В чем же их обвиняли? Обвинение было столь трудно сформулировать при отсутствии реальных фактов, с помощью которых можно было бы оправдать арест, что на ходу приходилось перестраиваться... Сначала депутатов обвинили в том, что они восстановили распущенную партию, образовав в палате депутатов Рабоче-крестьянскую группу. Но оказалось, что учреждение этой парламентской группы было абсолютно законным актом [1]. Тогда обвиняемым инкриминировали письмо, посланное 1 октября 1939 г. этой группой за подписью ее председателя Артура Раметта и генерального секретаря Флоримона Бонта на вполне законном основании председателю палаты депутатов Э. Эррио. В этом письме они требовали

---

[1] См. *Ф. Бонт*, Дорога чести, стр. 22, 71. Это основная работа для изучения политики коммунистов во время «странной войны».

созыва обеих палат, чтобы обсудить предложения о заключении мира, выдвинутые советской дипломатией. Письмо было квалифицировано как действие, имеющее своей прямой или косвенной «целью пропаганду лозунгов III Коммунистического Интернационала».

Защита без труда показала всю незаконность и абсурдность обвинения, разоблачила истинные цели процесса [1]. В заключительном тексте, зачитанном на процессе от имени обвиняемых, Франсуа Бийу заявил:

«Вы не можете найти в арсенале законов, хотя и предназначенных служить классу капиталистов, ни единого основания, чтобы оправдать наш арест и преследования, которым нас подвергают... Нас арестовали и нас преследуют за то, что мы коммунисты, потому что мы остались коммунистами, несмотря на уговоры, несмотря на угрозы, несмотря на репрессии» [2].

И это верно, поскольку исход процесса предрешен заранее: само правительство уже осудило депутатов-коммунистов. И хотя депутат может быть лишен прав только в результате осуждения за уголовное преступление, правительство Даладье объявляло через палату депутатов и сенат о лишении прав депутатов-коммунистов еще до того, как судебное следствие закончено. Закон о лишении их прав, опубликованный 20 января 1940 г., лишил миллионы французов их законно избранных представителей, превратив парламент в парламент-охвостье [3], готовый на всякие беззакония. Он предрешил судебный приговор. 3 апреля 1940 г. 36 депутатов-коммунистов, из которых 9 осуждены заочно, были приговорены каждый к пяти годам тюрьмы, 5 тыс. франков штрафа и лишению

---

[1] См. *Marcel Willard*, La Défense accuse, «Les députés communistes français», Editions Sociales.

[2] Полный текст заявления см. *F. Bonte*, Le Chemin de l'honneur, p. 330—344.

[3] По аналогии с Долгим парламентом в Англии, который в 1648 г. был «очищен» от партии просвитериан, после чего получил название «охвостья».— *Прим. перевод.*

гражданских и политических прав; 5 других депутатов, из которых 3 получили тяжелые увечья на войне, осуждены условно, и тем не менее их арестовали при выходе из зала суда и бросили в концентрационный лагерь.

Судебный процесс над депутатами всего лишь один наиболее наглядный пример репрессий против коммунистов, итог которым подвел министр внутренних дел 20 марта 1940 г.: 2778 коммунистов, избранных на разные должности, лишились своих мандатов, была запрещена 161 газета[1], арестовано 3400 активистов, против 8 тыс. партийных работников применены санкции; в коммюнике сообщалось также о «большом числе интернированных в концентрационных лагерях».

* *
*

Репрессии против коммунистов явились необходимым условием и сигналом для начала более широких репрессий. Чтобы свести свои счеты с французским народом, крупная буржуазия прежде всего должна была лишить его лучших защитников; но ей нужно было еще подавить все организации, все свободы, которые еще позволяли народу выражать свое мнение.

Уничтожить ВКТ — вот одна из важнейших целей контрнаступления предпринимателей. Руководители-реформисты и правительство, выступая в тесном союзе, поделили между собой эту задачу. Первые взяли на себя обязанность донести до рабочего класса «аргументы», необходимые для того, чтобы отстранить коммунистов от руководства профсоюзами. Начал борьбу Леон Жуо. Воспользовавшись отъездом большого числа мобилизованных, он добился исключения коммунистов из Административной комиссии, а затем это было проведено в других органах ВКТ. Правительство завершило эту работу. Оно арестовало

---

[1] Речь идет не только о коммунистических газетах, но и о демократических, которые правительство окрестило «коммунистическими».

тех коммунистов из числа профсоюзных активистов, на кого совершали нападки реформисты. Оно распустило профсоюзы, которые не дали себя «убедить» и которых реформистское руководство исключило из Биржи труда. Таким образом в марте 1940 г.[1] было распущено 620 профсоюзов.

Иногда полиция помогала профсоюзам осуществлять «демократию». Когда, например, профсоюзное собрание железнодорожников Амьена 424 голосами против 7 выразило доверие бюро, большинство которого составляли коммунисты, вмешался комиссар полиции; он передал кассу и архивы семи лицам[2], голосовавшим против.

Всеобщая конфедерация труда, «обновленная» во имя национального единства, за которое ратовали те, кто лишь на словах воевал с Гитлером, совершенно перестала вести борьбу против сверхэксплуатации со стороны предпринимателей и целиком посвятила себя борьбе с коммунизмом. А поэтому рабочие очень скоро стали покидать ее. В мае 1940 г. в ВКТ, по официальным данным, насчитывалось около 1 млн. членов (а на самом деле гораздо меньше), тогда как накануне войны в нее входили 5 млн. человек[3].

Подавление основных свобод завершило уничтожение демократии. Не могло быть больше речи о суверенитете нации, поскольку мандаты, полученные коммунистами в результате выборов, были уничтожены, частичные выборы запрещены, вся полнота власти передана правительству. Не могло быть более речи о личной свободе, поскольку власти могли высылать людей на принудительное поселение, открывать концентрационные лагери, по своему произволу отзывать или смещать должностных лиц. Не могло быть больше речи о свободе слова: декрет от 25 января 1940 г. пресек «все, что может оказать нежелательное влияние на дух армии и населения». Даже «Попюлер» и «Эвр» вынуждены были отметить «опас-

---

[1] Сообщение министерства внутренних дел от 20 марта 1940 г.

[2] «L'Humanité» № 12 (décembre 1939).

[3] *Bruhat* et *Piolot*, Esquisse d'une histoire de la C.G.T., p. 176.

ность употребления слишком неясных формулировок».

Такая политика открывала, кроме того, возможность идти гораздо дальше, и реакционные силы не скрывали этого. «Гренгуар» вела против социалистов неистовую кампанию, которую можно было бы назвать: «После коммунистов очередь за социалистами». Активисты социалистической партии были встревожены [1]. В палате депутатов правые усилили атаки на депутатов и министров бывшего Народного фронта; попадало и правительству. Национализацию, проведенную правительством Народного фронта, и его социальное законодательство объявляли причиной «разложения промышленности» [2]. Так подготавливалось будущее утверждение правительства Виши «об ответственности» Народного фронта. В план реакции входила дискредитация не только всех левых, но даже правых, которые не во всем следовали примеру крайних антикоммунистов. Так, де Кериллис подвергся жестоким нападкам в палате депутатов за то, что вел в газете «Эпок» кампанию против гитлеровской «пятой колонны». Считая нужным «пролить свет» на действия коммунистов, де Кериллис в то же время требовал, чтобы «не замалчивалась деятельность и других» [3]. Мысль о том, что во Франции можно обвинить в предательстве не только коммунистов, но и кого-то другого, повергла в ужас таких «великих» патриотов, как Тиксье-Виньянкур и П. Э. Фланден; они без колебаний выдвинули против де Кериллиса тягчайшее обвинение: «Лживые доносчики,— заявил Тиксье-Виньянкур,— более опасны, чем сами предатели» [4]. Исторический опыт еще раз подтвердил непреложную истину — нападки на коммунистическую партию являются прелюдией к разгрому демократии.

---

[1] «Попюлер» приводит некоторые конкретные факты, в частности в номерах за 14 октября 1939 г. и 3 марта 1940 г.

[2] Дискуссия в секретном комитете 9 и 10 февраля 1940 г. по вопросу об авиации. См. «Annales de l'Assemblée nationale», 1448.

[3] Заседание палаты депутатов 16 января 1940 г.

[4] Там же.

* *
*

Итак, крупная французская буржуазия приняла все меры к тому, чтобы выиграть войну против рабочего класса. В октябре и ноябре появились один за другим антирабочие декреты: о ликвидации института рабочих делегатов, о пересмотре коллективных договоров по произволу министра труда, о восстановлении системы штрафов, об увеличении чрезвычайных налогов на заработную плату. Декрет от 30 октября 1939 г. приравнивал к «оборонным» все реквизированные фабрики и заводы[1], составлявшие большинство промышленных и торговых предприятий страны. Удлинение рабочего дня, значительное сокращение заработной платы, ликвидация всех законных гарантий для рабочих — таков итог этого законодательства, которое меньше чем за три месяца уничтожило достижения рабочих, завоеванные ими в течение полстолетия. И конечно, сверхэксплуатация рабочих вела к росту прибылей капиталистов. Подпольная «Юманите» регулярно печатала данные о повышении курса акций ряда крупных компаний. Классовый характер этой политики был настолько очевиден, что, несмотря на репрессии, недовольство все же прорывалось. Даже реформистская ВКТ была вынуждена реагировать на это. 14 января 1940 г. резолюция Исполкома конфедерации констатировала: «Теперь достигнут крайний предел лишений, который испытывают различные категории трудящихся». «Попюлер» развернула кампанию за «равные жертвы», хотя это было всего лишь провозглашением принципов, за которым не последовало никаких действий.

Но помимо прямых репрессий (трудно ведь посадить сотни тысяч французов в тюрьму), война давала возможность разделаться со строптивыми другими средствами. Префект полиции Ланжерон, докладывая в начале мая об этих репрессиях генеральному совету департамента Сены, заявил, что только в этом департаменте «военным властям сообщено о 1337 ак-

[1] Реквизированные по декрету 6 сентября 1939 г.

тивистах»; «673, ранее пользовавшихся льготами, вычеркнуты из списков и посланы на фронт». Он закончил свой доклад «знаменитым» примером: «На одном небольшом заводе парижского района из 425 рабочих 224 коммуниста поставлены в условия, в которых они не могут вредить» [1]. Следовательно, одной из главных ролей, возложенных на армию, была роль надсмотрщика над каторжниками, особенно в Рабочих полках, которых заставляли возводить в чрезвычайно трудных условиях укрепления, абсолютно бесполезное по мнению военных авторитетов, если не считать полковников авуанов [2]. Но от таких отделывались [3]. Что же касается предоставления брони на заводах, то критерием в этом случае являлись не квалификация рабочего, не услуги, которые он мог оказать военной промышленности, а его политические взгляды. И после этого коммунистов еще обвиняли в саботировании национальной обороны! Правители и тут готовили поражение.

* *
*

Таким образом, налицо было явное противоречие между войной за свободу, которую якобы вели против Гитлера, и уничтожением свобод внутри страны, которое оправдывали этой войной. Не избежали репрессий и некоторые политические деятели-некоммунисты. Депутат Бонве, осуждая с трибуны палаты депутатов нарушения конституции, заявил: «Наши солдаты сражаются за свободу; мы должны сохранять ее даже во время войны» [4]. Морис Делонэ, отказываясь 30 ноября 1939 г. голосовать за предоставление правительству неограниченных полномочий, спрашивал о действительных целях правительства:

«Несмотря на все шумные декларации и ваши неоднократные заявления, я считаю, что подлинные

---

[1] Приводятся в «L'Œuvres», 9.V. 1940.
[2] Персонаж из романа Арагона «Коммунисты». См. *Арагон*, Коммунисты, М., 1953., т. I.
[3] *См. Арагон*, Коммунисты, т. I.
[4] Заседание 16 февраля 1940 г.

цели войны вашего правительства еще не открыты людям, которые законно представляют нацию и остаются ответственными за ее судьбы»[1].

Правительство использовало якобинские речи лишь для того, чтобы скрыть свою истинную политику. На II году Французской революции XVIII в. защита Революции и защита Нации были неразрывно связаны. Франция была страной свободы, и именно поэтому энтузиазм и дух самопожертвования народа спасли ее; вся Нация выступила единым фронтом против горстки контрреволюционеров. В 1940 г. у Республики были отняты завоевания рабочего класса и демократии; контрреволюция распоясалась и меры «общественного спасения» использовались для того, чтобы наносить удары французскому народу, а не Гитлеру и его сообщникам; обострив классовую борьбу внутри страны, правительство разрушило единство Нации. Поэтому Марсель Виллар на процессе депутатов-коммунистов напомнил о том, что:

«Французская коммунистическая партия считала и считает, что понятие национальной обороны тождественно тому смыслу, который видит в ней народ,— оборона против внутреннего и внешнего фашизма, защита общественных свобод и социальных завоеваний»[2].

Политика правительства подрывала всякую возможность создания настоящей национальной обороны, которая одна только и могла бы сдержать гитлеровские армии.

И в то же время правительство позволяло гитлеровским агентам свободно действовать внутри страны. Гонения на коммунистов, с одной стороны, и попустительство французским фашистам,— с другой, на словах — война против гитлеровской Германии, а на деле — снисходительность к ее французской «пятой колонне». Но этот парадокс лишь кажущийся. Движимое теми же классовыми причинами, что и фашисты, прибегая к тем же антикоммунистическим и ан-

---

[1] Заседание 30 ноября 1939 г.

[2] *Marcel Willard*, Plaidoirie au procès de 44 (inédit.).

тисоветским «аргументам» в борьбе против одного и того же врага, правительство, естественно, представляло полную свободу действий силам фашизма, которые возглавляли войну против народа. К тому же оно устранило основное препятствие на их пути, ослабив ряды лучших антифашистских бойцов.

Таким образом, подготовка прогитлеровского заговора не встречала никаких препятствий. Деа и Дорио ни разу не побеспокоили. Комитет «Франция — Германия» — эта кухня гитлеровского шпионажа (до поры до времени бездействовавшая) — не был распущен. Генеральный секретарь комитета де Бринон укрывался в своем имении, но не оставался в изоляции, а продолжал свою деятельность; не без основания немцы потребовали для него пост посла Виши в Париже. Попустительство со стороны правительства участникам путча 6 февраля зашло очень далеко. Правда, оно разоблачило Поля Фердонне[1] (и его агентство «Прима»[2]), ставшего «предателем из Штутгарта». Но в то же время оно постепенно освободило почти всех кагуляров.

Делонкль и некоторые из его соучастников вышли из тюрьмы. Правительство приостановило судебное преследование обвиняемых, которые так и не предстали перед судом и которые находились на службе в армии. Уверенность в их патриотизме была настолько сильна, что некоторым из них даже были поручены специальные миссии[3]. Даже Метенье, который доставил бомбы для покушения на площади Этуаль, даже Бувье и Форан, которые принимали участие в убийстве братьев Россели, были выпущены на свободу. В мае 1940 г. в тюрьме оставалось всего восемь обвиняемых.

---

[1] Поль Фердонне — гитлеровский наймит, в марте 1940 г. через штутгартскую радиостанцию на немецком языке передал выступление Лаваля в сенате на закрытом заседании особого комитета.— *Прим. перевод.*

[2] Подпольная «Юманите» № 3 за 3 ноября 1939 г. напомнила, что еще в 1937 г. она неоднократно разоблачала это гитлеровское агентство, вследствие чего ее дважды осуждали за «клевету».

[3] «L'Humanité» № 149, décembre 1939.

Не только коммунисты, но и некоторые правые деятели, не ослепленные классовым эгоизмом, предупреждали в то время об этой опасности. В частности, де Кериллис сообщал о масштабах этого заговора.

«Полная свобода предоставлена предателям — завсегдатаям салонов... Гитлер выбирал своих шпионов и шпионок в самых высоких слоях общества. Двумя наиболее характерными представителями германских шпионов были шпионка Бутнер и шпион Абец. Оба они посещали самые богатые салоны Парижа, посольства, министерства, политических деятелей и были вхожи в официальные круги. О фактах, которые я здесь описываю, говорят все французы — военные и невоенные. Все они подтверждают их. Но парламент все это игнорирует» [1].

Однако «пятую колонну» это мало беспокоило. На хорошо расчищенной и подготовленной правительством почве предатели могли действовать совершенно безнаказанно и вскоре их призвали обосноваться непосредственно в лоне правительства.

Война против Советского Союза

Репрессии против коммунистов, ликвидация демократических свобод имели целью не только подавить сопротивление французского народа. Они должны были стать также средством борьбы против страны социализма. Антисоветская политика была не только орудием пропаганды для внутреннего пользования: англо-французские правители упорно хотели превратить войну в антисоветский крестовый поход. Неистовая кампания антисоветской клеветы, начавшаяся после заключения советско-германского пакта о ненападении и событий в Польше, уже подготовила для этого психологическую почву. Финская война дала возможность приступить к его осуществлению. Объявленная Гитлеру война должна была стать для крупной английской и французской буржуазии удоб-

[1] «L'Epoque», 25.II. 1940.

ным случаем для сведения счетов со страной социализма.

30 ноября 1939 г. началась война между СССР и Финляндией.

«Неописуемая буря поднялась в сознании буржуазии. Дух крестового похода повеял отовсюду... Раздавался один только клич: «Войну России!» Сразу же наиболее пацифистски настроенные элементы стали самыми воинственными. Те, кто не желал «умирать за Данциг», хотел теперь «умереть за Хельсинки». Те, кто доказывал, что нельзя воевать против одной Германии, теперь доказывал, что можно воевать сразу — против Германии и против России вместе. Те, кто ратовал за сохранение полной неподвижности за линией Мажино, умолял теперь послать армию сражаться к Северному полюсу... Именно в это время горячка антикоммунизма достигла своего пароксизма и приняла формы эпилепсии»[1]. Это выражение не слишком сильно. Просматривая прессу тех лет, можно обнаружить такой же разгул антисоветской клеветы, как и в те времена, когда большевиков изображали с ножом в зубах...

Таким образом, война «за право и свободу» требовала выступления в защиту «финляндской демократии» и оказания помощи ее «храброму» и «достойному главе» — маршалу Маннергейму. Чудовищность этих фальсификаций сочеталась с лживой пропагандой о «финских победах». Вся пресса издевательски писала о советских неудачах: «Финские лыжники постепенно изматывают советские войска»[2]. Обнаружилась будто бы неслыханная слабость Красной Армии: «Финны оказываются перед ордами, не способными обеспечить выполнение старательно разработанного военного плана»[3]. Поэтому советско-финское перемирие было совершенно непонятным. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости войны против СССР, надо было убедить его в слабости противника, с которым предстоят бои.

---

[1] *De Kèrillis*, Français, voici la vérité, New York, 1942, p. 102.
[2] «Le Populaire», 10.I. 1940.
[3] «Le Temps», 4.I.1940.

Однако причины и действительный характер русско-финского конфликта уже тогда мог легко понять всякий, кто хотел понять. Финляндия являлась прекрасным плацдармом для нападения на СССР. «Линия Маннергейма», протянувшаяся вдоль границы Финляндии, подобно «линии Зигфрида» на западе Германии, была задумана не только как линия обороны, но и как трамплин для нападения. Впрочем, оба эти сооружения были построены одним и тем же немецким инженером — Тодтом. Промышленный район Ленинграда, второго по значению города СССР, находился на расстоянии пушечного выстрела от финской границы. С момента рождения Советской власти Финляндия использовалась в антисоветских целях. Именно отсюда и из прибалтийских государств в СССР засылались шпионы и провокаторы. Пограничные инциденты в 1939 г. стали постоянным явлением. В этой странной «демократии» на самом деле вся власть принадлежала маршалу Маннергейму: маршал, верховный главнокомандующий, председатель Совета обороны, «некоронованный король» по выражению одной английской газеты [1], он был, кроме того, главой «белой гвардии» — контрреволюционной армии, образованной на другой же день после финской революции и включавшей почти всех офицеров. Этот великий «демократ» был типичным представителем военной касты крупных земельных собственников, в 1918 г. подавил финскую революцию с такой жестокостью, что за ним закрепилось прозвище «мясник». Его нацистские симпатии были известны, а «белая гвардия» являлась главным оплотом фашистского лапуаского движения [2]. Этот великий «патриот» в 1905 г. подавил финское национальное движение, так как оно сливалось с революционным движением против царизма. Когда молодая республика Советов предоставила Финляндии полную независимость, Маннергейм призвал немецкие войска для подавле-

[1] «Daily Mail», 17.X. 1939.

[2] Лапуаское фашистское движение в Финляндии возникло осенью 1929 г. Названо по его центру — кулацкому району Лапуа в Эстерботнии.— *Прим. перевод.*

ния революционного движения финского народа. С 1933 г. связь между финской и немецкой военщиной еще больше усилилась. Летом 1939 г. генерал Гальдер, начальник генерального штаба германской армии, посетил Финляндию и инспектировал войска на линии Маннергейма. Спустя несколько недель генерал Эш, начальник штаба финской армии, получил самую высокую военную награду Германии — железный крест.

Советское правительство, заботясь о безопасности СССР, для которого такое положение представляло непосредственную угрозу, потребовало твердых гарантий. Сам Черчилль наряду с антисоветской бранью вынужден был признать:

«Этим самым (т. е. заключением договоров с прибалтийскими государствами) армия Советов быстро преградила пути возможным устремлениям Германии — путь с юга, ведущий к Ленинграду, а также путь через Финский залив. И только доступ через Финляндию оставался открытым» [1].

Один американский историк, специалист по советско-финским отношениям, утверждает, что, выдвигая свои предложения, СССР исходил из «расчетов безопасности, которые появились не вдруг... Советские требования, предъявленные Финляндии в октябре 1939 г., не отличались от требований, с которыми он обращался за много месяцев до этого. Эти требования вызваны постоянным страхом перед германским нападением». И он заявляет, что «не находит никаких доказательств преднамеренного умысла превратить Финляндию в русскую вотчину... или уничтожить ее независимость» [2]. Он, напротив, подчеркивает добрую волю Советского правительства, принявшего финские контрпредложения; переговоры между советским колоссом и малой страной, с населением меньше четырех миллионов человек, протекали в условиях полного равноправия. Условия мира, подписанного 12 марта 1940 г., после победы советских

[1] *W. Churchill*, L'Orage approche, t. II, p. 148.

[2] *A. T. Anderson*, Origins of the Winter War, «World Politics», janvier 1954.

войск, превосходно показывают действительные цели СССР[1]. В нем не было и намека на стремление захватить Финляндию или навязать ее правительству какие-либо политические условия. 13 марта, на другой день после заключения мира, маршал Маннергейм превозносил в приказе «священную миссию своей армии, являющейся аванпостом западной цивилизации на востоке». А с сентября 1940 г. началась действительная военная оккупация Финляндии гитлеровскими войсками. В 1941 г. Финляндия вступила в войну на стороне нацистской Германии. Но благодаря мерам безопасности, принятым в 1939—1940 гг. Советским правительством, Ленинград никогда так и не был взят.

Ясно, что финляндское правительство не пошло бы в ноябре 1939 г. на риск конфликта с СССР, если бы не было уверено в поддержке извне. Действительно, между 5 октября 1939 г. (дата вручения советской ноты) и 13 ноября (когда финское правительство сорвало переговоры) с целью подталкивания Финляндии на конфликт с СССР были направлены нота Соединенных Штатов Советскому Союзу (12 октября) и послание Рузвельта Калинину; с этой же целью лорд Галифакс пытался оказать давление на Майского, советского посла в Лондоне (21 октября). «Дейли мейл» 17 октября 1939 г. писала: «Если она (Финляндия) сможет получить официальные заверения в предоставлении военной, а также моральной и финансовой помощи, то она выдержит». Конференция северных стран, состоявшаяся 17 октября в Стокгольме, кажется, сыграла немаловажную роль в укреплении неуступчивой позиции Финляндии. Оценивая результаты этой конференции, «Тан» писала: «Финляндия может рассчитывать на солидарность Скандинавских стран и на моральную поддержку всего цивилизованного мира»[2]. А ведь «западные демо-

---

[1] Южная граница Финляндии была отодвинута на север; полуостров Ханко сдан в аренду под морскую базу; таким образом была обеспечена безопасность района Ленинграда.

[2] «Le Temps», 24.X. 1939.

кратии» были не одни за кулисами конференции. Присутствие на ней такого примечательного лица, как авантюрист Свен Гедин, личный друг Гитлера, прибывшего прямо из Берхтесгадена, свидетельствовало, сколь большой интерес вызывали у фюрера финские дела.

Следовательно, правящие круги империалистических стран умышленно толкали обе стороны на войну, так как этот конфликт предоставлял им долгожданную возможность превратить его в антисоветскую войну. Провокационный характер этих устремлений был ясен уже тогда. «Фигаро» проболталась, сообщив 23 октября 1939 г., когда еще шли советско-финляндские переговоры: «На флангах СССР три района способны вызвать серьезные причины для его беспокойства. На севере — прибалтийские государства и Финляндия... На юге — Кавказ, где много уязвимых мест... И, наконец, Владивосток на Дальнем Востоке, являющийся револьвером, направленным против наших японских друзей, который они всегда хотели обезвредить» [1].

Именно таков был план, действительно разрабатывавшийся против Советского Союза. Уже в период с мая по сентябрь 1939 г. Япония развязала на монголо-маньчжурской границе ожесточенные сражения, в которых японцы потерпели сокрушительное поражение.

Под флагом помощи Финляндии организовывался антисоветский фронт — Англия, Соединенные Штаты и Франция посылали в Финляндию оружие и деньги. Французский премьер Даладье в своей речи 12 марта 1940 г. сказал: «Франция стоит во главе стран, которые оказали Финляндии помощь военными материалами: она послала ей 175 самолетов, 496 орудий, 5 тыс. пулеметов, 400 морских мин, 20 тыс. гранат и 20 млн. боевых патронов».

Тотчас же была намечена отправка войск. Решение об этом было принято 4 января на совещании французского высшего военного командования, а

[1] Статья Владимира Ормессона.

5 февраля оно было подтверждено верховным межсоюзническим советом. Колебания вызвал лишь вопрос о форме; французское командование мечтало о сформировании «смешанной бригады иностранных добровольцев... из южных стран». Затем решили послать «горно-стрелковую бригаду» [1]. 28 февраля эти части были организованы и собраны в одном месте.

Позиция европейских фашистских государств в этом конфликте окончательно говорила о том, что это была попытка организации антибольшевистского крестового похода, который проповедовал Моррас, писавший: «У нас есть средства сделать совершенно непреодолимыми для красных орд эти Фермопилы цивилизации, какими являются границы Финляндии» [2].

Действия гитлеровской Германии сдерживал германо-советский договор о ненападении, который Гитлер не имел намерения разрывать в то время. Но иностранные наблюдатели отмечали засилье «профинляндских настроений» в Берлине. Гитлер с трудом скрывает свое удовлетворение при получении известия о трудностях Красной Армии при штурме линии Маннергейма. Он позволяет шведским корреспондентам в Берлине написать, что Германия не будет чинить препятствия, если через Швецию финам будут переправлять военные материалы и добровольцев [3]. У фашистской Италии руки развязаны — она доставляет оружие и самолеты-бомбардировщики в Финляндию, готовит добровольцев [4].

«Европейское сотрудничество» поставлено на широкую ногу: итальянским самолетам, предназначавшимся для отправки в Финляндию, разрешено пролетать над Францией [5]. Один из заголовков газеты «Эвр» от 3 января гласил: «Организуется иностранная помощь Финляндии. Послы Англии и Италии выехали из Москвы на неопределенное время».

---

[1] *Gamelin*, Servir, t. III, p. 195—197.
[2] «L'Action francaise», 2.I. 1940.
[3] «L'Œuvres», 2.I.1940.
[4] *Ciano*, Journal politique, Neufchatel, 1958, p. 183, 195, 204.
[5] *Gamelin*, Servir, t. III, p. 197.

Так наметился политический курс, направленный на разрушение прежних союзов. Впрочем, разве известный американский журналист Уолтер Липпман не писал, что «важнейшим вопросом, который решался в этой войне, был вопрос о том, возвратится ли Германия в Лигу наций, объединяющую западные державы, в качестве защитника Запада» [1].

Финская война была рукой помощи, протянутой Германии. В этом отношении была особенно показательна позиция «пацифистов». Одно из наиболее наглых заявлений сделал в палате депутатов Марсель Деа. Тот, кто за кулисами руководил деятельностью «Комитета связи в защиту мира» (с Гитлером), выражал с трибуны палаты сожаления по поводу двусмысленной политики в отношении СССР и требовал разрыва с ним [2].

Однако этот маневр был сорван. Советские войска взломали линию Маннергейма. Гитлер уже подготовил тогда планы продвижения на Запад, где, как он знал, можно было добиться победы ценой небольших усилий. Кроме того, общественное мнение западных государств, особенно Франции, несмотря на то что его систематически вводили в заблуждение по вопросу о советско-финляндском конфликте, испытывало отвращение при мысли об антисоветской войне. Фроссар [3] с негодованием констатировал, что пропаганда в этом отношении провалилась...

Иными словами, доверие к СССР и влияние Французской коммунистической партии, хотя и в неопределенной форме, по-прежнему оставались чрезвычайно сильными. Даже «Попюлер» настолько понимала такое положение вещей, что считала нужным иногда печатать более осторожные статьи. «Никакого антисоветского крестового похода»,— писала она, напо-

---

[1] «New York Herald», 12.X.1939.

[2] Заседание секретного комитета 9 февраля 1940 г.

[3] Фроссар, Людовик-Оскар — бывший генеральный секретарь Французской коммунистической партии в первые годы после ее основания. Изменив делу борьбы за коммунизм, вышел из компартии и вступил в социалистическую партию. Во время «странной войны» был министром финансов.— *Прим. перевод.*

миная, что к нему призывали «ветераны 6 февраля, не до конца раскаявшиеся прогитлеровцы и сторонники невмешательства в дела Испании»[1]. Впрочем, это нисколько не мешало депутатам-социалистам поощрять отправку войск в Финляндию.

Хотя карта Финляндии была бита, у «западных демократий» оставался еще один козырь. Со времени финской войны в Европе был подготовлен другой плацдарм для нападения на СССР.

10 января 1940 г. в «Тан» просочилась мысль об этом: «Отправка войск в Финляндию должна была бы сочетаться с мощной диверсией, осуществленной в другой части колоссальной советской империи. Районом, вполне подходящим для подобной операции, является Черное море. Известно, что неподалеку от него находятся объекты чрезвычайно чувствительные для СССР,— нефтяные промыслы».

19 января 1940 г. Даладье просил «генерала Гамелена и адмирала Дарлана изучить вопрос о возможной интервенции с целью уничтожения русских нефтепромыслов»[2]. Отсюда можно понять, чем было вызвано присутствие в Сирии, за тысячи километров от германо-французского фронта, крупной армии Вейгана. Она была предназначена для осуществления операции, в которой сочетались антисоветские цели и старые грабительские планы англо-французских империалистов в отношении этого богатого района. 22 февраля 1940 г. план Гамелена был готов. Сущность его состояла в том, чтобы подвергнуть интенсивной бомбардировке район Баку, в результате чего был бы «нанесен очень сильный, если не решающий, удар по советской военно-экономической системе. Через несколько месяцев СССР был бы в таком тяжелом положении, что оказался бы на краю полного краха»[3].

---

[1] «Le Populaire», 15.I. 1940.

[2] «Die Geheimakten des französischen Generalstabes», № 19. Речь идет о бумагах французского генерального штаба, захваченных в Шарите-сюр-Луар гитлеровцами во время массового бегства и опубликованных ими.

[3] «Die Geheimakten des französischen Generalstabes», № 22.

Советско-финляндское перемирие не приостановило подготовку к осуществлению этого плана. Напротив, как заявил Гамелен, оно должно «побудить нас действовать *более быстро* и *более энергично»* [1].

Генерал Гамелен подготовил 5 апреля 1940 г. окончательный план бомбардировки «нефтеперерабатывающих заводов и портового оборудования Батуми, Поти, Грозного, Баку» [2]. Приведение в исполнение этого плана Вейган назначил на конец июня — начало июля [3]. Но к этому времени у Франции появились другие заботы.

Международные осложнения, которые могли быть вызваны этими антисоветскими акциями, ни на миг не остановили их инициаторов. А Швеция и Норвегия, в чьи расчеты вовсе не входил разрыв отношений с СССР, чинили ли они препятствия при пропуске через их территории войск в Финляндию? Леон Блюм писал по этому поводу: «В случае, если Финляндия обратится с официальной просьбой, Англия и Франция высадят и переправят экспедиционные войска, не считаясь с наличием формального согласия Норвегии и Швеции» [4].

Отсюда видно, какова в некоторых случаях цена тому мнимому уважению к чужому нейтралитету, который столь превозносят «западные демократии». Конечно, еще больший риск представляла собой открытая война с Советским Союзом. Но даже это не останавливало англо-французских правителей. На другой день после заключения мира с Финляндией Леон Блюм писал: «...Не нужно провоцировать события, но не следует их и бояться... Если войны с Советами можно избежать — тем лучше, если же нельзя — пусть она будет» [5].

На заседании военного кабинета 12 апреля 1940 г. было отмечено, что трудно начать операции в Баку,

---

[1] «Die Geheimakten des französischen Generalstabes», № 27. Подчеркнуто в тексте документа.
[2] Там же, № 34.
[3] Там же, № 38.
[4] «Le Populaire», 9.III. 1940.
[5] «Le Populaire», 26.III. 1940.

не находясь в состоянии войны с Советским Союзом. Но за этим ведь дело не станет! Как писал Гамелен, «почти все принимают эту неизбежность с легким сердцем» [1].

Эта антисоветская ярость превосходно служила интересам Гитлера и французских гитлеровцев. Французский фронт заметно ослаблен в материально-техническом отношении. Французский генеральный штаб тратил свои способности на составление антисоветских планов, а не на разработку способов сопротивления в молниеносной войне, такой войне, какая развернулась в Польше. Генерал де Голль часто вспоминает о своих попытках доказать необходимость создания моторизованной армии, но «скромность» мешает ему сознаться, что именно он явился автором плана посылки в Финляндию экспедиционного моторизованного корпуса [2]. Вместе с тем оружия и людей, которых отправляли в Финляндию и на Средний Восток, очень недоставало в самой Франции во время гитлеровского наступления. А ведь правительство знало, что вооружение французской армии сильно уступало вооружению немецкой армии. На заседании секретного комитета 9 февраля 1940 г. состояние авиации подверглось острой критике. Несмотря на возражения министра авиации Ги ля Шамбра, выяснилось, что официальные данные о состоянии французской авиации преувеличены и что французская авиация значительно слабее германской. Но это не помешало палате депутатов приветствовать известие о посылке в Финляндию 110 самолетов (30 было отправлено раньше). На заседании секретного комитета Даладье выступил с весьма показательной речью: «Вполне обоснованно отмечали некоторую нехватку противотанковых орудий. Я послал противотанковые орудия в Финляндию (возгласы: *«Очень хорошо! Очень хорошо!»*), так как они могли остановить русские танки, и именно они остановили их (единодуш-

[1] *Gamelin*, Servir, t. III, p. 337.

[2] *De Kérillis*, De Gaulle dictateur, p. 205. Автор книги заявляет, что у него имеется письмо Поля Рейно, содержащее краткое изложение этого плана.

ные *аплодисменты*). Мы продолжим начатое дело, не так ли?»

На этом примере опять хорошо видна странная концепция национальной обороны, которой придерживалось французское правительство, ибо планы немецкого нападения на Запад уже были к этому времени готовы [1]. Черчилль писал, что разведывательная служба знала о существовании нескольких вариантов этих планов (вторжение через Бельгию и Голландию) и сигнализировала о непрерывном усилении немецких войск на западе. Он приходил к заключению: «Эти усилия (по оказанию помощи Финляндии) перешли границы благоразумия» [2].

В то же время в общественном мнении окончательно укрепилась мысль о том, что войны с гитлеровской Германией не будет. «Именно в этот момент,— пишет де Кериллис,— в самый разгар войны с Германией, мысль о германской опасности окончательно исчезла» [3]. Можно ли удивляться после этого, что в мае 1940 г. оказалось невозможным организовать надежную оборону страны против Гитлера?

Политика Французской коммунистической партии

Пока имелась возможность превратить войну в оборонительную, антигитлеровскую, коммунистическая партия использовала все силы для достижения этой цели. Но с конца сентября 1939 г. эта возможность перестала существовать. Запрещение коммунистической партии сразу же открыло путь разгулу реакции и антисоветской кампании. «Война ведется в защиту интересов эксплуататоров. Реакция больше не скрывает, что действительный враг, против которого она хотела бы вести войну,— это Советский

---

[1] Документы Нюрнбергского процесса показывают, что первый план относился к 19 октября 1939 г., а окончательный план — к 24 февраля 1940 г.

[2] *W. Churchill*, L'Orage approche, t. II, p. 184.

[3] *De Kèrillis*, Français, voici la vérité, p. 102.

Союз, великая страна социализма. И становится все яснее, что даладье и рейно, поддерживаемые блюмами и жуо, до сих пор вели войну прежде всего внутри страны, против рабочего класса, против трудящихся масс»[1].

Поэтому поддержка войны в том виде, в каком она велась до сих пор, означала бы ослабление самых решительных внешних и внутренних противников гитлеровского агрессора, т. е. СССР, а также антифашистских сил самого французского народа; это означало бы поддержку политики реакции, которая в ходе войны, будто бы объявленной гитлеризму, укрепляла фашистские силы во Франции и расчищала путь Гитлеру. Итак, войну, которую вели силы империализма, нужно было остановить.

Начиная с 1 октября 1939 г. депутаты-коммунисты в письме председателю палаты депутатов Эдуарду Эррио требовали «созыва парламента с целью обсуждения на открытом заседании вопроса о мире»[2]. В письме говорилось о дипломатической инициативе СССР, по поводу которой правительственная пресса выразила единодушное негодование. «Как можно,— говорилось в письме,— отвергать предложения о мире прежде, чем они стали известны, и без консультации с суверенными представителями нации!»

Мир, которого добивались коммунисты, ничего общего не имел с тем, что мюнхенцы называли миром. Речь шла о «мире справедливом и прочном», основанном на «политике коллективной безопасности». В письме разъяснялась возможность достижения такого мира, так как империалистическим поджигателям войны и гитлеровской Германии противостоит Советский Союз[3]. Его мощь и принципы внешней политики, исключающие какие бы то ни было империалистические цели, позволяли достигнуть урегулирова-

---

[1] Обращение ЦК Французской коммунистической партии в феврале 1940 г.; приводится у М. Тореза (Œuvres, L. V, t. XIX, p. 25).

[2] Изложение письма см. в книге: *Ф. Бонт*, Дорога чести, стр. 71—72.

[3] См. *Ф. Бонт*, Дорога чести, стр. 72.

ния, в корне отличающегося и от гитлеровского диктата и от империалистического компромисса. Именно это предложение вызывало «тошноту» у Леона Блюма.

Как отмечает Бонт, «лидер социалистической партии легче переваривал пагубные римские соглашения, роковую политику «невмешательства» и мюнхенское предательство».

Ясно, что такой мир не устраивал империалистических правителей. Поэтому письмо было использовано как предлог для выдвижения обвинения против депутатов-коммунистов. Но борьба за мир все же продолжала усиливаться. Подпольная печать партии терпеливо разъясняла народным массам разницу между войной, которую якобы вели, и той войной, которая шла на самом деле. Она указывала на то, что во Франции все чаще применяются методы управления, характерные для фашистских стран; она разъясняла политику Советского Союза и разоблачала подготовку антисоветской войны в Финляндии и на Среднем Востоке. Донести правду до общественного мнения, которое систематически обманывали, заставить массы понять на своем собственном конкретном опыте империалистический характер войны — такова была задача, которую ставила перед собой «Юманите», чтобы создать массовое движение, способное остановить империалистическую войну. Но коммунисты отнюдь не упускали из вида особенности второй мировой войны. Они помнили, что Германией правят нацисты, ставящие своей целью порабощение завоеванных народов. «...Война со стороны Германии носила более реакционный, более агрессивный характер»[1]. В силу этого коммунистическая партия не могла применять тактику революционного пораженчества, как это делали большевики в первую мировую войну. В условиях данного времени такая тактика могла облегчить Гитлеру его задачу, а победа гитлеровцев во Франции означала бы жесточайшее порабощение французского народа и усиление фашистского гнета в самой Германии.

[1] *П. Деревянко* и *Д. Проэктор*, К вопросу о характере второй мировой войны, «Коммунист», 1958, № 5, стр. 78.

Коммунистическая партия гневно протестовала, когда ее обвиняли в том, что она призывала солдат дезертировать из армии, а рабочих — саботировать производство военных материалов. Одному журналисту-коммунисту, который спросил у Мориса Тореза, перешедшему на нелегальное положение: «Не думаешь ли ты, что и другие товарищи — коммунисты покинут ряды армии, чтобы бороться в подполье?», Морис Торез ответил: «Нет, дорогой товарищ, не бойся, коммунисты знают, где и как они должны бороться... Члены партии борются и будут бороться вместе с народом там, где они могут оказывать на него влияние, организовывать его, там, где они могут защищать его интересы» [1].

Разоблачая газету «Гренгуар», которая опубликовала официальный циркуляр, разосланный директорам авиационных заводов с целью предупредить их о том, что коммунисты якобы готовят покушения, «Юманите» писала в статье под заголовком «Неудавшаяся провокация»: «Не удастся заставить поверить, что наша партия, верная учению Ленина и являющаяся сторонницей массовых выступлений, начиная от посылки петиций, манифестаций и стачек, вплоть до революционного восстания народа, вдруг стала сторонницей покушений, индивидуальных действий... Оказавшись бессильными оторвать нашу партию от народа, вы готовите новый «поджог рейхстага»».

В статье отмечалась связь между информацией, помещенной в газете «Гренгуар», и освобождением кагуляров: «Кое-кому была поручена специальная миссия... уж не эта ли специальная миссия была доверена им?» [2] Таким образом, верная национальным интересам и принципам пролетарского интернационализма, коммунистическая партия не призывала к поддержке империалистической войны, но и не придерживалась тактики революционного пораженчества. Ее роль состояла в том, чтобы «терпеливо и настойчиво разъяснять массам империалистический харак-

---

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 457.
[2] «L'Humanité» № 34, 27.III. 1940.

тер войны и «требовать мира»»[1]. В то же время она направляла свои главные удары против тех, кто под маркой идеологической войны действовал на руку Гитлеру.

«Коммунисты,— говорилось в одном из воззваний коммунистической партии,— ненавидят Гитлера и антирабочий режим насилия, который он представляет; но мы не признаем за мюнхенцами, капиталистами-эксплуататорами и платными агентами Абеца права говорить об антигитлеризме в то время, когда они вводят во Франции методы фашистского угнетения... Французская коммунистическая партия гордится тем, что она беспрестанно, не покладая рук боролась с гитлеризмом; и она всегда заявляла, что борьба против фашизма требует прежде всего обезвредить французских фашистов, врагов французского народа»[2].

Продолжать борьбу за «хлеб, мир и свободу» означало не только защитить основные интересы французских трудящихся, но и обеспечить возможность прогресса. Борьба против реакции, которая лишала антигитлеровскую войну всякого смысла и силы и которая предоставляла «пятой колонне» полную свободу действий, была первым условием борьбы против гитлеризма.

* *
*

Ни полицейские меры, ни принявшая колоссальные масштабы идеологическая обработка масс были не в силах вызвать распад коммунистической партии.

«...Французская коммунистическая партия имеет законное право гордиться своими кадрами... Лишь немногие — кто из страха, а кто будучи агентом классового врага[3],— оказались отступниками. Но что значит их отступничество при той твердости перед лицом

[1] «Cahiers du bolchévisme», 2e semestre 1939— janvier 1940. «Le Parti communist français en lutte contre la guerre impérialiste».

[2] «Appel au Peuple de France» (Premiere quinzaine d'octobre 1939), «Cahiers du bolchevisme», 2e semestre 1939— janvier 1940.

[3] Наиболее серьезным был случай с провокатором Життоном, которому удалось даже пробраться в руководство Французской коммунистической партии.

испытаний, которую являют наши товарищи, находящиеся как в тюрьмах, так и на свободе и в армии?»[1]

Но партия отныне должна была приспособиться к условиям борьбы в подполье. Теперь более чем когда-либо было необходимо иметь прочную организацию, твердое и испытанное руководство. Центральный комитет был озабочен тем, чтобы сохранить силу партии и обеспечить преемственность ее политического курса. Поэтому он потребовал, чтобы Морис Торез, единственный член политбюро, которого мобилизовали, уклонился от репрессий. 4 октября 1939 г. генеральный секретарь партии покинул свою воинскую часть в Шони.

«Продажная печать называет меня дезертиром. Я был бы им, если бы не сделал все необходимое, чтобы остаться на своем посту в классовой битве, которую французский народ должен вести против поджигателей войны, фашистов, капиталистических эксплуататоров... Надо было... вопреки всему и всем — обеспечить руководство партией; этой необходимости я подчинился, и все трудящиеся, которые думают о борьбе, которые готовятся к ней, одобрят мои действия»[2].

Эта борьба была борьбой против сил реакции, которые готовили поражение, а в скором времени и борьбой против оккупантов, за освобождение Франции. Лишить партию всех, кого активисты выдвинули в руководство за их преданность, их опыт работы в рабочем движении, их мастерское применение марксистских методов, значило существенно ослабить партию. И силы реакции очень хорошо понимали это, о чем свидетельствовали их непрерывные попытки оторвать активистов от руководителей. В течение периода «странной войны» одна из главных тем реакционной пропаганды заключалась в том, чтобы противопоставить «бедных» низовых работников, якобы не понимающих, куда их завели, руководителям, хорошо сознающим, что они делают. Депутат-социалист Шассень требовал «суровости в отношении руководителей и

---

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 454.
[2] Там же, стр. 456—457.

снисходительности к рядовым членам». Не случайно именно генеральный секретарь Французской коммунистической партии получил самую большую долю оскорблений, направленных в адрес коммунистов. Все знают, насколько существенный вклад внес Морис Торез в дело восстановления партии после 1932 г., в дело разработки политики Единого фронта, Народного фронта и Французского фронта. Сам факт жестоких атак, обрушенных реакцией на коммунистов, говорит о правильности решения, принятого в октябре 1939 г.

Все звенья партии уходят в подполье. Ячейки и районное руководство продолжают свою деятельность, подчиняясь строгим правилам бдительности, необходимым для работы в подполье. Коммунистическая пресса — важное средство общения с массами — продолжает выполнять свои задачи. Подпольная «Юманите», первый номер которой вышел 26 октября 1939 г., выходит без перерыва вплоть до того, когда она снова стала легальной. За время «странной войны» увидело свет более 50 номеров этой газеты, общим тиражом около 10 миллионов экземпляров[1], несмотря на то что в марте 1940 г. была арестована вся редакция газеты. Росло число ячейковых и районных газет, а также выпуск листовок. На фронте солдаты-коммунисты издавали свои газеты: «Связь», «Люди 31-й», «Красная звезда», «Морской Шербур» и т. д.

Конечно, переход коммунистов в подполье не везде происходил легко. В больших городах (особенно в Париже и его окрестностях), крупных промышленных районах (на севере) подпольные организации быстрее всего развернули свою деятельность и укрепились; именно отсюда в 1940 г. началось движение Сопротивления.

Но партия не ограничилась приспособлением к условиям подпольной работы. Она стремилась использовать до конца все возможности легальной деятельности, которыми она еще располагала. У коммунистов-депутатов еще сохранялись, по крайней мере теорети-

---

[1] В период с 26 сентября 1939 по 19 августа 1944 г. вышли 316 номеров подпольной «Юманите».

чески, парламентские мандаты, так как вопрос о лишении их прав еще не был поставлен на голосование. Таким образом, трибуна палаты депутатов оставалась средством, с помощью которого доходил до общественности голос партии. И депутаты использовали эту трибуну как нельзя лучше. После запрещения коммунистической партии они создали в парламенте «Рабоче-крестьянскую группу», в которую был открыт доступ всем, кто признавал программу, выработанную Гедом для Французской рабочей партии в 1880 г. Несмотря на преследования, депутаты-коммунисты продолжали разъяснять и защищать политику своей партии. 30 ноября 1939 г. открылась чрезвычайная сессия парламента; на повестке дня стояли вопросы внешней политики. Флоримону Бонту было поручено выступить на этой сессии с заявлением[1]. Обманув бдительность полицейских, которые охраняли входы в Бурбонский дворец, он пробрался на свое место, отстоял свое право на свободу слова среди бури оскорблений и начал читать это заявление. Квестор, председатель, привратник и депутаты все вместе старались изгнать его. Несмотря на его отчаянное сопротивление, они стащили его с места. Ни единого слова из заявления не попало в «Журналь офисьель». Бонта арестовали в самом Бурбонском дворце в нарушение парламентской неприкосновенности[2]. 9 января 1940 г., когда началась очередная сессия парламента, 4 коммуниста, мобилизованные в армию и получившие обычные увольнительные, опять оказались на своих местах[3]. Их тоже изгнали, оскорбляли и избивали. А что было использовано в качестве формального предлога для этого? То, что они отказались присоединиться к милитаристским манифестациям парламента.

«Они отказались,— писала «Юманите»,— присоединиться к недостойной комедии священного единства,

[1] См. *Ф. Бонт*, Дорога чести, стр. 24, 29—34.

[2] Депутат-коммунист Гастон Корнавэн, временно отпущенный на свободу по состоянию здоровья, явился на заседание палаты для поддержки Бонта, за что был брошен в тюрьму.

[3] Это были Раймон Гюйо, Шарль Мишель, Андре Мерсье, Ферран Гренье.

которая состоит в том, чтобы представить как патриотический долг те жертвы, на которые обречены солдаты и французский народ в интересах исключительно капиталистической бандитской шайки, которая грабит страну»[1].

Таким образом еще раз был публично разоблачен несправедливый характер войны, которую вело французское правительство. Во время голосования по вопросу о лишении прав депутатов-коммунистов представители коммунистической партии еще присутствовали в парламенте[2]. 16 января Этьен Фажон, противопоставив спокойствие и твердость бешенству буржуазных депутатов, овладел трибуной, заставил выслушать протест своей партии и показал действительный характер так называемой антигитлеровской войны[3]. В ходе процесса над депутатами-коммунистами и обвиняемые и их защитники боролись за то, чтобы дебаты дошли до широкой публики и чтобы заседания при закрытых дверях начались как можно позже. Депутаты-коммунисты вопреки всем и всему шли «дорогой чести», доносили слово коммунистической партии до народа. И мужество тех, кто, несмотря на оскорбления, побои, тюрьмы, продолжал выполнять свои обязанности избранников нации и долг коммунистов, заставляло задуматься многих французов. Даже в сенате социалист Башле заявил, что он сохраняет свое уважение к сенатору Марселю Кашену, «который считает, что его политическая честь велит ему оставаться верным своим теориям».

* *
*

Несмотря на мужество коммунистов-активистов, пропаганда партии и вся ее деятельность наталкивались на все бóльшие трудности. В этих условиях было

---

[1] «L'Humanité» № 19, 14.I. 1940.

[2] Этьен Фажон и Адриан Мутон, мобилизованные в армию, не получили вовремя увольнительной, чтобы присутствовать на заседании 9 января. Жорж Коньо был болен и попал в военный госпиталь как раз 9 января.

[3] «Journal officiel», 18.I. 1940. См. также *Арагон*, Коммунисты.

нелегко организовать движение масс. Однако именно эту задачу должна была выполнить Французская коммунистическая партия для того, чтобы во Франции пришло к власти «правительство мира, опирающееся на народные массы, представляющее гарантии против реакции, обеспечивающее сотрудничество с Советским Союзом в целях восстановления всеобщего мира». Так как партии были близки и понятны интересы народных масс, которые она постоянно защищала, коммунистическая партия учила массы на основе их собственного конкретного опыта разбираться в политической обстановке. Она показывала каждой категории трудящихся связь между ухудшением условий их жизни и политикой правительства; она призывала их выступать в защиту конкретных требований. Так постепенно восстанавливался, на этот раз только снизу, союз французского народа для борьбы за «хлеб, мир, свободу». А поскольку рабочий класс должен был стать становым хребтом этого союза, компартия сосредоточивала особые усилия на его организации. Профсоюзы продолжали существовать; и хотя ими руководили реформистские лидеры, и хотя их пытались превратить в орудие политики «священного союза», они тем не менее являлись легальным средством организации, которое еще оставалось у рабочего класса, и он должен был это средство использовать. Поэтому коммунистическая партия убеждала трудящихся не выходить из профсоюзов, а, наоборот, вступать в них в массовом порядке, с тем чтобы диктовать свою волю реформистским лидерам. Чтобы помочь созданию (на базе профсоюзов) Единого фронта, в феврале 1940 г. были образованы «комитеты независимости и единства профсоюзов». Их национальный комитет опубликовал программу, где перечислялись следующие политические и экономические требования: прекращение империалистической войны, восстановление свобод, отмена антирабочих законов, увеличение заработной платы, сокращение рабочего дня, введение специального налога на военные прибыли[1]. Коммунистическая

[1] «La Vie ouvrièr», février 1940.

партия рекомендовала такие методы борьбы, как временное прекращение работы, петиции, забастовки[1]. Мобилизованных в армию рабочих партия также призывала отстаивать свои требования: повышение военных пособий, ссуд и т. д. Французская коммунистическая партия настойчиво подчеркивала общность интересов солдат и рабочих в борьбе против империалистической войны и реакции. Она стремилась помешать созданию искусственного разрыва между армией и трудящимися, организуя на заводах помощь семьям мобилизованных. Таким образом, солдаты также должны были занять свое место в борьбе всей нации.

Французская коммунистическая партия, однако, не сумела тогда создать массового движения, которое преградило бы путь внутренней реакции и империалистической войне и тем самым помогло бы избежать катастрофы 1940 г. Почему? Разумеется, ее действия не были свободны от ошибок. Так, в октябре 1940 г. «Ви увриер» отмечала:

«Нашей слабостью было то, что мы не взялись с должной энергией за профсоюзные организации, что мы недостаточно активно боролись против массового выхода рабочих из профсоюзов... Вследствие этого наша нелегальная деятельность была еще более затруднена, так как она не имела больше опоры в легальных организациях»[2].

Но эти ошибки партии были результатом того, что что она не имела достаточного опыта подпольной работы. Трудности, с которыми сталкивались коммунисты, проистекали из условий, в которых им приходилось действовать: репрессии, подполье, обстановка замешательства, необузданная антикоммунистическая пропаганда. Раскол рабочего класса, вызванный и углубляемый реформистскими лидерами, мешал созданию Единого фронта, а следовательно, препятствовал единству действий масс.

---

[1] Цензура практически не давала возможности публиковать информацию о такого рода выступлениях. Все же в иностранные газеты («Дейли уоркер», например) и в подпольную прессу попадали некоторые сведения о них.

[2] «La Vie du Parti», octobre 1940,«Le travail dans le syndicats».

Но все же Французская коммунистическая партия не дала реакции полностью восторжествовать. Недовольство масс классовой политикой правительства и перспективой антисоветской войны лишало правящие круги свободы действий. Они не смогли ни поставить на колени французский народ, ни развязать крестовый поход против СССР. Их трудности особенно наглядно проявились во время падения правительства Даладье. На заседании секретного комитета 19 марта 1940 г. Фроссар, Фланден и Блюм упрекали его в мягкости по отношению к коммунистам, в том, что оно слишком тянуло с началом военных действий в Финляндии. Короче говоря, его обвинили в том, что оно не преуспело в антикоммунистических и антисоветских мероприятиях. Новое правительство — кабинет Рейно — надеялось привлечь народные массы на свою сторону и с этой целью ввело в свой состав шесть социалистов. Вот какой довод приводил Леон Блюм, чтобы убедить правых, не уверенных в действенности этой меры: не нужно, чтобы рабочие чувствовали себя лишенными своих защитников с тех пор, как была запрещена коммунистическая партия. «Именно этой пропаганды необходимо избегать. Вот почему мы согласились принять участие в правительстве»[1]. Но правительство Рейно получило большинство всего в один голос[2]. «Причина заключается в том,— справедливо отмечала «Юманите»,— что перед лицом народного недовольства в среде самой буржуазии нет единодушия в отношении методов»[3].

Некоторые утверждали, что выступления рабочего класса в защиту своих экономических требований и разоблачения империалистического характера войны мешали военным усилиям правительства. Конечно, в той степени, в какой эти усилия были направлены не против Гитлера, а против французского народа и Советского Союза. И как раз наоборот, борьба против реакции, которая пыталась сломить главную силу,

[1] «Le Populaire», 23.III. 1940.

[2] 268 голосов было подано за, 156 — против, 111 — воздержались.

[3] «L'Humanité» № 34, 27.III. 1940.

боровшуюся с Гитлером, была первым необходимым условием превращения этой войны в действительную войну против гитлеровской Германии. Таким образом, коммунистическая партия была единственной партией, которая проводила последовательную политику национальной обороны.

Но значение ее деятельности во время «странной войны» заключалось не только в этом. Она продемонстрировала свою силу, сохранила свое единство и свою организацию. «Коммунистическая партия, несмотря на некоторые частные, разрозненные случаи заблуждения, не имеющие сколько-нибудь серьезного значения, не потеряла голову... Террор не сломил мужества коммунистических бойцов... Партия сумела приспособиться к условиям подпольной жизни и деятельности, создала организацию, отвечающую требованиям новой обстановки, способную поддержать контакт между коммунистами и обеспечить их связь с массами» [1].

Итак, с лета 1940 г. во Франции существовала политическая сила, единственная в стране, способная организовать на широкой основе борьбу против режима Виши и оккупантов,— Французская коммунистическая партия. Правильность ее политики во время «странной войны» снискала ей доверие масс. Все, кто задумывался над причинами поражения, оккупации, установления диктаторского режима Виши, постепенно убеждались в правильности предвидений коммунистов. Поскольку коммунистическая партия продолжала во время «странной войны» подлинную борьбу против фашизма, она стала стержнем национальной борьбы против гитлеризма.

«Мы можем гордо поднять наше знамя и потребовать для себя руководящей роли в деле восстановления страны, которую другие привели к катастрофе»,— говорилось в брошюре коммунистической партии [2].

---

[1] «Le Parti communiste a vingt ans». Подпольная брошюра, вышедшая в апреле 1941 г.

[2] «Le Parti communiste a vingt ans».

4. Катастрофа

(Май — июнь 1940 г.)

Гитлеровское вторжение

10 мая 1940 г. гитлеровские войска одновременно вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург. В то время как французские армии спешно направлялись в Бельгию, Гитлер бросил свои дивизии в долину Мааса и прорвал французский фронт у Седана. В результате этого тылы войск, отправленных в Бельгию, оказались не защищенными. 15 мая голландцы были вынуждены сложить оружие, и уже было заранее известно, что битва у Седана проиграна. И в то время как происходило общее отступление англо-французских войск, германские танки устремились вперед. 28 мая король Бельгии безоговорочно капитулировал; тогда же английский экспедиционный корпус, высадившийся в Дюнкерке, попал в окружение и пытался эвакуироваться с материка. В конце мая весь Северный фронт сдался немцам.

Причины столь полного и быстрого поражения вызвали много споров. Но в этих спорах подчеркивались лишь военные причины поражения: недостаток вооружения, особенно самолетов и танков, нехватка командного состава. Историк Марк Блок[1] оставил поразительное свидетельство «умственного склероза» генеральных штабов, которые вели войну 1939 г. так же, как если бы это была война 1914 г., в частности, совершенно не имея никакого представления об использовании танков. Грубейшие «ошибки» командования отмечались неоднократно. Генерал Хюнцигер,

[1] *Marc Bloch*, L'étrange défaite, 1957.

командовавший II армией, 14 мая почти без боя покинул превосходные позиции в Во-ле-Музон и отошел на худшие позиции, позволив тем самым немецким войскам осуществить решающий бросок к Седану[1]. Главнокомандующий Вейган без единого маневра, как это сделал бы самый плохой слушатель военной школы, дал возможность немцам окружить войска на линии Мажино[2].

Конечно, чисто военные слабости имели весьма большое значение. Но они не объясняют всего, и, кроме того, эти слабости сами нуждаются в объяснении. Высшее командование не знало, как надо было вести войну против Гитлера, потому что оно к ней не готовилось. Буржуазное государство всегда стремится использовать армию как орудие поддержания порядка. Система военной подготовки офицеров не уделяла должного внимания тактике национальной обороны, большая часть военных состояла из касты, оторванной от народа и насквозь пропитанной самыми реакционными идеями. «Слишком многие офицеры,— писал Жан Зэ,— причем некоторые из них занимали видные посты, питали непримиримую ненависть к демократическому режиму и тайно восхищались гитлеровским фашизмом или фашизмом Муссолини. Сколько офицеров-республиканцев, посещавших в качестве офицеров связи во время войны офицерские столовые, приходили в ужас от того, что они там слышали»[3].

Могли ли такие кадры вести антифашистскую войну? Задолго до 1939 г. коммунистическая партия подчеркивала опасность такого положения и боролась за создание действительно национальной армии, т. е. боролась за всеобщее вооружение народа и за продвижение по службе подлинно республиканских военных кадров[4]. «Странная война» еще больше

---

[1] Général *Rollot*, La bataille de Sedan. Le repli de la deuxième Armée, «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», № 32.

[2] Général *Sérigny*, Trente ans avec Pétain, Plon, 1959.

[3] *Jean Zay*, Souvenirs et solitude, Julliard, 1946, p. 33.

[4] *M. Thorez*, Discours au Comité central, 21.XI. 1938. (Œuvres, t. XVI, p. 68 et 69).

лишила армию ее национальной роли. Превращенная в огромный исправительный лагерь внутри страны, целиком поглощенная разработкой антисоветских планов и операций, армия и не думала о защите страны от Гитлера. Французский генеральный штаб не счел даже нужным изучить опыт молниеносной войны в Польше. Вейган, который в течение долгих месяцев все свое внимание отдавал планам бомбардировки Баку, не проявил особого желания ознакомиться с военным положением Франции, когда был назначен 18 мая 1940 г. главнокомандующим. Он ни о чем не спрашивал Гамелена, своего предшественника на этом посту; он только потребовал у генерала Жоржа общий план расположения войск, не вдаваясь ни в какие детали, не интересуясь ни моральным духом войск, ни их материальной оснащенностью. И это после прорыва под Седаном![1] За неспособностью, которая в значительной мере объяснялась кастовым характером высшего командования, в действительности скрывалось отсутствие желания готовить и вести войну против Гитлера. Пораженчество царило в генеральном штабе с самого начала гитлеровского наступления. 17 мая Гамелен объявил положение безнадежным[2]. Генерал Бланшар, командующий северной группой войск, уже 26 мая говорил о капитуляции[3]. 25 мая в Военном комитете уже поговаривали о перемирии. Вейган невольно разоблачил то, чем больше всего было озабочено командование армии, когда заявил 12 июня в Совете министров: «Я пекусь о сохранении порядка. Я не хочу, чтобы Франция потерпела катастрофу»[4]. И хотя в этот решительный момент он утверждал, что не имеет никаких сформированных дивизий, несколько позже он признал, что оставил несколько дивизий на случай революции в Париже. Такие настроения, естественно, создавали прекрасное поле деятельности для «пятой колонны». От пораженчества, от

---

[1] *R. Villate*, Le changement de commandement de mai 1940, «Revue d'Histoire de la deuxième guerre mondiale», № 5.
[2] *W. Churchill*, La chute de la France, p. 56.
[3] *Marc Bloch*, L'étrange défaite, p. 147—148.
[4] *A. Kamerer*, La vérité sur l'armistice, 1944, p. 82.

«потери чувства патриотизма»[1] до открытого предательства совсем небольшое расстояние. Усилилось проникновение фашистов в армию, что показали следствие по делу от 6 февраля 1934 г., а также заговор кагуляров.

В 1940 г. дезертирство и саботаж завершили дело дезорганизации армии. Ни для кого не было секретом, что высшие офицеры просто-напросто оставляли свои посты при подходе врага. После войны парламентская комиссия по расследованию рассмотрела несколько таких случаев, например случай с генералом Претла, командовавшим восточной группой в составе четырех армий, который скрылся без боя (в дальнейшем его обнаружили в Ницце), оставив следующую «инструкцию»: «Четырем армиям расположиться на Вогезском массиве и оказывать сопротивление до последнего человека». Эта операция дорого обошлась: многие сотни тысяч попали в плен, среди них четыре генерала армии[2]. Кроме того, имел место неприкрытый саботаж: так, на аэродроме в Виллакублэ были преднамеренно уничтожены самолеты под предлогом того, что там не было ни единого пилота, тогда как в других местах пилотам мешали вылетать[3]; военные материалы застревали на тыловых складах, мосты «забывали» взорвать и т. д.

Причины поражения Франции в 1940 г. кроются не только в технике ведения войны. Оно было вызвано прежде всего причинами политического порядка. Катастрофа 1940 г. явилась логическим следствием прежде всего антинародной и антисоветской политики правящих кругов Франции. Соглашение Лаваля — Муссолини и политика «невмешательства» в Испании, мюнхенский сговор, срыв переговоров в СССР были решающими этапами победы Гитлера.

«В течение ряда лет политические деятели, которые ныне находятся в правительственных органах, не

---

[1] Выражение, заимствованное у Камерера (A. Kamerer, цит. соч., стр. 7).

[2] «Comission d'enquête parlementaire», t. VIII, p. 2432.

[3] *Marc Bloch*, L'étrange défaite, p. 79.

переставали заигрывать с Гитлером, рассматривая его как жандарма, защищающего капитализм против рабочего движения... Все эти люди готовили войну, но они надеялись, что война начнется между Германией и СССР»[1].

Такая политика усиливала международный фашизм и прежде всего гитлеровскую Германию и лишила Францию решительной поддержки Советского Союза перед лицом агрессора. «Странная война» довела эту политику до пароксизма. И хотя французские правители обрушили на коммунистов поток оскорблений в ответ на их утверждения о том, что СССР является важнейшим оплотом народов в борьбе против фашизма, они знали, что это было правдой.

В самый разгар катастрофы, когда было необходимо внушить какую-то надежду французскому народу, официальная пропаганда стала муссировать тему о сближении с СССР: пресса констатировала восстановление нормальных дипломатических отношений между Англией и СССР в результате поездки Стаффорда Криппса в Москву. Она впервые заговорила о трудностях так называемого германо-советского союза. Так, «Попюлер» 23 мая в статье «Германо-русское охлаждение» писала, что русский бензин больше не поступает в Германию, что Советское правительство упорно отказывается от культурного сотрудничества, которое обязало бы СССР издавать антисемитский журнал Юлиуса Штрейхера, и т. д. «Попюлер» перепечатала информацию из «Нью-Йорк Таймс», где говорилось о намечавшемся торговом соглашении между союзниками и СССР.

Французские правители настолько хорошо знали, как в действительности складывались германо-советские отношения, что некоторые из них в решительный момент воззвали к советской помощи. 25 мая 1940 г. министр авиации Лоран Эйнак информировал советского поверенного в делах об острой нужде Франции в самолетах. Радикала Пьера Кота, энергично поддерживавшего политику союза с СССР и выступав-

[1] «L'Humanité», № 47, 17.V. 1940.

шего с неоднократными предупреждениями против развязывания антисоветской «странной войны», прочили в посредники для ведения переговоров по этому вопросу. Уже через несколько часов Советское правительство сообщило о своем согласии. Но заговор пораженцев, оказывавший в то время сильное влияние на направление государственных дел, сорвал и без того слабые попытки сближения с СССР.

Эрик Лабонн, дипломат, посланный в Москву, прибыл туда 22 июня, т. е. уже после перемирия [1].

В значительной степени поражению Франции содействовала и внутренняя политика. Вскоре правительство Виши заявило, что французский народ расплачивается за свои ошибки: он-де почил на лаврах Народного фронта и не желает ни хорошо трудиться, ни сражаться. Сейчас еще находятся люди, которые подхватывают клевету, пущенную в ход вишистами, с целью оправдать капитуляцию и установление диктаторского режима. Однако французы доказали, что они умеют бороться и умирать, когда убеждены, что защищают справедливое дело. Но «странная война» значительно ослабила антифашистские силы и посеяла замешательство в сердцах многих французов. Франция оказалась демобилизованной в военном и политическом отношении перед гитлеровской Германией, ибо «буржуазию и ее агентов в правительстве вовсе не волновали интересы страны. Они видели только свои классовые интересы и имели одно желание — сдержать рабочее движение» [2].

В такой обстановке пораженчество и открытое предательство постепенно свивали себе гнездо на самых высоких государственных постах. «Питты и кобурги 1940 года,— писал Морис Торез,— не в эмиграции и не в тюрьме. Они временно и к несчастью для Франции управляют ее судьбами. Вы найдете их в правительстве, среди тех поклонников Гитлера, кото-

---

[1] Впервые историю этих переговоров изложил Луи Арагон (см. «Коммунисты», т. 2). Насколько нам известно, ни одно из заинтересованных лиц не опровергло эти факты.

[2] «L'Humanité», № 48, 20.V. 1940.

рые мечтали натравить его на СССР и использовать против Народного фронта во Франции. Среди этих восхвалителей Родины, среди тех, кто больше всего оскорбляют коммунистов, есть и такие, кто писал в 1938 и 1939 гг., что поражение Германии было бы катастрофой, ибо она была оплотом контрреволюции... Нам нужно избавиться от питтов и кобургов 1940 года»[1].

Было просто поразительно наблюдать, как в самые трудные дни 1940 г. заговор ширился с каждым днем в самом правительстве. С марта Рейно ввел в состав правительства Поля Бодуэна в качестве заместителя государственного секретаря при председателе Совета министров. Чиновник высокого ранга (генеральный инспектор финансов) и представитель крупной буржуазии (генеральный директор Индокитайского банка и член правления многих компаний), этот личный друг Чиано, будет душой «партии перемирия». В награду за это его сделают министром в первом кабинете правительства Виши. 10 мая Ибарнегарэ, бывший шеф «Боевых крестов», стал государственным министром. Он будет также поборником перемирия и в дальнейшем членом правительства Петэна.

18 мая был предпринят решающий шаг: Петэна назначили заместителем премьера. В правительстве не могли не знать политических взглядов Петэна и компрометирующих его связей с фашистскими элементами. Он был близок с «Французским возрождением» («Редрессман франсэ»), фашистской группой, основанной Эрнестом Мерсье (крупным капиталистом, финансировавшим «Боевые кресты»), душой которой был Алибер, кагуляр и член правления компаний, входивших в группу Мерсье. Он был одним из тех, которого «люди шестого февраля» настойчиво предлагали в члены правительства. Еще в 1936 г. вышла брошюра, подписанная Гюставом Эрве, де ла Роком и Теттэнже, которая называлась «Нам нужен Петэн». В этой брошюре они высказывались за «диктатуру

---

[1] «L'Humanité», № 40, 25.IV. 1940.

общественного спасения, доверенную Петэну». В ней излагалась будущая программа режима Виши[1]. Петэн регулярно присутствовал на заседаниях студенческого общества, созданного генералом Брекаром (тоже кагуляр) при «Французском действии» («Аксьон франсез»)[2]. Вся эта теплая компания вновь встретится в Виши. Трудно также было не знать о подозрительных связях Петэна с «пятой колонной». В апреле 1939 г. газета «Ле гранд оксидан» вышла в свет с изображением секиры[3] и с надписью «Петэн у власти». А ведь главным редактором этой газеты был некий Люсьен Пемжан, сотрудничавший с Полем Фердонне, который был разоблачен в начале войны как «предатель из Штутгарта»[4]. Заслуживает внимания и то, как использовал Петэн свой пост посла в Испании в марте 1940 г.: его путешествия из Мадрида в Париж настолько беспокоили Даладье, что последний приказал следить за ним[5]. Став вице-премьером, Петэн продолжал поддерживать контакты с Лекерика, послом Франко в Париже. В своих беседах с ним он позволял себе высказываться о военной обстановке, что тотчас же передавалось Штереру, германскому послу в Мадриде[6]. Именно с помощью «добрых услуг» Франко Петэн намеревался добиться перемирия. Таким был человек, мудрость и силу которого Рейно расхваливал по радио и которого, как он утверждал, ожидает победа!

18 мая — блестящий день для заговорщиков. В самом деле, в этот день Вейгана назначили на место Гамелена. Почему? «Он знал секреты Фоша», при котором он был начальником Генерального штаба во время первой мировой войны. Тут мы окончательно

---

[1] *V. Auriol*, Hier et demain, t. I, p. 60; *Robert Aron*, Histoire de Vichy, p. 31.

[2] Géneral *Sérigny*, Trente ans avec Pétain.

[3] Значок с изображением секиры носили сторонники Петэна и вишисты.— *Прим. перевод.*

[4] Это выяснилось на процессе над Петэном.

[5] *V. Auriol*, Hier et demain, I, p. 61.

[6] «Documents on German Foreign Policy», série D, t. IX, p. 433.

попадаем в область нереального... Тем более что спустя три дня Рейно действительно заявил, что он верит в чудеса! Этот 73-летний генерал — член административного совета Суэцкого канала — никогда не был главнокомандующим. Он прибыл с Востока и ничего не знал о военном положении во Франции. Но он выдвинулся благодаря участию в антисоветских мероприятиях: в 1920 г.— в Польше, в 1939—1940 гг.— в Сирии. Как и Петэн, он был учеником Морраса и был замешан в деле кагуляров. Понятно, кому Вейган мог показаться спасителем!

Продолжается проникновение капитулянтов в правительство — 5 июня Ив Бутилье становится министром финансов, а Пруво получает портфель министра информации. Первый из них, инспектор финансов, управляющий «Компани женераль Трансантлантик», слыл вдохновителем финансовой политики при Лавале в 1934 г.; Венсан Ориоль вынужден был изгнать его из министерства финансов за «бесчестность» [1]. Этот человек также будет сторонником капитуляции, а позже — одним из столпов Виши. Что касается Пруво, главного редактора «Пари суар», члена одной из богатейших капиталистических семей севера Франции, то его профашистские симпатии были хорошо известны. Он первым поддержал в правительстве предложения Петэна и Вейгана о перемирии. Пятого же июня Рейно включил в состав своего кабинета Л. О. Фроссара, который был известен своими яростными антикоммунистическими и антисоветскими нападками, и Шишери; оба они также станут министрами Петэна. Таким образом, вишисты уже заняли к этому времени нужные им позиции.

Никто не выступил, чтобы поднять тревогу. Наоборот, приход Петэна в правительство был встречен с единодушным энтузиазмом. Маршал стал «символом», так величала его «Ордр», «отцом», так называла его «Ле Пети паризьен», и т. д. Так с помощью лубочных картинок создавался ореол вокруг Петэна. Со своей стороны «Попюлер» оценивала министер-

---

[1] *V. Auriol*, Hier et demain, I, p. 82.

скую перетасовку следующим образом: «В нынешних обстоятельствах (он) может поднять на высшую ступень оборонный потенциал страны, находящейся в состоянии войны» [1].

И если на третьей странице этого же номера газеты говорилось об «изгнании пятой колонны», то это относилось к Швейцарии, Египту, Румынии, Панаме и т. д., но никак не к Франции. И наоборот, «Попюлер» всячески пыталась подчеркнуть свою положительную оценку изменения в составе правительства. Так, в одной из статей, озаглавленной «Война танков» [2], вступление 18 мая на пост министра внутренних дел Манделя [3], а также вступление де Голля на пост заместителя министра обороны были охарактеризованы как «почти революция». Те же факты, которые больше всего вызывали беспокойство, скрывали либо старались преуменьшить их значение во имя якобы национального единства. «Попюлер» ограничилась тем, что предупредила крайне правые газеты (не приводя их названий и не отвечая на нападки), которые клевещут на социалистов, будто им вскоре придется защищаться. «Мы ничего не говорили... но... мы не позволим больше злоупотреблять нашим патриотизмом и нашей лояльностью. Мы хотим верить, что этого предупреждения достаточно... Все сплотимся вокруг Родины!» [4]

Впрочем, эта забота о «священном союзе» довела газету «Попюлер» до того, что она с радостью приветствовала «Матиньонское соглашение о национальной обороне», заключенное между лидерами реформистских профсоюзов и представителями предпринимателей, с помощью которого рабочий класс призывали к новым «усилиям». Она цитировала восторженную речь Помаре, который заявил: «Сегодня есть

---

[1] «Le Populaire», 19.V. 1940; статья П. Е. Дизара.

[2] «Le Populaire», 8.VI. 1940.

[3] Националист Мандель будет энергичным противником капитуляции. Но он также отличался своей антикоммунистической политикой.

[4] «Le Populaire», 30.V. 1940. Статья «Довольно!» (без подписи).

только один предприниматель, это Франция, и все французы ее рабочие» [1].

Ключ к такой позиции можно найти в статье Леона Блюма от 3 июня «Вера в народ». В ней Леон Блюм отвечает на статью, напечатанную в «Эпок», в которой де Keриллис, воодушевленный английским примером, потребовал, чтобы во Франции развивали «народные силы». «Война, которую мы поддерживаем,— писал Леон Блюм,— не является специфически народной войной; это война национальная, ибо жизнь целой нации сегодня зависит от успехов нашего оружия».

Таким образом, главное для него — это «гражданское согласие». Отказ этого «марксиста» от всякого анализа, основанного на классовом подходе, привел его к утверждению об отличии войны национальной от войны народной, тогда как только народ мог благодаря своей численности и энтузиазму разбить гитлеровского врага; а это привело его к тому, что он тесно примкнул к правительству и видел спасение только в слепом доверии к представителям правящих классов, изрядное число которых уже занималось тогда открытым предательством. Антикоммунизм, боязнь народа привели его к восхвалению беспринципного «национального единства», которое оставляло свободу действия заговорщикам и продолжало мешать в самые решительные моменты проведению единственно эффективной политики национальной обороны.

Коммунистическая партия и изменение характера войны

И наоборот, именно потому, что коммунистическая партия никогда не переставала защищать интересы рабочего класса, она предложила единственное решение, отвечавшее национальным интересам. В течение всего периода «странной войны» она

[1] «Le Populaire», 30.V. 1940. Отметим, что министр труда Помаре будет одним из сторонников капитуляции.

объясняла, как эгоистичная политика правящих классов, усиливая международный фашизм, подготавливала изнутри и извне порабощение французского народа. Теперь началась настоящая война с Гитлером, и предательство крупной буржуазии достигло своего предела.

«Если дать волю злоумышленникам, которые господствуют в стране, они приведут ее к новой катастрофе. Таков был Тьер, который 69 лет назад принял предложенные Бисмарком самые драконовские условия мира в обмен на обещание оказать помощь в разгроме Коммуны; они готовы пожертвовать независимостью страны, лишь бы Гитлер гарантировал им их капиталистические привилегии»[1]. Национальное и политическое порабощение французского народа Гитлером стало к тому времени непосредственной угрозой. Необходимо было любой ценой помешать этому, и для этого было только одно средство: организовать действительную оборону страны против Гитлера, т. е. начать войну народную и национальную. Именно к этому стремилась коммунистическая партия. Но сначала необходимо было свергнуть обанкротившееся правительство. Во время французской революции монтаньяры сумели организовать настоящую национальную оборону и, опираясь на глубинные силы нации, изгнали сообщников иностранного врага. В 1870 г. парижане были преданы, так как не могли отделаться от правительства пораженцев. В 1940 г. только правительство, «опирающееся на народные массы, принимающее меры против реакции»[2], могло помешать завоеванию страны гитлеровцами. Поскольку единственным залогом силы и действенности такого правительства должен был быть его народный и антигитлеровский характер, оно должно было бы «освободить коммунистов — депутатов и избранных на другие должности, 15 тыс. рабочих, томившихся в тюрьмах и лагерях; восстановить на своих постах избранников народа и коммунистические муниципалитеты; отме-

---

[1] «L'Humanité», № 48, 20.V. 1940.
[2] «L'Humanité», № 47, 17.V. 1940.

нить запрещение коммунистической партии, восстановить профсоюзы и все распущенные организации.., заставить богачей платить.., лишить фашистских агентов, обосновавшихся во всех звеньях государственного управления, возможности наносить вред, пока они не совершили задуманные ими злодеяния»[1].

Итак, 17 мая коммунистическая партия, находясь в подполье, выработала единственную программу подлинно национальной обороны, программу, предусматривающую превращение империалистической войны, которую до сих пор вела крупная буржуазия, в справедливую войну французского народа за свою независимость.

Как убедить в необходимости создания такого правительства? Теперь, как никогда, не могло быть и речи о том, чтобы призвать народные массы повернуть оружие против собственной буржуазии. Теперь, когда гитлеровские армии хлынули на Францию, выдвинуть такой лозунг значило выдать страну Гитлеру.

Только с помощью мощного движения масс можно было добиться смены правительства. Но организация этого движения наталкивалась на огромные трудности. Репрессии против коммунистов были жестоки, как никогда. Развал фронта, массовое бегство населения распыляли еще больше силы активистов. Правда, «Юманите» выходила регулярно; десять ее номеров были отпечатаны и распространены между 10 мая и 17 июня, что свидетельствовало об организационных успехах, исключительных для столь тяжелого времени: многие парижские буржуазные газеты перестали выходить с начала июня. Но хозяйственные трудности и смятение усиливались, значительно затрудняя деятельность коммунистической партии.

А захватчики двигались быстро. Коммунисты не могли довольствоваться тем, чтобы указать единственно верное решение. Они не могли присутствовать в качестве зрителей, наблюдая, как гитлеровцы стремительно рвутся вперед.

---

[1] «L'Humanité», № 47, 17.V. 1940.

Борясь с правительством, которое не могло и не хотело вести войну, коммунисты шли на фронт, чтобы храбро сражаться... Так, Огюст Делон [1] получил награду на поле битвы. Коммунисты, сосланные на остров Дье, писали председателю Совета министров 10 мая, затем 10 июня: «Родина в опасности. Мы томимся в заключении, и в час, когда каждый француз обязан сражаться, мы не можем принести никакой пользы. Мы требуем, чтобы нам дали возможность сражаться ради спасения нашей родины» [2]. Таких примеров можно привести множество [3].

В начале июня военная обстановка стала трагической. Париж, подвергшийся 3 июня бомбардировке с воздуха, оказался под непосредственной угрозой. Применив свои решения к новой обстановке, коммунистическая партия предприняла последние усилия, чтобы не допустить поражения Франции и установления в стране фашистского гнета. 6 июня Бенуа Фрашон, секретарь партии, воспользовавшись посредничеством Политцера, передал правительству Рейно следующие предложения:

«1. Изменить характер войны, превратив ее в народную войну за свободу и независимость родины.

2. Освободить депутатов-коммунистов и активных работников Коммунистической партии, а также десятки тысяч рабочих, заключенных в тюрьмы и интернированных.

3. Немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишат парламент, министерства и даже генеральный штаб, подвергнув их суровому наказанию.

4. Эти первые же мероприятия вызовут всенародный энтузиазм и позволят осуществить поголовное ополчение, которое следует объявить немедленно.

---

[1] Секретарь Рабочей спортивно-гимнастической федерации Делон с помощью двух товарищей вывез с Реннского вокзала, где взорвались поезда с боеприпасами, около 200 раненых, обреченных на верную смерть. Он получил военный крест и военную медаль. Впоследствии он организовал сопротивление в Сарте и был убит молодчиками из лавалевской милиции в 1943 г.

[2] *Ф. Бонт*, «Дорога чести», стр. 289.

[3] Арагон в «Коммунистах» подробно описывает дела активистов партии в армии.

5. Вооружить народ и превратить Париж в неприступную крепость»[1].

Можно заметить тесную связь между этими предложениями и программой создания народного правительства, опубликованной в «Юманите» 17 мая. Но на этот раз речь шла о программе национальной обороны, предложенной тогдашнему правительству. Коммунистическая партия пыталась разбудить национальные чувства в членах правительства, непричастных к заговору: необходимо было заставить их забыть на время о своих классовых интересах, чтобы они решительно оперлись на народ, так как отныне только поголовное народное ополчение могло спасти нацию.

Уже только с точки зрения военной тактики эти предложения были очень важны. Успехи немцев в большой степени зависели от использования танковых и моторизованных частей, которые рвались вперед, даже не избегая больших дорог, и которые застигли врасплох, опрокинули и дезорганизовали французские части. Создание очагов сопротивления в правильно выбранных пунктах было бы эффективным средством остановить продвижение немцев[2]. Париж благодаря своему исключительному географическому положению мог играть в этом отношении решающую роль.

Но значение этих предложений не ограничивалось только этим. Они были направлены на то, чтобы изменить характер войны, чтобы на первый план выступил ее антигитлеровский, оборонительный характер, т. е. ее национальный и народный характер.

Ответственные военные и политические деятели не справились со своей задачей, именно народ взял в свои руки оборону страны. Коммунистическая партия была готова принять всемерное участие в организации вооружения народа при одном условии, чтобы правительство решительно встало на путь антигитлеровской войны, освободило антифашистов, наказало предателей и содействовало усилению сопротивления захватчикам.

---

[1] *М. Торез*, Сын народа, М., 1960, стр. 160—161.

[2] Марк Блок хорошо описал это в своих воспоминаниях,

Кое-кто пытался усмотреть противоречие в позиции, занятой в то время коммунистической партией: с одной стороны, она призывала к сопротивлению Гитлеру, с другой — требовала мира. На самом деле, партия полагала, что лучший способ остановить гитлеровское завоевание — это заключить мир: каждый день приносил серьезные успехи захватчикам; уже не оставалось ни малейшего сомнения в дезорганизации французского фронта, в колоссальной силе германской военной машины, в слабости сил мира в Германии, жестоко подавленных Гитлером. В этих условиях продолжение войны принесло бы стране колоссальные жертвы. Необходимо было попытаться остановить военные действия. Но это не значило добиться мира любой ценой — мир должен был остановить гитлеровское завоевание; не могло быть и речи о капитуляции, которая отдала бы Францию на милость Гитлера, и коммунисты в дальнейшем осудят перемирие. «Необходимо добиться мира при условии сохранения безопасности и национальной независимости»[1].

Использование глагола «добиться» совершенно ясно и подразумевает необходимость борьбы в случае, если предложенный мир не гарантирует безопасность и независимость Франции. И уж конечно не от правительства Рейно, где было полно пораженцев и предателей, следовало ожидать такого мира.

«Мы должны добиться принятия мира, обеспечивающего безопасность, стараясь всеми средствами создать правительство, опирающееся на народные массы, стремящееся к взаимопониманию с СССР в целях восстановления всеобщего мира на земле»[2].

Не было никакого противоречия в позиции коммунистов. Главное направление их борьбы — против фашизма и в первую очередь против гитлеризма. Они хотели прежде всего воспрепятствовать победе Гитлера. Они пытались избежать военной катастрофы путем заключения справедливого мира, но в то же самое время они стремились организовать немедлен-

[1] «L'Humanité» № 47, 20.V. 1940..
[2] «L'Humanité» № 55, 17.VI. 1940.

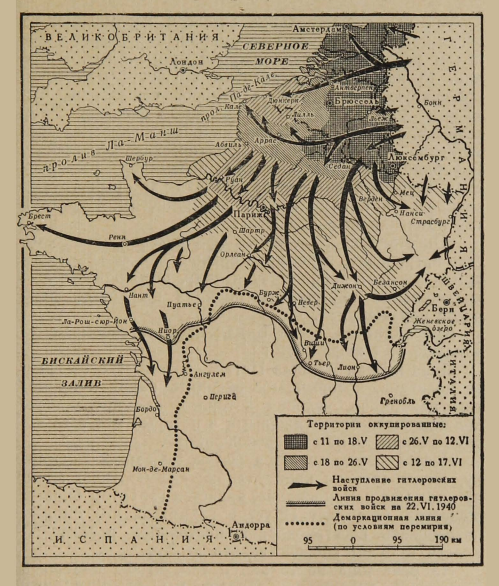
ную защиту страны против захватчика, который двигался безостановочно. Коммунист, боровшийся за то, чтобы добиться создания народного правительства, правительства мира, и коммунист, сражавшийся на фронте, каждый на своем посту способствовал достижению одной цели: оказать упорное сопротивление Гитлеру.

Капитуляция

Но французские правители были охвачены волной пораженчества. Боязнь народа окончательно одержала верх. 10 июня, спустя четыре дня после внесения коммунистами предложений об обороне Парижа, правительство укрылось в Туре. Гитлеровские войска продефилировали 14 июня по улицам Парижа, объявленного открытым городом. За два дня до этого Петэн и Вейган требовали в Совете министров немедленного заключения перемирия. Дело шло к капитуляции.

В какие-нибудь пять дней — с 12 по 16 июня — «партия перемирия» окончательно захватила бразды правления. Влиятельная группа, объединившаяся вокруг Лаваля и Марке, где нашли свое место члены «Комитета связи в защиту мира» и члены комитета «Франция — Германия», усиливала давление и плела интриги [1]. Бодуэн и Бутилье сновали между резиденцией Петэна и резиденцией правительства, увлекая постепенно в лагерь сторонников капитуляции еще колебавшихся министров. В Совете министров заранее заготовленные заявления беспардонно зачитывались в нарушение установленных правил и обычаев. Петэн позволяет себе, не предупредив правительство, вызвать Вейгана в свою личную резиденцию; в Совете министров Петэн откровенно грозит отставкой. Если заговорщики наглеют, то политические деятели уклоняются от выполнения своих обязанностей; а что уж думать о позиции премьер-министра, министра национальной обороны и военного министра Поля Рейно, внезапно ушедшего в отставку 6 июня, даже

[1] *V. Auriol*, Hier et demain, I, p. 79—80.



без консультации с правительством? А ведь он хорошо знал, что оставляет таким образом свободное поле действия для Петэна, т. е. для капитуляции. Разве он не заявил президенту Лебрену, что Петэн имел уже готовый список министров? — что является абсолютно точным фактом [1].

[1] О подробностях капитуляции см. особенно: *A. Kamerer*, La vérite sur l'armistice; *Louis Marin*, Contributions á l'étude des prodromes de l'armistice, «Revue d'histoire de la deuxieme guerre mondiale», № 3.

Так как существование заговора несомненно, то легко понять и причины перемирия. Запугивание жупелом революции очень широко применялось в эти дни. 13 июля Вейган зачитал в Совете министров подложную телеграмму, в которой говорилось, что «Торез утвердился в Елисейском дворце». Этот «взрыв», заявил Луи Марэн, «произвел глубокое впечатление на нас как на политических деятелей» [1]. Внутриполитические причины перемирия подчеркивали многие политические деятели, которых трудно заподозрить в симпатиях к коммунистам. Черчилль так объяснял позицию Вейгана:

«Он старался... заставить французское правительство потребовать перемирия прежде, чем французская армия утратит дисциплину и силу, необходимые для поддержания внутреннего порядка на другой день после поражения» [2].

Американский посол Биддл писал в своем меморандуме от 1 июля 1940 г.:

«Был избран маршал Петэн,.. потому что он слыл за человека, который мог склонить народ к принятию перемирия, условия которого, как предвидели, должны были быть тяжелыми и который мог в то же самое время помешать революции» [3].

Невольно вспоминается Базэн, писавший Бисмарку, соглашаясь на капитуляцию: «Армия, поставленная под мое командование, является гарантом охраны общества. Она даст Пруссии гарантию, что сможет потребовать восстановления постоянной и законной власти и будет способствовать этому».

Но речь шла не только о том, чтобы помешать возможной революции. «Теперь мы достигли того, ради чего я безуспешно трудился в течение столь долгого времени»,— воскликнул кагуляр Алибер, узнав о перемирии [4].

---

[1] *Louis Marin*, Contribution á l'étude des prodromes de l'armistice.

[2] *W. Churchil*, La chute de la France, p. 212.

[3] *W. Langer*, Le jeu americain à Vichy, p. 41.

[4] «Dépositions devant la Commission d'enquête parlementaire», t. VIII, p. 2459.

Поражение было использовано как предлог для объединения всех «сил порядка» перед лицом угрозы «красной опасности», оно явилось поводом для утверждения во Франции авторитарного режима с помощью иностранцев. На процессе Петэна генеральный прокурор Морне в своей обвинительной речи подчеркнул связь между антиреспубликанскими действиями и предательством. «Посягательство на Республику — так началось дело Петэна. Каковым оно было вначале, таким оно и остается, но за этим посягательством неизбежно последовал целый ряд посягательств на права Нации, так как посягательства на существовавший режим можно было осуществить только с помощью союза с захватчиками во вред Нации».

17 июня в 8 часов 30 минут Петэн объявил о необходимости прекратить военные действия. 21 июня германские условия были приняты еще до того, как французское правительство нашло время расшифровать полностью телеграммы, в которых перечислялись условия [1].

«Юманите» от 19 июня, бичуя «Гамелена, Петэна, Вейгана», которые «открыли Париж захватчикам» и «подписали капитуляцию», призывала сплотиться вокруг коммунистической партии, которую «не могли сломить никакие репрессии, потому что она является партией спасения народа и партией будущего страны». Газета подчеркивала, что правительственная клика может принести только «рабство и унижение».

Именно против рабства и унижения коммунистическая партия развернет борьбу после перемирия.

---

[1] *M. Dejean*, De Bordeaux à Compiége, Buenos-Ayres, 1941.

5. После перемирия

Тому, кто не пережил тех дней, трудно представить обстановку, создавшуюся во Франции после перемирия. Дезорганизация достигла предела, повсюду семьи разобщены, почти в каждой имеются беженцы или пленные (последних насчитывалось полтора миллиона); по ту сторону демаркационной линии, которая вскоре разрезала Францию пополам [1], бродят десятки тысяч демобилизованных и беженцев, стараясь добраться до дому; транспорт и экономическая жизнь дезорганизованы разрушениями, массовым переселением и разделением страны на две зоны; царит безработица [2], и тотчас возникают трудности в снабжении.

Все эти личные заботы, все эти жизненные проблемы, которые нужно немедленно разрешить, усиливают угнетенное состояние, вызванное поражением. Французы напуганы страшным крахом, происшедшим в июне 1940 г. Обманутые и плохо информированные в течение всего периода «странной войны», они подавлены тяжестью непонятных событий, кажущихся неотвратимыми.

Эта атмосфера беспорядка и растерянности вполне устраивала заговорщиков. Они использовали ее, чтобы сначала в Бордо, а потом в Виши быстро довести до

---

[1] Уже с июля оккупанты установили очень строгие порядки для сообщения между «свободной» и оккупированной зонами (было организовано шесть пограничных постов, введены пропуска, переписка разрешалась только на стандартных почтовых открытках, под страхом смерти запрещалось ввозить в оккупированную зону «иностранную» печать).

[2] В сентябре в Парижском районе насчитывалось 600 тыс. безработных.

конца свою давно задуманную операцию, для осуществления которой капитуляция создала благоприятные условия. Поскольку все темные делишки делаются втихомолку, правительство решило обосноваться не в каком-нибудь индустриальном центре, например в Лионе или в Клермон-Ферране, а в захолустном курортном городке Виши. Здесь депутаты и политиканы из «Комитета связи в защиту мира», из Комитета «Франция — Германия», все эти боннэ, монтиньи, де монзи, деа [1], руководимые Лавалем, из кожи лезли вон, чтобы осуществить эту операцию. Приемы были ясно изложены в газете «Эвр» [2] от 7 июля, где Марсель Деа в статье «Парламент должен умереть» писал: «Быстрый переход от одного политического режима к другому нужно осуществить, соблюдая максимум законности и порядка». Другими словами, надо взвалить на членов парламента ответственность за уничтожение республиканского режима и придать личной власти законные основания. Главное средство воздействия на парламентариев — угроза, как всегда угроза «революционной опасности», которая теперь, после капитуляции, служила оправданием для ликвидации политических свобод.

«Режимы не переживают поражений. Буря разразилась. Если оказывать ей сопротивление, она сметет все на своем пути... Народ, правда, еще не восстал. Но завтра он может это сделать» [3].

Так говорили в своих выступлениях некоторые депутаты. Как видим, лавалевской клике не стоило больших трудов разжечь обычный страх перед социальными осложнениями. После голосования о предоставлении всей полноты власти Петэну Де Монзи, пытаясь успокоить своих коллег, весьма неуклюже сравнивал 1871 и 1944 годы: «На этот раз удалось отсрочить Коммуну, если не избежать ее. Это уже большой выигрыш, который вознаградит нас за те

---

[1] См. *Montigny*, Toute la vérité sur un mois dramatique de notre histoire.

[2] Газета Деа «L'Œuvre» выходила до 21 сентября 1940 г. в Клермон-Ферране, а потом в Париже.

[3] Цит. по книге: *V. Auriol*, Hier et demain, I, p. 133—134.

несколько месяцев неуверенности и продвижения ощупью, которые нам, очевидно, еще предстоят»[1].

К этой угрозе добавлялись и другие: угроза военного переворота (в день, когда вотировались неограниченные полномочия, Вейган наводнил Виши военными частями и пулеметами) и угроза того, что победители сменят хорошее отношение на драконовские порядки, если существующие во Франции учреждения не обеспечат возможности создания «сильного и устойчивого правительства». Таков был один из основных аргументов Лаваля на предварительном собрании депутатов[2]. А для того чтобы не оставалось никаких сомнений по поводу отношений между будущим французским правительством и нацистской Германией, Лаваль уточнял: Франция должна будет «лояльно сотрудничать с Германией и Италией». Таким образом, члены парламента понимали, о чем шла речь: от них требовали обеспечить создание антинародного правительства национальной измены. Тем не менее 10 июля маршалу Петэну были предоставлены неограниченные полномочия колоссальным большинством голосов: из 649 депутатов 569 проголосовали «за». «Во всех партиях,— с горечью констатировал Венсан Ориоль,— есть свои ренегаты и свои предатели»[3]. Например, из 175 депутатов-социалистов только 36 голосовали против законопроекта, а некоторые (Поль Фор, Рив, Спинас и др.) даже с энтузиазмом поддержали Лаваля. К тому же 80 депутатов, которые голосовали против, ничего не сказали. Говорят, что они не могли выступить из-за шума и беспорядка в зале. Разве можно себе представить, чтобы беспорядок в зале помешал выступить депутатам-коммунистам? Ведь за несколько месяцев до этого они защищали политику своей партии под градом ругательств и побоев на собраниях совершенно распоясавшихся депутатов, и их мужественное поведение оказывало свое воздействие на колеблющихся. Но когда

[1] *De Monzie*, Ci-devant, Flammarion, 1941, p. 262.

[2] См. изложение его выступления в книге: *V. Auriol*, Hier et demain, I, p. 106—108.

[3] Там же.

коммунисты отсутствуют, с республикой расправляются легко. Впоследствии Деа цинично писал: «В общем все прошло хорошо, несмотря на некоторые толчки и предсмертные судороги»[1]. 11 июля Франция узнала, что маршал Петэн, «глава французского государства», отныне располагает бесконтрольно всей полнотой государственной власти, как законодательной, так и исполнительной. Так, после поражения и капитуляции французам пришлось увидеть, как их избранники свергают режим, который они были призваны защищать, как распадаются все легальные партии[2]. Все это, конечно, усилило растерянность и уныние.

Раздался только один голос, разоблачающий государственный переворот,— голос подпольной Французской коммунистической партии. 10 июля 1940 г. «Юманите» (№ 60) опубликовала воззвание Мориса Тореза и Жака Дюкло, где говорилось:

«Против нашей страны готовится удар. Плутократы, которые привели Францию к войне и к поражению, готовятся довести ее до рабского состояния... Будет принята конституция, которая отменит все наши демократические свободы... Рабочие и крестьяне, представители средних слоев, интеллигенция, вы никогда не допустите такого позора для своей страны. Солдаты, возвращающиеся с войны, уверенные в том, что вас предали и принесли в жертву, вы никогда не позволите виновникам ваших несчастий ограбить Францию и поставить ее под опеку. В час, когда недостойные министры, не останавливающиеся перед нарушением законности, хотят превратить Виши в кладбище наших прав и свобод, в этот час, французы, объединяйтесь, создавайте фронт Свободы, Труда и Независимости Франции».

Таким образом, в противовес антинародному пути, пути национального предательства, коммунистическая партия указала народу путь борьбы за национальную

[1] «L'Œuvre», 12. VII. 1940.

[2] Отметим, что ни одна из этих партий не была распущена вишистским правительством. В этом не было необходимости, так как они развалились сами.

независимость. В дальнейшем она будет неустанно уточнять и развивать этот путь; политика создания Национального фронта борьбы за свободу и независимость ясно изложена уже в этом обращении.

* *
*

Но на этом пути очень много трудностей. Действительно, вишисты и оккупанты прилагали все усилия, чтобы сохранить атмосферу подавленности и всеобщего смятения, которая благоприятствовала осуществлению их замыслов.

В неоккупированной зоне вокруг Петэна быстро создается мистический ореол. Обремененным всякого рода заботами и полностью дезориентированным французам предлагалось легкое решение: положиться на «спасителя», который примет на себя все грехи и постарается искупить их тем, что принесет «свою личность в дар Франции». Маршала восхваляли не только патентованные льстецы, славословящие новый режим. Многие политические деятели — некоторые из них позже примкнули к движению Сопротивления — в то время поддерживали вишистский режим. Проект резолюции 27-ми, подписанный наряду с другими социалистами и радикалами (Венсан Бади, Рамадье, Филип, Ногер), требовал «предоставить маршалу Петэну, который в эти тяжелые дни блестяще воплощает традиционные достоинства французов, все полномочия для того, чтобы благополучно довести до конца дело общественного спасения и мира».

Клодель посвятил Филиппу Петэну восторженную оду. Петэновский психоз разжигался и при помощи выпуска колоссального количества портретов, значков, открыток и т. д.

Чтобы поддерживать у французов чувство виновности и бессилия, пускались в ход все средства. Пресса и радио непрерывно твердили, что французы побеждены. День 14 июля, самый славный праздник французского народа, был объявлен днем национального траура. На следующий день «Эвр» писала:

«Франция поняла, как велико ее горе». Францию призывали к покаянию. Так, Франсуа Мориак писал: «Франция вошла в келью, в ту келью, где познаешь самого себя и которая так дорога сердцу св. Катерины Сиенской» [1].

* *
*

Французов заклинали отказаться от легкой жизни, от этого «скучного и однообразного счастья повседневной жизни», которое они познали во времена Народного фронта [2], «от 40-часовой рабочей недели и от аперитива Перно» [3],— писал Ребате [4]. А Мориак, предавая анафеме «города-спруты», где процветает коррупция, звал к священному «возврату к земле», что должно было содействовать включению «сельскохозяйственной» Франции в систему гитлеровского «нового порядка». «Франция понимает, наконец, благодаря этому несчастью, что спасение ей может принести только священная земля, политая кровью ее сынов, что больше ей не на что надеяться; чтобы не умереть, Франция склоняет голову перед этой землей и преклоняет колени» [5].

Церковь охотно поддерживала такие «добрые чувства». Пий XII направил всем французским кардиналам и епископам письмо, где выражал удовлетворение тем, «что он вновь увидел «католическую душу» той Франции, которую иногда процветание сбивало с истинного пути, но которую теперь несчастье приблизило к богу».

В такой мрачной атмосфере раскаяния и печали людям указывали проблеск надежды — «национальную революцию», о которой говорили, что она будет также социальной и даже социалистической. А чтобы доказать это, на помощь призывали известных

---

[1] «Le Figaro», 3.VII. 1940.
[2] «L'Œuvre», 7. VII. 1940.
[3] Распространенный во Франции напиток фирмы Перно. — *Прим. перевод.*
[4] В книге «Les Décombres».
[5] «Le Figaro», 3. VII. 1940.

деятелей профсоюзов. Некоторые реформистские лидеры непосредственно участвовали в этой демагогической кампании. В июле один из руководителей ВКТ — Белен был назначен министром промышленного производства и труда. Его газета «Сандика», в которой сотрудничали и другие ренегаты (Дюмулен, Фруадеваль, Руа, Винь), ставила своей целью «освободить профсоюзное движение от засилья политических партий» и «сблизить предпринимателей и трудящихся». В свою очередь и социалист Спинас начал издавать с финансовой помощью Лаваля газету «Эффор», пропагандировавшую те же корпоративные и петэновские идейки. Разбудить энергию и возродить настоящую надежду — такова была первоочередная задача партии в этой обстановке.

* *
*

В оккупированной зоне положение было не намного яснее. Конечно, здесь находились оккупанты, их очень много, и французы ненавидели их. Но здесь не только раздували масштабы понесенного Францией поражения и насаждали представления о бессилии французов, но и старались посеять иллюзии, которые должны были замаскировать подлинные намерения гитлеровского правительства. Гитлер хотел господствовать во Франции с наименьшими осложнениями, не вызывая слишком бурных проявлений национальных чувств. Поэтому войскам был дан приказ быть «корректными»; немецкие солдаты уступали в метро место дамам; немецкие власти делали вид, что не вмешиваются во французские дела, и в этом отношении им очень помогала фикция существования «свободного» французского правительства Виши — все это демонстрировало «великодушие» немцев, которые, несмотря на свою блестящую победу, не обращаются с Францией, как с побежденной страной.

Все это заставляло французское правительство принимать необходимые меры по приспособлению Франции к «новому порядку» в Европе и создавало

благоприятные условия для демагогии оккупантов. В июле из тюрем освободили некоторых заключенных, арестованных за «пацифистскую пропаганду». Так гитлеровцы хотели на практике подтвердить свой тезис о том, что ответственность за развязывание войны лежит только на английском и французском правительствах. Кроме того, этим жестом они хотели доказать свой либерализм. Не беда, если среди освобожденных окажется несколько коммунистов — французское правительство позаботилось о том, чтобы переправить в южную зону большинство арестованных членов коммунистической партии. К тому же вишистские власти, стремясь угодить своим хозяевам, продолжали аресты активистов. А что касается предателей, которые еще находились в заключении, то они могли пополнить ряды коллаборационистов.

Эта «операция соблазна» была предназначена главным образом для рабочего класса, ибо гитлеровцы по собственному опыту знали, что он является самым боевым отрядом. «Оккупанты,— объяснял Деа,— заботятся главным образом о том, чтобы не восстановить против себя рабочих, наладить с ними контакт и включить их в хорошо организованное социальное движение» [1].

Продажная пресса охотно занималась «антикапиталистической» демагогией. Деа призывал французов посмеяться над «неудачей... руководителей немецкой промышленности, перешедших на сторону Гитлера», которым в конце концов «пришлось расстаться со своим феодальным могуществом»; он восхвалял «антикапитализм» оккупантов и сообщал, что было «социализировано крупное транспортное предприятие» [2]. В общем, он не жалел громких слов.

Но всякое движение, организованное непосредственно оккупантами, было бы подозрительным. Поэтому им нужны были люди, и не только несколько предателей, которых быстро разоблачили бы, не только несколько реформистских вождей типа Дюмулена

---

[1] «L'Œuvre», 29. VIII. 1940.
[2] Там же.

и Белена, которые быстро скомпрометировали бы себя в глазах трудящихся. Здесь Деа снова раскрывает нам суть вопроса:

«Немцы хотят, чтобы все рабочие эффективно включились в корпоративное движение, и для этого, по их мнению, нужны кадры, которые бы пользовались подлинным доверием трудящихся... Чтобы располагать людьми, обладающими авторитетом и являющимися настоящими вожаками, немцы исходят из принципа, что никого не следует исключать: все будет проверено на практике, а если случайно они обожгутся, то смогут дать обратный ход»[1].

Деа уточняет, что в данном случае имеются в виду коммунисты. И вот мы видим, как коллаборационистская пресса начинает заигрывать с коммунистами. Особенно отличалась газета «Франс о травай». Этот «крупный орган информации, находившийся на службе народа», издавался непосредственно немецкими учреждениями. Одним из ее редакторов являлся шпион Люсьен Пенжан, приятель «предателя из Штутгарта». В первых номерах газеты печатались неподписанные статьи, авторы которых щеголяли «революционными» фразами. В первом номере было опубликовано послание, составленное будто бы группой рабочих Парижского района, в котором воспроизводились некоторые из лозунгов коммунистической партии: освобождение арестованных товарищей, конфискация прибылей, нажитых на войне, пуск остановленных предприятий и др.[2] Наряду с грубыми антисемитскими и коллаборационистскими высказываниями газета публиковала материалы, которые должны были придать ей крайне левый вид: она восхваляла Парижскую коммуну[3] и возмущалась преследованием «рабочих-активистов» вишистским правительством.

Коммунистическая партия решительно разоблачала демагогическую кампанию гитлеровцев и преда-

---

[1] «L'Œuvre», 29. VIII. 1940.
[2] «La France au travail», 30. VI. 1940.
[3] «La France au travail», 2. VII, 1940.

тельскую сущность коллаборационизма. Против некоторых активистов, попавших во вражескую ловушку, были приняты дисциплинарные меры. «Юманите» клеймила газеты, «живущие на иностранные субсидии». Особо резкой критике подверглась «Франс о травай». Коммунистическая партия выступила со специальным заявлением, в котором опровергала слухи о сотрудничестве коммунистов в этой газете.

«Коммунистическая партия,— говорится в этом заявлении,— требует свободы и независимости Франции и считает недопустимым оправдывать оккупацию национальной территории и использование нашей страны в целях продолжения империалистической войны... Она заявляет, что будет объявлять предателями и изгонять из своих рядов всех, кто в той или иной форме будет поддерживать антифранцузские мероприятия, за которые выступает «Франс о травай»»[1].

Патриотическая позиция коммунистической партии выражена здесь совершенно ясно.

Если оккупанты и питали когда-нибудь хоть малейшую надежду приобщить к своему делу французских коммунистов, то во всяком случае они ее очень скоро потеряли. Однако некоторое время они еще продолжали свои демагогические маневры.

«Сила нашей партии составляет очень серьезную проблему для гитлеровской армии, для оккупантов,— разъясняли Морис Торез и Жак Дюкло.— Оккупанты применяют против нашей партии самые различные формы борьбы. Им очень хотелось нас скомпрометировать. Поэтому они пытались представить нас как людей, якобы «барышничающих» с ними... Они старались опозорить нас, чтобы потом, не опасаясь народного возмущения, развернуть при помощи французской полиции широкие репрессии против нашей партии, которая находится в первых рядах тех, кто борется против угнетателей. Мы разоблачили и сорвали все гнусные махинации, которые они замышляли против

---

[1] «L'Humanité», septembre, 1940; специальный номер.

нас совместно с подлецами, находящимися на службе у Петэна и Лаваля»[1].

Вне партии демагогические маневры оккупантов могли, несомненно, посеять кое-какие иллюзии и вызвать некоторое замешательство. Партия, все еще находившаяся в подполье, не располагала никакими легальными средствами информации. В результате поражения Франции ее актив был разбросан по разным местам и, кроме того, все время подвергался преследованиям. В июле только в Парижском районе было арестовано 300 членов партии, некоторые из них погибли в Шатобриане. Почти в каждом номере «Юманите» публиковала списки арестованных товарищей. Только в одном номере от 2 августа 1940 г. сообщалось, что в обеих зонах арестовано более 60 человек. Таким образом, партии было очень трудно распространять правдивую информацию, разоблачать всякие двусмысленности, намечать перспективы. Она должна была строить всю свою работу, провозглашать лозунги, исходя из ограниченных возможностей данной обстановки. Первые шаги движения Сопротивления были трудными, скромными и не бросающимися в глаза.

---

[1] «Письмо арестованным товарищам от 1 октября 1940 г.». Цит. по книге: *Ф. Бонт*, Дорога чести, стр. 293.

6. Начало движения Сопротивления летом 1940 года

Определение

Что такое движение Сопротивления? Дать этому движению определение, особенно в начальной фазе, не так-то легко. Обычно давали очень узкое определение:

«Как помешать врагу? Как заставить его убраться восвояси? Единственный союзник, который еще продолжает борьбу,— это Англия. Следовательно, для того чтобы победить Германию, надо делать все для того, чтобы войну выиграла Англия. А отсюда единственное решение — помогать англичанам».

Полагают, что именно так рассуждали будущие участники движения Сопротивления летом 1940 г.[1] В основном перед ними открывались только две возможности для активных действий в ближайшее время: уехать из Франции и вступить в деголлевские войска или же заниматься разведкой, оказывая военную помощь Великобритании.

Французская коммунистическая партия, исходя из анализа характера второй мировой войны, предлагает другую трактовку сущности движения Сопротивления. Войну, разразившуюся в 1939 г., вдохновляли империалистические круги, и велась она за достижение империалистических целей. Поэтому демократический и национальный характер антигитлеровской борьбы все время затушевывался и война привела к национальному и политическому угнетению Франции.

---

[1] *Marie Granet* et *Henri Michel*, Combat. Histoire d'un mouvement de résistance de juillet 1940 à juillet 1943, P. U. F., 1957, p. 41.

Конечно, Англия продолжала воевать с Германией, за Англией все отчетливее вырисовывалась тень Соединенных Штатов [1], и в этой войне задачи защиты национального суверенитета все более и более выступали на передний план. Но она все же сохраняла многие империалистические черты. В частности, она должна была помешать новому переделу мира, который начали Германия и ее союзники. Однако идти на поводу у крупных империалистических держав и поставить свое освобождение только в зависимость от их победы означало бы поставить национальный суверенитет Франции под угрозу. И эта угроза не заставила себя ждать. Генерал де Голль очень подробно рассказал о своих распрях с англо-американскими союзниками. Уже в июне 1940 г. английское правительство мешало объединению французских военных сил вокруг комитета «Свободная Франция». Завладение французской колониальной империей становится одной из желанных целей англо-саксонских империалистов. Летом 1941 г. конфликт между Англией и де Голлем по поводу Сирии достиг такой остроты, что с трудом удалось избежать разрыва [2]. В декабре 1941 г. деголлевским войскам, занявшим Сан-Пьер-э-Микелон, угрожала американская интервенция. С момента высадки войск в 1942 г. в Северной Африке американское правительство старалось превратить этот район в свой доминион, опираясь при этом на вишистское правительство. Англо-американские устремления не ограничивались колониальными владениями Франции. В этом отношении очень характерен порядок управления Францией после освобождения, который подготовило американское верховное командование: оно собиралось установить во Франции власть АМГОТ (Союзное военное управление на оккупированных территориях): гражданской администрацией будут управлять высшие офицеры союзной армии, которые по своему выбору призовут на

[1] Перевыборы Рузвельта в ноябре 1940 г. и принятие закона о ленд-лизе в марте 1941 г.— это этапы все более активного включения Соединенных Штатов во вторую мировую войну.
[2] *De Gaulle*, Mémoires, Plon, 1954, I, p. 75, 158 et 172.

помощь французских чиновников; под предлогом соблюдения военных интересов, которые «превыше всего», они будут разрабатывать и проводить в жизнь политические и экономические мероприятия[1]. Это была программа установления настоящей опеки. Американские власти вплоть до освобождения Парижа все время плели интриги с самыми продажными политиканами, стремясь отстранить от руководства французскими делами представителей движения Сопротивления.

Движение, возглавляемое комитетом «Свободная Франция», тоже оказалось неспособным руководить борьбой в стране. Каковы подлинные причины создания этого комитета? Известно, что, когда поражение стало неминуемым, правительство Рейно направило генерала де Голля в Англию, рассчитывая продолжать войну против Германии[2]. В течение всего периода «странной войны» правящие классы старались использовать войну для подавления рабочего движения в своей стране и ослабления СССР. В то же время они не упускали из вида опасность, которую представлял для них германский империалистический конкурент. И вот в июне 1940 г. этот конкурент одерживает колоссальную победу. Конечно, крупная французская буржуазия, задающая тон в Виши, могла с ним «поладить», но не все интересы французских империалистов были совместимы с требованием гитлеровцев. Кроме того, другие империалистические соперники Франции (США и Англия) могли воспользоваться исчезновением самостоятельного французского правительства, чтобы прибрать, например, к рукам колониальные владения Франции. Поэтому определенной части французских господствующих классов[3] необходимо было иметь своих представите-

---

[1] См. *De Gaulle*, Mémoires, Plon, 1954, II, p. 211, 591, 608.

[2] Интервью де Голля Жану Оберле в мае 1943 г., опубликованное в книге: «Jean Oberlé vous parle», 1945, стр. 24.

[3] Есть возможность уточнить, что собой представляет эта часть, изучив проект «неразрывного союза между Францией и Англией», разработанный Моником и Жаном Моннэ. В этом отношении характерно присутствие в Лондоне (как в Виши и в Париже) кагуляров, например Пасси.

лей в антигитлеровском империалистическом лагере. Для этого и был создан французский комитет в Лондоне. А что в поведении самого генерала де Голля определенную роль играли чувства чести и старый национализм, свойственный его касте, вовсе не меняет того факта, что в основном его движение преследовало империалистические цели. Это с достаточной ясностью вытекает из первых же его речей: «наша империя», «наш флот», «наше золото», «наши союзники» — таковы главные темы его выступлений. И в то же время он ни разу не обратился к французскому народу с призывом начать борьбу за свое освобождение на территории своей страны.

Таким образом, война, которую вели англо-американцы и деголлевское движение, могла привести только к империалистической развязке, при которой легко разделались бы с независимостью ослабленной Франции. И если дело обернулось иначе, чем рассчитывали англо-американские правящие круги, то это произошло только потому, что во Франции развернулось народное движение, доказавшее свою мощь и сыгравшее решающую роль в освобождении страны, как этого и добивались коммунисты.

Это вовсе не означает, что коммунисты игнорируют роль, которую сыграли Англия и комитет «Свободная Франция». Каковы бы ни были подлинные намерения Гитлера в отношении Англии [1], тот факт, что Англия продолжала борьбу и сопротивлялась массированным немецким бомбардировкам, имел большое значение в 1940 г., так как создавал трудности для гитлеровской военной машины, обрушившей свою мощь на Францию. Каковы бы ни были подлинные намерения «Лондонского комитета», силы «Свободной Франции», несомненно, сыграли свою роль в победе над Гитлером. Больше того, для многих французов «Свободная Франция» символизировала

---

[1] Гитлер, очевидно, никогда серьезно не думал о завоевании Англии. Его «блиц», разразившийся в августе, скорее преследовал цель запугать Англию и заставить ее принять предложение о мире (Речь Гитлера от 19 июля 1940 г.).

отказ от примирения с тем положением, которое сложилось в 1940 г. Англо-деголлевское радио помогало бороться с настроениями упадочничества, которые в то время были одним из главных козырей угнетателей Франции. В силу этого принципиальная позиция коммунистической партии, считавшей, что спасение Франции не могут принести ни Англия, ни де Голль, а только сам французский народ, не была враждебной по отношению к Англии.

В коммунистической прессе того времени нет тех резких антианглийских высказываний, которыми были полны официальные газеты, даже после того, как 3 июля 1940 г. французский флот в Мерс-Эль-Кебире подвергся бомбардировке английскими самолетами, что, конечно, всячески раздувалось антианглийской пропагандой [1]. Призывая французский народ сражаться за свободу и независимость, коммунистическая партия боролась против нацистской Германии и тем самым, по существу, помогала борьбе английского народа против гитлеризма. Точно так же, хотя коммунисты отвергали решения «Лондонского комитета», в самой Франции они вскоре начали сотрудничать с деголлевцами [2].

---

[1] Утверждали, что июльское обращение коммунистической партии в 1940 г. было направлено против Англии. Однако на самом деле там говорилось: «Никогда столь великий народ не будет народом рабов. Если, несмотря на террор, наш народ сумел в самых различных формах осудить предательство, сознательно совершенное магнатами трестов, то он сумеет также продемонстрировать клике, стоящей сейчас у власти, *свою волю к освобождению*» (*М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 484—485).

[2] В то время термин «деголлевец» имел очень неясное значение. Еще не существовало никакого организованного деголлевского движения. Первые участники Сопротивления называли часто себя деголлевцами только потому, что считали, что «де Голль прав» или «придерживается тех же взглядов», что и они. «Они не могли выносить присутствия немцев во Франции, и для них это было достаточным основанием для того, чтобы действовать» (*Germain Tillion*, Première résistance en zone occupée, «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale» № 30). Присоединение к деголлевскому движению, как таковому, т. е. к «Лондонскому комитету», произошло гораздо позже, в 1942 г.

* *
*

Для коммунистов движение Сопротивления в 1940 г. не казалось чем-то неожиданным. Борьбу против фашизма и гитлеровской Германии как оплота международной реакции они вели с момента прихода Гитлера к власти, поэтому движение Сопротивления представляло собой продолжение той же политики партии в новых условиях. В Обращении Мориса Тореза и Жака Дюкло[1] так излагались обстановка и задачи движения Сопротивления:

«...Половина французской территории оккупирована германской армией, причем, как указывает соглашение о перемирии, оккупационные расходы несет сама Франция...

...Французский народ, познавший все унижение оккупации, чувствует себя чужим в своей собственной стране. В то же время он видит, что *продажное правительство предателей и изменников,* находящееся в Виши (ему остается только переехать в Версаль для полного сходства со зловещим Тьером), *делает ставку на помощь извне,* чтобы удержаться у власти *вопреки воле народа*»[2].

На этот раз во Франции победили самые реакционные силы. Теперь речь шла уже не о защите от фашизма, не о расширении социальных и политических завоеваний и не об укреплении национальной обороны. Теперь нужно было вести войну против национального и политического гнета. И та и другая форма угнетения Франции тесно связаны между собою. Цели этой войны изложены в воззвании тремя словами: *«Свобода, Независимость и Возрождение Франции».*

Кто будет вести эту войну? Вся страна. Потому что весь народ предан кучкой изменников и страдает

---

[1] Полный текст Обращения дается в Собрании сочинений Тореза (*M. Thorez,* Œuvres, Livre V, t. XIX, p. 54. et suiv.). Он был вкратце изложен в «Юманите» 10 июля 1940 г. и через несколько дней напечатан на листовках.

[2] *М. Торез,* Избранные произведения, т. I, стр. 483 (*подчеркнуто Ж. Виллар*).

от политического и национального гнета. В 1936 г. Морис Торез выступил с требованием создания «Французского фронта» против гитлеровской опасности и участников заговора, поднявших мятеж 6 февраля 1934 г., угрожавших завоеваниям народа и национальной независимости. Июльское обращение 1940 г. выдвигает лозунг создания «Единства всего народа», чтобы очистить французскую землю от тех, кто свел на нет эти завоевания народа и попрал национальную независимость.

Кто мог руководить этой борьбой? Правящие классы умеют только защищать свои отжившие привилегии, причем любой ценой и вопреки интересам нации, которая отвергала эти привилегии. Поэтому руководить национальным и социальным освобождением Франции надлежало «рабочему классу, пламенному и великодушному, полному веры и отваги, потому что ему принадлежит будущее... руководимому коммунистической партией». Коммунистическая партия будет неустанно подчеркивать классовые корни как национальной измены, так и патриотизма. Борьба против эксплуататоров — это борьба против их гитлеровских покровителей.

«Чувство национальной гордости в народных массах крепнет тем сильнее, чем быстрее оно ослабевает или совсем исчезает в правящей среде, как это было во времена Великой французской революции, когда сторонники монархии переходили на службу к Питту и Кобуру, а «патриот» было синонимом слова «революционер»» [1].

Не было никаких противоречий, никаких двусмысленностей в позиции коммунистической партии — партии социалистической революции. «Мы являемся одновременно партией освобождения французского народа от цепей капитализма и партией свободы и независимости Франции».

Историческая роль рабочего класса, берущего в свои руки судьбы всей страны, предопределяет опти-

[1] «L'Humanité», septembre 1940; специальный номер, статья М. Тореза и Ж. Дюкло «Наша гордость и наша честь»; перепечатана: *M. Thorez*, Œuvres L. V, t. XIX, p. 73.

мизм и уверенность в победе, которые отражены в июльском Манифесте в противоположность унынию, растерянности и смирению, усиленно насаждаемым победителями — калифами на час:

«Истекающая кровью Франция хочет жить свободной и независимой.

Французский народ хочет сам решать, в соответствии со своими традициями и национальным характером, социальные и политические вопросы, возникшие в связи с предательством имущих классов...

Никогда столь великий народ не будет народом рабов... Франции не быть разновидностью колониальной страны. Франция с ее славным прошлым не станет на колени перед кучкой лакеев, готовых на любое грязное дело. Франция должна возродиться, и она возродится...

Франция должна возродиться, чтобы стать страной труда и свободы, а не страной рабства и нищеты» [1].

Этот манифест, который заложил основы «Фронта свободы, независимости и возрождения Франции», не пользуется, однако, вниманием историков в отличие от деголлевского воззвания от 18 июня 1940 г. Чаще всего его забывают, а если и ссылаются на него, то главным образом для того, чтобы попытаться доказать, что в нем не было призыва к сопротивлению. Говорят: разве коммунистическая партия не продолжала в нем требовать мира? — Продолжала, но она требовала мира «при условии полной и подлинной независимости Франции», ибо истинный «мир возможен лишь при условии независимости народов». Требование такого мира ни в коем случае не тормозило, а, наоборот, делало необходимой борьбу против национального угнетения, против гитлеровцев и их союзников во Франции, использовавших оккупацию страны для продолжения империалистической войны.

С другой стороны, июльское обращение часто преподносят как призыв к революции. Нам говорят:

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 484 — 485.

разве оно не требовало создания «правительства народа»? — Да, требовало, но текст этого обращения совсем недвусмыслен: в нем шла речь о правительстве, «создание которого будет возможно на основе единства народа», и оно выдвигало отнюдь не социалистическую программу; некоторые существенные ее части были воспроизведены в программе Национального совета Сопротивления, принятой в 1944 г.[1] А в 1940 г. коммунистическая партия непрерывно напоминала, что любой шаг вперед должен быть подчинен задаче разгрома тех, кто надел на Францию ярмо самого грубого и тяжелого гнета. «Ясно, что Франция может возродиться только в условиях свободы и независимости» [2].

Таким образом, июльское обращение бесспорно доказывает, что инициатором движения Сопротивления во Франции выступила коммунистическая партия.

Первые шаги, первые организации

Французская коммунистическая партия явилась также и первым организатором движения Сопротивления. Конечно, летом 1940 г. в стране имели место акты сопротивления и наблюдался дух сопротивления и вне рядов коммунистической партии. Уже в это время французы предпринимали кое-что: слушали лондонское радио, друзья собирались, обменивались впечатлениями, намечали план действия, что иногда приводило к созданию ядра будущей организации; людям, находящимся в особенно тяжелом положении,— евреям, бежавшим военнопленным, жителям Эльзаса помогали перейти демаркационную линию. Таким образом, уже существовала база для дальнейшего развития конкретных действий.

Если подвести итог деятельности движения Сопротивления, имевшего место вне рядов коммунистической партии, то он будет очень невелик: летом

[1] Восстановление демократических свобод, отстранение крупных финансовых монополий от руководства экономикой, национализация, расширение прав колониальных народов и т. д.

[2] «La Vie du Parti» № 2, octobre 1940.

1940 г. существовало всего несколько групп, сфера действий которых была очень ограничена, например группа при «Музее развития человека» в Париже.

В южной зоне, где работу вести легче, закладывались основы будущей подпольной организации «Комба»; но и она в декабре насчитывала в Марселе всего несколько десятков членов [1]. О слабости этих находившихся в зародыше организаций можно судить по состоянию некоммунистической подпольной печати. Летом 1940 г. существовало всего несколько газет, которые к тому же были недолговечными, например «Ла верите франсез», нападавшая на официальную прессу, или «Кан мем», перепечатывавшая листовки, сбрасываемые английскими самолетами. Социалист Жан Тексье опубликовал две брошюры: в августе — «Советы жителю оккупированной территории» и в сентябре — «Наша борьба». Конечно, в то время небесполезно было напоминать французам о том, что «парижские газеты ныне даже не думают по-французски», или зло иронизировать над «солдатами, которые обжираются в хороших ресторанах, целые дни проводят на террасах больших кафе, опустошают кондитерские и отделы дамского белья в универмагах» [2]. Напротив, было не безопасным заявлять, что «терпение — одна из форм мужества», и утверждать, что победитель, недовольный правительством Виши, подвергает его унижениям, заставляет терпеть издевательства и рассчитывает, что скоро это правительство, власть которого с каждым часом ослабевает, будет заменено совершенно послушным кабинетом» [3].

Эти первые выступления внесли свой вклад в общее дело сопротивления, и несколько человек поплатились за них жизнью [4]. Но, несмотря на все их значение, несмотря на мужество, которое требовалось

[1] *M. Granet* et *H. Michel*, Combat, p. 30.

[2] «Conseils à l'occupé» № 14 et 26.

[3] «Notre Combat». Обе брошюры были вместе с другими статьями объединены Жаном Тексье в книгу «Ecrit dans la nuit», 1945.

[4] Группа при «Музее развития человека» была полностью уничтожена в феврале 1941 г.

для их свершения, эти акты были обречены на изолированность и ограниченность.

И наоборот, коммунистическая партия могла немедленно развернуть широкие, согласованные действия в самых разнообразных формах. Это объясняется несколькими причинами: хотя коммунистическая партия целый год находилась в подполье и подвергалась репрессиям, она являлась все же единственной политической организованной силой, отказывавшейся согласиться с порабощением Франции; ей удалось сохранить контакт с широкими народными массами, особенно в крупных городских центрах; она быстро разобралась в обстановке и наметила ясные пути действия; она являлась единственной партией, которая определила перспективу движения Сопротивления — освобождение Франции силами французского народа.

Однако летом 1940 г. народные массы были дезорганизованы и сбиты с толку. Реакционные силы торжествовали победу. В этих условиях требовалось прежде всего укрепить силы партии и ее связи с массами, потому что партия, оторванная от масс, подобно Антею[1], теряет всякую возможность действовать.

«Вы не должны, товарищи,— писали Морис Торез и Жак Дюкло,— замыкаться в башне из слоновой кости, довольствуясь утверждением, что партия была права. Вы должны идти в массы, откликаться на их жалобы, участвовать в их борьбе. Место каждого коммуниста — среди масс. Наша партия черпает свою силу в постоянном контакте с народными массами и на связи с ними основывается ее политическое влияние»[2].

Таким образом, этот период был преимущественно периодом организации и сплочения народных и национальных сил. Опираясь на опыт большевиков в 1905 г., коммунисты использовали для этой цели

---

[1] В то время миф об этом гиганте, который терял свою силу, как только его отрывали от земли, очень часто упоминался в партийной прессе (см. «La Vie du Parti» № 2, octobre 1940).

[2] «Письмо активным коммунистам», «Cahiers du bolchévisme» Itrimestre 1941.

как подпольные организации, так и все легальные возможности.

Прежде всего партия укреплялась. Она организовывала своих членов, возвращавшихся из армии и из тех мест, куда они временно переселялись. Затруднения со средствами связи и условия подполья замедляли, делали опасной эту работу. И все же в основном она закончилась в сентябре. О силе и жизненности партии свидетельствовало большое число газет, издававшихся ее ячейками, созданными по месту жительства и на предприятиях, а также областными комитетами[1].

Приход к руководству новых кадров и их правильный подбор играл в тех условиях очень большую роль; от них требовались «преданность, умение разрешать вопросы, личное мужество и политическая твердость»[2]. В силу сложности обстановки партийный актив должен был уделять особенно большое внимание идеологической работе. Партия настаивала на «абсолютной необходимости изучать теорию», предостерегала против «провокаций и пустой фразеологии»[3]. Несмотря на то что выпуск подпольной печати был связан с большими трудностями и опасностями, партия уделяла в ней довольно значительное место теоретическим работам и статьям. В результате многие молодые коммунисты уже в то время знакомились с основными принципами марксизма.

Одновременно партия смело использовала все возможности, чтобы как можно шире общаться с массами. Так, Габриель Пери и несколько товарищей выступали перед широкой аудиторией в пригороде Парижа на следующий день после заключения пере-

---

[1] Среди подпольных периодических изданий, хранящихся в Национальной библиотеке помимо «Юманите» имеются выходившие в июле, августе и сентябре 1940 г. местные газеты партии (Нантер, Монруж, Нейи, Севр, Аржантей, Дранси, Ольней, Сен-Дени, Коломб, Стэн, 2-й, 3-й и 18-й округа Парижа); газеты, издававшиеся на предприятиях (Мишелен, Фив-Лиль), областные газеты (Нант, Гард, Уаза, Центр Парижа) и т. д.

[2] «La Vie du Parti» № 1, août 1940, статья «Организация партии».

[3] «La Vie du Parti» № 1, août 1940.

мирия. Все легальные организации — профсоюзы, а позже цеховые и другие — использовались для связи партии с массами.

Выпуск подпольной печати быстро принимает широкий размах[1]. Основная задача, которая ставится перед ней, это помогать правильно разобраться в создавшейся обстановке, объяснить ее причины и указать, какие имеются возможности для практических действий; помочь французам в это тяжелое и смутное время набираться собственного опыта и извлечь из него необходимые уроки.

Для этого надо было в обстановке лжи и замешательства восстановить правду и прежде всего показать, почему события развивались именно так, а не иначе. Поэтому неоднократно и подробно объяснялось происхождение мировой войны и «странной войны» во Франции[2], причем в качестве основной причины поражения Франции указывалась измена. Как только оккупанты опубликовали (очевидно, для того чтобы «доказать» свои «добрые отношения» с СССР) документ французского генерального штаба, где содержались планы нападения на СССР в 1940 г., то немедленно была выпущена листовка, где говорилось: «Французы, теперь вы видите, что вас обманули и предали», и подчеркивалась преемственная связь между предателями и правительством Петэна: «Лаваль и Фроссар, которые толкали Даладье на путь антисоветской войны, являются теперь министрами Петэна»[3]. Чтобы преодолеть уныние и сорвать

[1] В первые три месяца после перемирия было выпущено более 30 номеров «Юманите», не считая областных и местных газет и листовок. Выходили также журналы «Ла ви дю парти», «Кайе дю большевисм», «Авангард», а также «Ла ви увриер», орган подпольной ВКТ, издаваемый под руководством Бенуа Фрашона.

[2] В частности, см. в «Cahiers du bolchévisme» за III квартал 1940 г. статью «Мирная политика коммунистов» и в специальном номере «L'Humanité» от 1 сентября 1940 г. статью М. Тореза и Ж. Дюкло «Год спустя после начала империалистической войны» (*M. Thorez*, Œuvres, livre V, t. XIX, p. 65).

[3] Эта листовка была выпущена, очевидно, в конце июня или в начале июля 1940 г., потому что она перечисляет среди министров Шотана, Помаре, Шишери, Фроссара, которые были выведены из состава правительства 12 июля.

диверсионные маневры калифов на час, которые ответственность за все валили на «социальные завоевания 1936 г.», очевидно, было необходимо дать объяснение истинных причин поражения. И в то же время партия вселяла надежду, доказывая правильность своей политики, а также правильность политики СССР.

Объяснение политики СССР и пропаганда его мощи занимали в партийной печати большое место не только потому, что речь шла о стране социализма, благодаря которой коммунисты могли на практике показать, что представляют собой реальные перспективы социализма, но и потому, что мощь Советского Союза оставалась вопреки некоторым внешним проявлениям и немецкой пропаганде основным препятствием для осуществления агрессивных устремлений фашистских государств. Обычно историки высоко оценивают сопротивление Англии осенью 1940 г. и менее охотно занимаются изучением борьбы Советского Союза против фашизма. Однако теперь известно, что те пункты германо-советского пакта, которые по замыслу Гитлера должны были сорвать блокаду Германии, никогда не были претворены в жизнь. Посол Италии в Берлине вспоминал, что к маю 1941 г., т. е. за 18 месяцев, истекших со дня подписания пакта, СССР поставил Германии очень мало нефти и вовсе не поставил меди и пшеницы[1]. Известно, какое большое значение имело вступление в Союз Советских Социалистических Республик в июне — сентябре 1940 г. прибалтийских государств и Бессарабии. Тот факт, что СССР лишил «третий рейх» двух важных плацдармов для агрессии[2], неопровержимо доказывал его стремление противодействовать осуществлению гитлеровских замыслов.

---

[1] *Simoni* (Michel Lanza), Berlin, ambassade d'Italie (1939—1943), p. 266.

[2] Эту роль прибалтийские государства играли с момента своего создания в 1918 г. Что касается Бессарабии, тоже отторгнутой от России в 1918 г., то она стала в составе Румынии настоящей немецкой колонией в 1940 г.

«Гитлер и его приближенные,— писал Симони 24 июня 1940 г.,— больше занимаются делами Восточной Европы, чем изучением карты Ла-Манша»[1].

Он заявлял, что уже в июле 1940 г. происходило крупное передвижение немецких войск на Восток. В октябре этого года, во время переговоров Муссолини с Гитлером в Бреннере, Гитлер говорил о «180 бронированных дивизиях, готовых начать действия на Востоке»[2]. Сейчас установлено, что решение напасть на СССР было сообщено германскому генеральному штабу на заседании, состоявшемся 29 июля 1940 г.[3] Хотя коммунистическая партия не располагала тогда такими конкретными данными, она старалась дать правильную оценку германо-советским отношениям. Партийная печать широко распространила речь народного комиссара иностранных дел Советского Союза на заседании Верховного Совета СССР от 1 августа 1940 г. Там говорилось, что Германия еще не добилась того, чего хотела, т. е. окончания войны на своих условиях. Таким образом, конца этой войны еще не видно и перед лицом угрозы расширения войны СССР должен проявлять особую бдительность. Поэтому рабочий день увеличивается с 7 до 8 часов. Народный комиссар иностранных дел заявил, что отношения с Германией продолжают оставаться такими, как это предусмотрено германо-советским договором, но в то же время приветствовал назначение Стаффорда Криппса послом в Москву как признак желания Англии укрепить свои связи с СССР. Отсюда рождалась мысль, что СССР — страна свободы и независимости народов — становится центром притяжения для всех народов, ведущих борьбу против фашистского агрессора.

Чтобы наметить план первых практических действий, коммунистическая печать особенно большое

[1] *Simoni*, Berlin, ambassade d'Italie, p. 165.

[2] *Ciano*, Archives, p. 401—402.

[3] См., в частности, показания на Нюрнбергском процессе генерала Варлемона, присутствовавшего на этом заседании, и книгу немецкого ученого Грейнера, занимавшегося историей немецкой армии этого периода: *H. Greiner*, Die oberste Wehrmacht Führung, Wiesbaden, 1951.

внимание уделяла разъяснению обстановки, сложившейся во Франции. Прежде всего надо было рассеять все кривотолки по поводу вишистского режима. Существование французского правительства, несмотря на быструю и полную победу немцев, идеализированная личность маршала Петэна создавали видимость того, что Франция не окончательно потеряла свою независимость, что оккупанты позволяют французам самим решать свои дела и что «победитель Вердена» сможет в случае необходимости дать им жару. Таким образом, существование правительства Виши служило целям маскировки подлинных замыслов гитлеровской Германии: включение Франции в систему «нового порядка», т. е. в систему гитлеровской Европы. Более того, Гитлер рассматривал Виши как лучшее средство для достижения этой цели. Если бы оккупанты с самого начала выставили свои экономические, политические и военные требования непосредственно от своего имени, то они немедленно вызвали бы резкую реакцию со стороны народа и столкнулись бы со значительными административными трудностями. Поэтому это дело поручили французскому правительству. Именно французское правительство призывало французов честно соблюдать условия перемирия, которое расчленило и раздавило страну. Именно французское правительство бросало в тюрьмы лучших антифашистских борцов не только на Юге, но и в оккупированной зоне (вначале гестапо не выступало самостоятельно; оно удовлетворялось тем, что установило свои службы в префектуре полиции и дергало веревочки за кулисами). Именно французское правительство официально внедряло во Франции идеологию фашизма и, в частности, опубликовало положение о евреях. Именно Виши одобрило и реализовало подчинение Франции гитлеровскому порядку. Здесь нет ничего случайного. И если правительство стало «пленником немцев», то оно само этого хотело. Это правительство реакции, призванное подчинить громадное большинство французов господству кучки эксплуататоров, могло прийти к власти только в

результате победы гитлеровских войск, а удержаться могло только с помощью иностранных штыков.

Поэтому Французская коммунистическая партия немедленно начала кампанию по дискредитации Виши и разоблачала его как диктаторское классовое правительство, как правительство национальной измены. «Юманите» систематически показывала на конкретных примерах, как процветают крупные капиталистические фирмы и как бедствуют безработные, беженцы и пленные. Газета подчеркивала, какую большую роль играют в правительстве кагуляры и прямые агенты крупного капитала. Она разоблачала ложь теории о сотрудничестве классов. Так был доказан реакционный характер правительства Виши. 10 сентября «Юманите» [1] объясняла значение последних мероприятий этого правительства: интернирование на основе простого распоряжения властей, что, по существу, равноценно возрождению королевских указов о заточении, исключение из состава министров бывших сенаторов и депутатов, независимо от их заслуг, что полностью уничтожало последние остатки парламентаризма; нападки на светскую школу и предоставление льгот католическим конгрегациям, ибо только они могли распространять необходимый властям обскурантизм. Особо подчеркивались наиболее характерные фашистские черты вишистского режима: организация «ударных сил» вокруг Дорио и кагуляров; репрессии и создание концентрационных лагерей (в частности, лагеря в Гюрсе), антисемитизм [2], попытки насильственной вербовки молодежи, о чем свидетельствовала специальная перепись и проекты создания молодежных лагерей, предложенные министром Ибарнегарэ, одним из бывших руководителей «Боевых крестов». Газета подчеркивала также тесную связь между политическим и национальным гнетом: Виши — это «правительство национальной измены и реакции» [3]; «используя поражение и оккупацию, вишистские предатели обра-

[1] «L'Humanité» № 75, 10. IX. 1940.
[2] «L'Humanité» № 67, 5. VIII. et № 72, 26. VIII. 1940.
[3] «La Vie du Parti», août 1940.

щают Францию в рабство... Реакционная политика вишистских деятелей направлена одновременно и против трудящихся масс и против независимости страны»[1]; «правительство Виши — это не французское правительство»[2]. «Если бы народ не был опутан цепями оккупации и мог свободно действовать, то он разогнал бы вишистских правителей, которые все более открыто становятся исполнителями чужой воли»[3].

И вот те политиканы, которые признавали за французским народом лишь право терпеливо и униженно ждать, имеют теперь наглость упрекать Французскую коммунистическую партию в том, что в июле 1940 г. она не призывала массы к вооруженной борьбе. Совершенно очевидно, что в тот момент во Франции не существовало необходимых условий для такой борьбы. Это было время, когда царило уныние, растерянность и были широко распространены иллюзии, насаждаемые Виши и оккупантами. Ни по уровню своей сознательности, ни по уровню организованности народные массы не могли тогда понять и осуществить лозунги открытой борьбы против оккупантов. Надо было подготовить массы к такой борьбе. Этим и занялась коммунистическая партия. В некоторых местах уже приступают к сбору оружия и создаются вооруженные группы — зародыши будущих организаций, которые стали заметно разрастаться осенью 1940 г. Наряду с этим коммунисты стараются воздействовать на моральное состояние немецкой армии. «Юманите» не упускает случая, чтобы напомнить марксистские принципы пролетарского интернационализма и национальной независимости.

«Трудящиеся всех наций должны объединяться против своих эксплуататоров. Наилучший способ достичь такого объединения — это предоставить каждому народу право распоряжаться своей судьбой»[4].

---

[1] «L'Humanité» № 75, 10. IX. 1940.
[2] «L'Humanité», 30. IX. 1940. Специальный номер.
[3] «La Vie du Parti», octobre 1940.
[4] «L'Humanité» № 66, 2. VIII. 1940.

Газета предлагала организовывать дискуссии с немцами и напоминать им, что «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы», что гитлеровский гнет во Франции усиливает их собственную зависимость. Предложения о дискуссиях, правда, очень быстро сошли со страниц «Юманите»[1], потому что в тревожной обстановке того времени они могли содействовать распространению иллюзий, создаваемых оккупантами[2]. Но коммунистическая партия продолжала с помощью немецких антифашистов вести в рядах оккупационной армии пропаганду, которую гестапо квалифицировало как «деморализующую»[3]. Таким образом, идеологическая борьба всегда дополняет борьбу вооруженную.

В начале оккупации борьба против правительства Виши была неотделима от борьбы против оккупантов; больше того, она была ее первым условием. Во время «странной войны» французская реакция позволяла Гитлеру одерживать победы и выиграть войну, не ведя военных действий; поэтому в своей антигитлеровской борьбе коммунистическая партия направляла огонь против французской реакции. После перемирия правительство Виши позволило Гитлеру как можно быстрее и легче поработить Францию; поэтому в своей антигитлеровской борьбе коммунистическая партия направляла огонь против этого правительства. Многие организации, участвовавшие в движении Сопротивления, недооценивали борьбу против вишистского режима или совсем не вели ее

---

[1] Их можно найти только в номерах «Юманите» от 4, 13 и 27 июля 1940 г.

[2] Речь идет о лживых инсинуациях по поводу так называемых «призывов к братанию», которые встречаются еще и сейчас в антикоммунистической литературе. Отметим также, что оккупанты издавали фальшивые номера «Юманите», где искажали лозунги партии.

[3] Доклад, составленный гестапо в январе 1941 г., опубликован в журнале «Recherches internationales» № 9—10. В неопубликованном докладе от 7 февраля 1941 г. немецкая полиция доносила, что коммунисты «распространяют в немецких войсках подрывные тексты на немецком языке. Одна из листовок, озаглавленная «Мы хотим вернуться домой», попала к нам в руки».

(по крайней мере до 1942 г.). Это объясняется тем, что они не понимали подлинного характера второй мировой войны и подлинных причин поражения Франции, а также потому, что рассматривали движение Сопротивления как националистическое движение, которое должно было под руководством Англии продолжать войну против немцев. Однако проявлять нерешительность в отношении правительства Виши, высказывать сомнения, которые приносят ему пользу, верить в возможность «двойной игры» означало фактически помогать гитлеровской Германии. Коллаборационист Дорио писал впоследствии: «Дискредитировать действия маршала сейчас так же преступно, как помогать предателю де Голлю» [1].

* *
*

Массы могут приобрести опыт только в борьбе. Только борьба может укрепить их веру в победу, только она может помочь им понять, что представляет собой враг, которого надо уничтожить, и к каким целям надо стремиться. Только в борьбе создаются крепкие организации. Поэтому задача партии после перемирия — найти такие ее формы, которые отвечают условиям данного времени. Для того чтобы вновь объединить массы и направить их первые действия, следовало организовать борьбу в защиту условий их жизни.

В этот период партия выдвигает две формы массовых организаций: профсоюзы и народные комитеты.

Профсоюзы еще существуют, в том числе и ВКТ, которая будет распущена только в ноябре 1940 г. Но рабочие не хотят платить взносы в профсоюз, руководимый реформистами, официальной доктриной которых является сотрудничество классов. Действительно, правительство Виши пользуется услугами наиболее реакционных реформистских руководителей (Белена, Фруадеваля, Дюмулена). Тем не менее

---

[1] «Le Cri du peuple», 14. I. 1941.

даже эти реакционные профсоюзы предоставляли возможности для легальной борьбы рабочих и должны были максимально использоваться трудящимися.

«Вы думаете,— писал Бенуа Фрашон, обращаясь к металлургам Парижского района,— что, вступая в профсоюзы, вы тем самым поддерживаете их (реакционных профсоюзных руководителей). Наоборот, узурпаторы больше всего боятся вашего массового вступления в профсоюз и хотят только одного: чтобы вы как можно дольше оставались неорганизованными».

Требовалось обеспечить массовое вступление в профсоюзы, чтобы нанести удар политике правящих классов, направленной на разобщение пролетариата. Это нужно было для того, чтобы организовать снизу выступление рабочих против предателей, захвативших руководство профсоюзами. Если эти предатели проводили политику правительства, то члены низовых организаций выполняли указания подпольной ВКТ, которые публиковались в газете «Ви увриер», выбирали боевых руководителей, часто коммунистов.

Восстановленные таким образом отделения профсоюзов очень быстро доказали, как велика сила организованного рабочего класса. Они вели кампанию за пуск закрытых заводов, «за работу на мирные нужды и против всякой работы, идущей на пользу немецкой военной машины»[1]. Отметим, кстати, как хорошо этот лозунг отражал патриотический дух указаний, которые давались рабочему классу. Проводились забастовки, чтобы добиться повышения и своевременной выдачи заработной платы (главным образом в шахтерских районах Севера страны и на крупных предприятиях Парижского района). «Юманите» и «Ви увриер» часто приводили примеры выступлений рабочих и одержанных ими успехов.

Однако, чтобы добиться осуществления «единства всего французского народа», за что боролась партия, надо было найти более широкую форму организации масс. Такой формой станут «народные комитеты».

[1] «La Vie ouvrière», 1. VIII. 1940.

только в одном Парижском районе арестован 871 коммунист. Сотрудничество французских и немецких властей в проведении репрессий наилучшим образом подчеркивает патриотический характер антифашистской борьбы коммунистической партии, а также тесную связь, существовавшую между правительством Виши и оккупантами. Напоминая, что во время «странной войны» коммунистов называли «гитлеровскими агентами», «Юманите» писала в статье, озаглавленной «Единственная независимая партия»:

«Но теперь мы видим, что эти господа (которые клеветали на партию) пользуются милостью властей, в то время как на коммунистов обрушивают репрессии. Во Франции, где столица Париж, так же как и во Франции, где столицей считается Виши, арестовывают коммунистов и запрещают коммунистическую печать» [1].

В приказах, издаваемых префектурами для организации охоты на коммунистов, делались ссылки на вишистские законы и требования оккупантов. Так, 24 октября 1940 г. префект департамента Сены издал следующий приказ [2]:

«В силу закона от 3 сентября 1940 г., учитывая, что распространение подпольных листовок запрещено оккупационными властями и французскими законами,

учитывая, что распространение листовок коммунистического характера может иметь место только при участии членов партии, как подтверждают многочисленные обыски на квартирах,

префектура постановляет:

В случае, если на территории какой-нибудь коммуны департамента Сены будут обнаружены подпольные листовки, за этим немедленно последует интернирование одного или нескольких известных коммунистов без судебного разбирательства».

Враги французского народа хорошо понимали, на какую борьбу звала французский народ коммунистическая партия.

---

[1] «L'Humanité» № 68, 6. VIII. 1940.
[2] «L'Œuvre», 25. X. 1940.

* *
*

Так сразу же после заключения перемирия в чрезвычайно трудных условиях Французская коммунистическая партия, находившаяся в подполье, создавала базу для движения Сопротивления. Она немедленно реагировала на каждое мероприятие вишистского правительства и оккупантов, мешая им поработить Францию. Она собирала силы для расширения борьбы в дальнейшем. Призывая французский народ к освободительной и антифашистской борьбе, партия тем самым содействовала изменению характера второй мировой войны и превращению ее в народную войну за национальное освобождение.

7. Расширение движения Сопротивления во Франции

Осень 1940 — июнь 1941 г.

К осени 1940 г. уже существовали условия для широкого развертывания борьбы за свободу и независимость Франции. Разъяснительная работа Французской коммунистической партии, первые базы организации и действия, созданные сразу же после перемирия, принесли свои плоды. К тому же в свете фактов начинали рассеиваться некоторые иллюзии и заблуждения.

Развитие международной обстановки не оправдало надежды тех, кто рассчитывал на скорый мир и соответственно на быстрое окончание оккупации Франции. В конце сентября 1940 г. подписан итало-германо-японский пакт о «новом порядке», который расширял антикоминтерновский пакт и, по существу, завершал раздел мира между тремя фашистскими империалистическими державами. Это говорит о том, писала «Юманите», что «империалистическая война будет расширяться и охватит новые районы земного шара»[1]. И действительно, уже в октябре гитлеровская Германия оккупировала Румынию, а Италия напала на Грецию. В марте 1941 г. гитлеровские войска вступили в Болгарию, а в апреле, стремясь помочь войскам Муссолини, которые никак не могли расправиться с движением Сопротивления греческого народа, оккупировали Югославию. Со своей стороны Япония расширяет военные действия в Китае и при

[1] «L'Humanité», novembre 1940 (специальный номер). Статья Мориса Тореза «Их политика»; см. *M. Thorez*, Œuvres, livre V, t. XIX, p. 75.

благословении вишистских властей прибирает к рукам французский Индокитай.

Итак, гитлеровская Германия одерживала победы, но в то же время наталкивалась на все возрастающие трудности. Англия, получая все большую помощь Соединенных Штатов, продолжала вести войну. Английский народ героически переносит варварские бомбардировки немецкой авиации. Возглавив правительство в мае 1940 г., Черчилль собирается активно защищать интересы английского империализма, которым все более и более угрожали его империалистические соперники: в Африке англичане заставили отступить войска Муссолини, а немецкий экспедиционный корпус во главе с Роммелем должен был спешно направиться в Ливию, чтобы восстановить там положение. Но самое главное — каждое агрессивное наступление Гитлера наталкивалось на растущее сопротивление народов, не желавших быть рабами фашизма. На Балканах, где народы в течение веков боролись за независимость, против турецкого и австрийского ига, сопротивление фашистам очень быстро приняло масштабы массовой вооруженной борьбы. В Греции, Албании и особенно в Югославии развертывалась партизанская война, инициаторами и главными руководителями которой всюду выступали коммунисты.

В это время СССР активизировал свою политику антигитлеровской обороны. «Правда» писала 28 сентября, что тройственный пакт между фашистскими государствами ведет к расширению войны. Напоминая, что Советский Союз проводит политику мира, газета добавляла: «В той мере, в какой это от него зависит». Многие французы, которые столь длительное время заблуждались, теперь убеждаются в том, что германо-советский пакт никогда не был договором о союзе. Поездка Народного комиссара иностранных дел СССР в Берлин, вокруг которой подняла такой шум коллаборационистская печать, на самом деле являлась, по словам Чиано, «печальным провалом» гитлеровцев [1]. Тем не менее Гитлер предложил СССР

[1] *Ciano*, Archives, p. 415.

кусок империалистического пирога: Дарданеллы и Черное море. Но в том-то и дело, что Советский Союз — не империалистическая держава. Он не только отказался от этого разбойничьего предложения, сделанного за спиной Турции, но решает возобновить и расширить русско-турецкий пакт о ненападении, заключенный в 1925 г. 23 марта 1941 г. публикуется декларация двух стран, где говорится, что если одно из двух правительств станет «объектом агрессии и вынуждено будет вести войну для защиты своей национальной территории», то оно сможет рассчитывать на «полное понимание и нейтралитет другого правительства». А за несколько дней до этого Гитлер потребовал, чтобы Анкара де-факто денонсировала англо-турецкий пакт. Советский Союз немедленно разоблачает все агрессивные действия фашистских государств. 13 января 1941 г. ТАСС сообщило, что если действительно имеет место переброска немецких войск в Болгарию, то это происходит без ведома и согласия СССР. 3 марта 1941 г., на следующий день после вступления гитлеровских войск в Болгарию, Советское правительство заявило официальный протест Берлину. Как только в Югославии было свергнуто прогитлеровское правительство и создано национальное правительство (5 апреля), СССР установил дружеские и тесные взаимоотношения с Югославией. Все это убедительно говорит об активной роли Советского Союза в борьбе против агрессоров. СССР напоминал, что проводимая им политика нейтралитета не является политикой постороннего наблюдателя, что она служит делу мира и независимости народов и ничему другому. В обращении Центрального Комитета Французской коммунистической партии от 1 мая 1941 г. говорилось:

«СССР всегда был на стороне народов, защищающих свою независимость. На активную поддержку великой страны Советов могут рассчитывать все, кто борется за сохранение или завоевание свободы, кто борется за то, чтобы выгнать со своей земли угнетателей» [1].

[1] Листовка «Боевое 1 Мая» (1 мая 1941 г.).

Эта международная обстановка оказывает непосредственное влияние на условия борьбы во Франции. Французский народ начинает чувствовать, что он не одинок: он видит, как растет число и мощь врагов фашизма. Коммунисты непрерывно разъясняют позицию Советского Союза; она становится все более понятной французскому народу, и клевета, нагроможденная после сентября 1939 г., начинает рассеиваться. Вторая мировая война все более отчетливо принимала характер народной войны против национального и политического гнета, который хотел установить фашизм под видом «нового порядка». Как напоминал Центральный Комитет, китайский, югославский и греческий народы уже ведут «справедливую оборонительную войну против агрессоров»[1]. Войной руководят уже не только империалистические политики: все более решающую и руководящую роль начинают играть в ней народы. В некоторых странах, например в Англии, с одной стороны, народ, защищающий свою страну и свободу, а с другой — правительство, стремящееся оградить интересы британского империализма, уже объединены единым стремлением разгромить гитлеровскую Германию. Точно так же и широкие массы французского народа, которым коммунистическая партия разъясняла все эти изменения обстановки, развернут активные действия и добьются превращения войны против нацистской Германии в антифашистскую и освободительную войну.

Оккупация

С другой стороны, гитлеровцы, которые сталкиваются со все более активными военными действиями в Европе, вынуждены еще туже затянуть петлю оккупации. Нацистский гнет во Франции усиливается. Иллюзии о «благодушии» немцев очень быстро рассеиваются, особенно в оккупированной зоне.

---

[1] Листовка «Боевое 1 Мая» (1 мая 1941 г.).

Гитлеровцы расчленяют Францию. Демаркационная линия уже уничтожила территориальную целостность; кроме того, прямо или косвенно от страны отторгаются северные и восточные департаменты. В июле 1940 г. началась массовая высылка эльзасцев, в ноябре она достигает кульминационной точки и распространяется на Лотарингию. Чтобы освободить место «немецким поселенцам», было выселено более 200 тысяч французов. В конце ноября 1940 г. оккупационные власти официально объявляют, что Эльзас и департамент Мозель включены в рейх (Эльзас — как часть Баденского государства, а Мозель и Саар — в качестве «немецкой марки на Западе»). Франция не заявляет никакого официального протеста. Только коммунистическая партия, находящаяся в подполье, пригвоздила к позорному столбу виновников расчленения территории страны:

«Французская коммунистическая партия, на протяжении многих лет боровшаяся за право эльзасского народа распоряжаться своей судьбой, заявляет категорический протест против этого акта произвола, совершенного до подписания мирного договора, без честной консультации с эльзасским народом и без соответствующего контроля. Французская коммунистическая партия призывает всех французов, достойных этого имени, клеймить позором правительство нищеты, рабства и национальной измены, которое без единого слова протеста позволило аннексировать Эльзас и попирает свободу французов, получая в обмен защиту иностранных штыков, без чего оно было бы немедленно сметено народом» [1].

Одновременно «запрещенная зона» (департаменты Нор и Па-де-Калэ) изымается из ведения французской администрации и передается под начало общего административного управления, установленного для Бельгии и Голландии. В большинстве северных департаментов организация «Остланд», созданная немцами в 1939 г. для «колонизации» Польши, начинает захватывать земли.

[1] «L'Humanité», XII. 1940, специальный номер, посвященный 20 годовщине Французской коммунистической партии.

«Не говоря уже о захвате колоний под предлогом новой организации Африки, подготовляют расчленение нашей страны. Мы выступаем против таких планов, потому что являемся борцами за целостность нашей национальной территории, за свободу и независимость нашей родины, а также за право колониальных народов распоряжаться своей судьбой»[1].

Более того, Франция подвергается систематическому ограблению, ее экономика поставлена на службу Германии. Согласно данным д-ра Рейтера, фюрера немецкой экономики, только в январе 1941 г. во Франции изъято промышленных и продовольственных товаров на 25 миллиардов франков[2]. С помощью спекулянтов-французов создается «черный рынок», причем спекулянты имеют соучастников среди представителей оккупационных властей. На немецких военных машинах, не подвергающихся никакому контролю, доставляется говядина, телятина, свинина, птица и т. д.[3] Оккупантам легко поддерживать высокие цены на те продукты, которые они не покупают, так как они распоряжаются французскими финансами. Расходы по оккупации, оплачиваемые Францией,— 400 миллионов франков в день — сосредоточивают в их руках колоссальные средства. Кроме того, они контролируют через своих комиссаров Французский банк, обменные пункты и т. д. В результате очень скоро начинает ощущаться нехватка предметов первой необходимости. Известно, что в среднем человеку необходимо 2400 калорий в день, однако в ноябре 1940 г. официальная норма питания устанавливается в 1307 калорий, а в июне 1941 г.— в 1134 калории. Зима 1940/41 г. была на редкость холодной, а топлива почти не было. Официальные объяснения оккупационных и вишистских властей, что во всем виновата «английская блокада», никого не могли обмануть. «Юманите» непрерывно разоблачала ограбление Франции немцами; и гестапо констати-

---

[1] «La Vie du Parti» № 2, octobre 1940.
[2] «Cahiers du bolchévisme», 1-er trimestre 1941.
[3] «L'Humanité» № 97, 13. I. 1941.

ровало, что «устная пропаганда коммунистов направлена на то, чтобы вызвать среди населения недоверие по отношению к мероприятиям немецких властей» [1].

5 мая 1941 г. глава французского представительства при немецкой комиссии по перемирию — генерал Дуайен посылает своему правительству в Виши доклад, где приходит к очень мрачным выводам:

«Немцы всех чинов рассматривают Францию как склад, который необходимо опустошить, а огромное большинство французов — как побежденных, обязанных платить подати. Поэтому, естественно, последние ненавидят своих поработителей и вынашивают мысль о реванше».

И далее: «При таком положении вещей будет трудно установить сотрудничество» [2].

В это же время экономический отдел германского генерального штаба начал «реорганизацию» французской промышленности. Оккупанты имели право наблюдать за работой «комитета по распределению», что позволяло им оказывать влияние на французскую промышленность путем регулирования поставок сырья и электроэнергии. Те отрасли, которые представляли опасность конкуренции, должны были быть свернуты. Например, с сентября очень сильно был ограничен ассортимент производства текстильных товаров [3]. «Освободившихся» таким образом рабочих призывали отправиться в Германию. В начале 1941 г. организуются пункты по вербовке рабочей силы, руководимые коллаборационистами. Что же касается тех отраслей, в которых была заинтересована Германия, то они должны были работать на полную мощность под контролем оккупантов. Немецкие концерны Флика, Клекнера, Рохлинга, Германа Геринга накладывают свою лапу на крупные предприятия на северо-востоке страны (главный район Франции по производству

---

[1] Доклад о коммунистическом движении во Франции за период с 24 по 31 января 1941 г. опубликован в «Recherches internationales» № 9—10, p. 87.

[2] «Délégation française auprès de la Commission allemande d'armistice», t. IV.

[3] «L'Humanité» № 75, 10. IX. 1940.

стали). Но, чтобы французские предприниматели не беспокоились, с ними обсуждают отчеты о деятельности предприятий... Шахты должны давать больше угля. В них устанавливается 54-часовая рабочая неделя и скоро оккупационные власти потребуют сверх этого работать еще полчаса в день. Все заводы по производству вооружения выполняют немецкие заказы. Немецкие тресты принимают участие в деятельности французских компаний. На все это, как мы увидим ниже, охотно соглашались руководители французской экономики. Так начиналось «разрушение народного хозяйства Франции в угоду немецкому империализму» [1].

Чтобы убедить французов в необходимости смириться со своим вассальным положением, гитлеровцы снова принимаются за старую тему о единой Европе. Они говорят, что «собираются построить такую Европу, где общность экономики ликвидирует возможность создания угрозы новой войны, где люди смогут есть досыта,— Европу, освобожденную от засилья капитализма, который должен быть полностью подчинен великим законам всеобщих интересов» [2]. 28 ноября 1940 г. в здании палаты депутатов один из главных «мыслителей» гитлеровского рейха — Розенберг выступает перед ответственными нацистскими чиновниками во Франции и превозносит немецкую победу как победу честности над коррупцией, «крови над золотом», «неимущих народов над плутократиями».

Коммунистическая партия беспощадно разоблачала эту демагогию. «Оккупация Франции Германией достаточно ясно свидетельствует о том, что «новый порядок в Европе» означает для Франции возмутительное порабощение» [3]. Жорж Политцер, отвечая Розенбергу в брошюре «Кровь и золото», показал, что гитлеровская Германия является ударным отрядом самых черных сил мировой реакции. Незадолго

---

[1] «Cahiers du bolchévisme, 2ᵉ—3ᵉ trimester 1941.

[2] «L'Œuvre», 1. I. 1941.

[3] «L'Humanité», 18. III. 1941 (специальный номер). Статья Мориса Тореза (см. *M. Thorez*, Œuvres, livre V, t. XIX, p. 85).

до своего ареста в апреле 1941 г. Габриэль Пери писал о лживом лозунге единой Европы следующее:

«С одной стороны, Германия, т. е. немецкая капиталистическая олигархия, а с другой — вассалы. Вот что будет представлять собой Европа после победы нацизма. Она будет похожа на громадную каторжную тюрьму, где немецким трудящимся придется исполнять роль надсмотрщиков. Истинные социалисты должны с возмущением отвергнуть такое решение. Французские патриоты не могут согласиться с подобным закабалением своей страны» [1].

Далее Габриэль Пери напоминал марксистскую точку зрения по национальному вопросу:

«Экономическое слияние возможно только на основе взаимного доверия и добровольного согласия... Созданию добровольного союза народов должно предшествовать завоевание ими своей независимости».

Сколько бы газеты как в оккупированной, так и в «свободной» зоне ни воспевали «новую Европу», очень мало французов попадалось на эту удочку.

Оккупантам приходилось все чаще прибегать к репрессиям. Несмотря на рвение французских властей, подчинение страны с их помощью становилось все более трудным делом. Немецкие власти вмешивались уже непосредственно и все более открыто. Они заставляли население платить штраф за порчу германского имущества, за антинемецкие надписи на стенах и т. д.; издали приказ о запрещении распространения подпольных листовок; грозили закрыть все парижские кино, потому что во время показа хроники публика вела себя так, что «это следует рассматривать как провокацию по отношению к оккупационным войскам» [2]. Они непосредственно подавляли массовые выступления. 11 ноября 1940 г. немецкие солдаты во главе с эсэсовцами расстреляли демонстрацию парижских студентов на Елисейских полях. В мае 1941 г., во время мощной забастовки горняков на

---

[1] *Gabriel Péri*, Non, le nazisme n'est pas le socialisme, p. 101 et 102.

[2] Объявление немецких властей, воспроизведенное в газете «L'Œuvre» 12. X. 1940.

севере страны, именно немецкая комендатура арестовала рабочие делегации, а полевая немецкая жандармерия и оккупационные войска стреляли в женщин и наводили дула пулеметов на шахтерские поселки.

Конечно, особым репрессиям подвергали коммунистов. Всеми операциями руководили немецкая охранка и СД [1]. Их отделения во Франции посылали в Берлин еженедельные доклады о деятельности Французской коммунистической партии [2]. Устанавливалось тесное сотрудничество с французской полицией, о чем как будто была достигнута договоренность в начале октября 1940 г., во время поездки Лаваля и Белена в Париж. Вслед за этой поездкой последовала волна арестов коммунистических руководителей: арестованы Гренье, Мишель, Пульмарш, Гране, Сема, Леон Мове, Делон и др. Из докладов немецкой полиции видно, что немцы обращали «внимание» французских властей на опасность деятельности коммунистов; французской полиции в Орлеане предлагалось «немедленно принять меры, направленные на пресечение коммунистической пропаганды» и, наоборот, французским властям в Париже (префект полиции Ланжерон) вынесли благодарность за «энергичные действия». Эти доклады касаются не только оккупированной, но и «свободной» зоны, и сообщаемые в них данные об арестах относятся ко всей Франции.

Так последствия гитлеровской оккупации все отчетливее вырисовывались для широких масс, и французский народ начинал понимать, что «немецкий империализм установил во Франции значительно более тяжелый режим угнетения, чем режим, установленный Версальским договором» [3].

---

[1] Служба безопасности СС, во главе которой стоял Гейдрих, начальник гестапо.

[2] Институт марксизма-ленинизма Германской Демократической Республики начал собирать эти документы. Четыре из них были опубликованы в № 9—10 журнала «Recherches internationales».

[3] Обращение от 15 мая 1941 г., призывающее создать Национальный фронт.

Вишистский режим

Все более раскрывались подлинный характер правительства Виши и тесные связи иностранного фашизма с петэновской диктатурой. Для многих французов Виши становился синонимом «нищеты, рабства и измены» [1].

На командных постах наряду с авантюристами, прямыми агентами оккупантов, такими, как Лаваль [2], Деа (теоретик «национальной революции»), Бринон, появились представители крупного капитала, фашисты, генералы-капитулянты. Вейган — о ирония судьбы! — получил пост министра национальной обороны; когда он станет проконсулом в Северной Африке, его пост займет Хюнцигер, потерпевший поражение под Седаном; генерал Брекар, известный кагуляр, руководит военным кабинетом правительства Петэна; адмирал Дарлан, тоже кагуляр и ставленник банка Вормса, занял с 25 февраля 1941 г. посты заместителя председателя Совета министров, министра внутренних дел, министра иностранных дел, министра морского флота и временно числился преемником Петэна. Фашист Алибер, связанный с группой Мерсье и прошлое которого хорошо известно, играл видную роль, являясь советником Петэна наряду с другим кагуляром, д-ром Менетрелем. Шарль Ру (Парижско-Нидерландский банк), Бодуэн (Индокитайский банк и банк Вормса), Пюшё (ярый сторонник Дорио и администратор треста ЖАПИ, контролируемого банком Вормса), Миро (видный деятель Комите де Форж), Бертело (директор Национального общества железных дорог), Казьо (банк Земельный кредит), Бутилье (Компани женераль трансатлантик) —

[1] «L'Humanité № 85, 25. X. 1940. Лозунг Виши: «Труд, семья, родина» — пародируется как «измена, голод, тюрьма» (по-французски начальные буквы этих слов совпадают. — *Прим. перев.*).

[2] Вице-председатель Совета министров до 13 декабря 1940 г. Он вновь вернется к власти в Виши 18 апреля 1942 г. Тем временем он руководил «французской» прессой в Париже. См. о нем статью Мориса Тореза «Пьер Лаваль, гаулейтер Гитлера во Франции» (*M. Thorez*, Œuvres, livre V, t. XIX, p. 117).

все эти люди сменяли друг друга в министерствах. Таким образом, среди руководителей вишистского режима преобладали самые реакционные элементы (особенно в чести кагуляры) и непосредственные представители крупного капитала.

Характерно, что самые ответственные посты были поручены высшим чиновникам, находившимся под полным контролем крупной буржуазии. Министром финансов являлся Ив Бутилье, пост министра иностранных дел занимал Бодуэн; Дюмулен де ла Бартед являлся начальником гражданского кабинета Петэна, Бреар де Буазанже — управляющим французским банком. Среди крупнейших финансово-монополистических группировок наиболее широко был представлен, очевидно, банк Вормса. Этот банк, занимавшийся сначала делами судоходства, развил затем многостороннюю финансовую деятельность, вступая в тесную связь с самыми различными группами крупного капитала. Он играл решающую роль во всех фашистских движениях; многие из его членов принадлежали к «Боевым крестам» и были замешаны в деле кагуляров. Банк Вормса являлся, по существу, ударной силой капиталистической олигархии, силой, направленной на защиту самой реакционной политики финансового капитала.

При наличии этих людей в правительстве нечего удивляться торжеству классовой политики крупной буржуазии. Очень скоро стало очевидным следующее. Прежде всего крупный капитал установил контроль над всем народным хозяйством. По примеру «профессиональных групп», созданных Гитлером для «согласования интересов экономики и государства», Виши создал «организационные комитеты» (16 августа 1940 г. Это один из его первых декретов). Под предлогом рационализации производства и необходимости приспособить народное хозяйство к новым условиям эти комитеты были наделены широкими полномочиями для проведения реорганизации, «отбора» и т. д., т. е. фактически могли стереть с лица земли то или иное неугодное им предприятие и даже целые отрасли промышленности. Кто руководил этими

комитетами? По мере того как они создавались, «Юманите» публиковала их состав[1]. Ими руководили представители финансовой олигархии. В комитете химической промышленности царствовал Кюльман (через Панвена); в комитете по металлургии — Шнейдер (через Леферка); в комитете по электротехнической промышленности — Мерсье; в комитете по автомобильной промышленности — Рено, Пежо, Мишлен. Общее руководство этими комитетами принадлежало Лейдо — управляющему 9 крупными акционерными обществами, племяннику Луи Рено, заводами которого он руководил. Итак, «организационные комитеты, т. е. тресты, руководили соответствующими отраслями промышленности; они разрабатывали планы производства, приобретали и распределяли сырье, устанавливали цены, контролировали деятельность предприятий, предлагали различные санкции и т. д. Крупный капитал проводил в жизнь свой старый замысел: принудительную картелизацию»[2].

То же самое наблюдалось и в области торговли, где было создано национальное бюро по распределению, которое главным образом обслуживало крупные фирмы (Потен, Дамуа, Гран Магазен и т. д.). Не избежало этого и сельское хозяйство. Крестьяне были обязаны по твердо установленным ценам продавать свои продукты государственным организациям, где распоряжались помещики и тресты пищевой промышленности. К тому же министром сельского хозяйства являлся Казьо, представитель банка Земельный кредит, а министром снабжения — Ашар, представитель крупных молочных и сахарных фирм. В заключение своего исследования об экономической структуре режима Виши Морис Торез писал: «Никогда еще «личная уния» между трестами и государством не афишировалась с таким цинизмом»[3].

---

[1] «L'Humanité» № 92, 7. XII. 1940; № 93, 12. XII. 1940; специальный номер от декабря 1940 г., статья «Франция, отданная на откуп трестам».

[2] «Cahiers du bolchévisme», I trimestre 1941, p. 41.

[3] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 500.

Для процветания этой диктатуры монополий было необходимо лишить народные массы возможности оказывать сопротивление. Поэтому петэновское государство все больше превращалось в авторитарное[1]. Все выборные органы упразднялись. Обе палаты парламента были распущены на неопределенный срок. Вместо них был создан Национальный совет, временный и консультативный орган, где свирепствовали «нотабли». Местные собрания попали под контроль правительства. Генеральные, окружные и муниципальные советы могли быть распущены простым указом министра внутренних дел. По закону от 12 декабря 1940 г. в населенных пунктах члены муниципалитета назначались префектом (если число жителей менее 10 тысяч) и министром внутренних дел. Были запрещены все организации трудящихся. Мы уже знаем, каким репрессиям подвергалась коммунистическая партия[2]. Профсоюзы тоже подлежали ликвидации.

Хотя реформисты и выхолостили боевой дух Всеобщей конфедерации труда, она все еще казалась опасной. Ведь ее местные отделения выполняли указания подпольного руководства! Вожди типа Болена и Дюмулена настолько открыто становились коллаборационистами, что даже некоторые реформисты, в частности Жуо и Лакост, считали нужным несколько отстраниться от них. В ноябре 1940 г. Всеобщая конфедерация труда, так же как и Всеобщая конфедерация христианских трудящихся, была распущена.

Во всей этой перестройке Виши все чаще прибегало к открытым фашистским методам. Предпринимались попытки создать одну-единственную партию, которая по примеру национал-социалистской партии должна была организовать массовое движение в поддержку политики, которую окрестили «национальной революцией». Но личное соперничество и некоторые политические противоречия между Парижем и Виши затрудняли появление на свет такой «тоталитарной»

---

[1] Слово «республика» было запрещено, и портреты Петэна заменили бюсты Марианны в официальных учреждениях.

[2] Репрессии не распространялись на другие партии, потому что все они самораспустились в июне 1940 г.

партии. «Комитет по организации движения в пользу национальной революции», в состав которого вошли Тиксье-Виньянкур и Марион, сталкивался с честолюбием группы Деа в Париже. В конце концов в январе 1941 г. в Париже было основано Народно-национальное движение (ННД) под сенью Лаваля и покровительством Марселя Деа. Хотя оно объединило несколько «знаменитых личностей», таких, как Жан Гуа, который в 1934 г. вовлек организацию бывших фронтовиков в фашистский мятеж, кагуляр Делонкль, авантюрист Люшер, это движение не сумело включить все соперничающие между собой группы. Сторонники Дорио и Франси продолжали держаться в стороне. В южной зоне роль такой единственной партии старался играть «легион борцов», использовавший бывших фронтовиков и объединенный лозунгом «преданности маршалу». Но ни одной из этих организаций не удалось стать массовой. Их деятельность сводилась в основном к распространению через органы информации, целиком находившиеся в их руках, демагогической политики Виши и оккупантов. Как всякие фашистские движения, они создавали ударные отряды и все активнее участвовали в репрессивных мероприятиях. Так, Пюшё создал в «легионе борцов» специальную службу порядка (СОЛ), возглавляемую Дарнаном, которая в 1943 г. превратится в широко известную своими зверствами милицию. Служба порядка легиона, банды Дорио, Бюкара, кагуляров — все эти наемники вместе с гестапо, вишистской полицией и ГП[1] занимались провокациями и убийствами, подобно гитлеровским эсэсовцам.

Новый режим особое внимание уделял вербовке молодежи. Молодых людей в возрасте 20—22-х лет заставляли работать под руководством бывших офицеров на специальных стройках, а в возрасте 17—20 лет — в сельскохозяйственных центрах, находившихся под управлением вишистских муниципалитетов,

[1] ГП (групп де протексьон) — группы защиты, созданные министром национальной обороны Хюнцигером, состояли из офицеров и унтер-офицеров, в большинстве бывших кагуляров, и играли роль вспомогательной полиции Виши.

или в молодежных мастерских, приучая молодежь к безропотному послушанию и к культу маршала Петэна. Все эти мастерские и стройки, особенно сельскохозяйственные центры, являлись, по существу, трудовыми лагерями, где не обучали какой-либо профессии, а заставляли выполнять тяжелую работу за ничтожную плату и в очень трудных условиях. Поэтому одна из основных задач, которую ставил перед собой Коммунистический союз молодежи, заключалась в том, чтобы разоблачить эти мероприятия, направленные на порабощение и отупление молодежи.

Однако крупная буржуазия хорошо знала, что в стремлении расправиться с народными массами нельзя рассчитывать только на насильственные методы и диктаторские институты. Поэтому насилие, которое должно было разоружить массы физически, переплетали с демагогией, призванной разоружить массы идеологически и замаскировать подлинный характер ее политики.

Одновременно применялись фашистские теории и идеологические традиции французской реакции, напоминая обстановку «нравственного порядка» Мак-Магона. В этом смысле была характерна роль, отведенная католической церкви. Так же, как в эпоху реставрации и после поражения июньского восстания 1848 г., как при Наполеоне III и Мак-Магоне, открыто провозглашался «союз престола и алтаря». Католическая иерархия покровительствовала правительству, которое возрождало «традиционные добродетели», и в свою очередь высокопоставленные деятели французского государства подчеркнуто присутствовали на религиозных церемониях. Девиз Виши «труд, семья, родина» отвечал требованиям католической «морали». Само собой разумеется, что церковь взяла в свои руки воспитание молодежи. Основные законы о светской школе, изданные во время третьей республики, отменялись. Вице-председатель Национальной католической федерации Лакур-Гранмезон объяснял:

«Для того чтобы внушить ребенку любовь к родине, к семье, к труду, к свободе и готовность к самопожертвованию, нужно, чтобы сам учитель был

проникнут этими чувствами... Для этого надо покончить с абсурдным и ложным нейтралитетом, на основе которого строилось вчера народное образование»[1].

В то время как закрывались педагогические институты и прекращалось пополнение состава учителей начальных школ, католические конгрегации открывали свои школы, получавшие государственные субсидии по закону от 2 ноября 1941 г. Школьные программы изменялись по воле министра, поскольку консультативные советы по народному образованию были упразднены. В декабре 1940 г. были введены уроки закона божьего. Католические молодежные организации (Организация рабочей молодежи, Организация сельскохозяйственной молодежи и Организация студенческой молодежи) получили официальное признание. Министр по делам молодежи Ибарнегарэ, один из руководителей «Боевых крестов», обратился к представителям церкви, приглашая их идти в учителя, в частности в молодежные лагеря. Правящие классы следовали, таким образом, примеру Тьера — раскаявшегося вольтерьянца, который после подавления восстания рабочих в июне 1848 г. советовал церкви «распространять добрую философию о том, что человек находится на земле для того, чтобы страдать», предлагал заменять образование, насаждаемое «резонерствующими» и «анархиствующими» учителями, обскурантизмом[2]. Итак, церковь вновь призвали помочь «установленному порядку»[3].

Антисемитизм свирепствовал в Виши открыто. 18 октября 1940 г. было опубликовано «Положение о евреях», которое запрещало им работать в государственных органах, в системе народного образования,

---

[1] «Le Figaro», 4. VIII. 1940. В этой газете, где подвизались Ромье и Робине, лучше всего излагалась доктрина «нравственного порядка».

[2] См. *G. Cogniot*, La Question scolaire en 1848 et la loi Falloux, 1949.

[3] Нужно, однако, отметить, что все более широкие круги католиков вскоре разобрались в той игре, которую заставляли вести церковь. Они отмежевались от нее и осудили таких кардиналов, как кардинал Герлье, который заявлял: «Петэн — это Франция, а Франция — это Петэн».

в прессе, на радио, в театре, служить в армии и др. В марте 1941 г. был создан генеральный комиссариат по еврейским вопросам, во главе которого встал патентованный антисемит, «королевский молодчик» Ксавье Валла. Тотчас же началась конфискация имущества евреев и были созданы концентрационные лагеря.

Правительство Виши принимало также непосредственное участие в массовой высылке евреев, которую гитлеровцы начали проводить с 1942 г. Подготовка к отправке в лагеря смерти была закончена: подвергнувшиеся репрессиям евреи были сконцентрированы в определенных местах. Массовые облавы 1942 г. проводились на основании французского законодательства, которое толковало принадлежность к еврейской национальности еще шире, чем немецкое[1]. Антисемитизм Виши являлся возвратом «к самому мрачному средневековью»[2]. Однако крупная буржуазия извлекала из этого выгоду. В изъятии имущества и уничтожении конкурентов были заинтересованы «комитеты по организации экономики», которые инспирировали антисемитские мероприятия. Но самое главное, расизм играл роль отвлекающего маневра. В глазах народных масс, все более активно восстававших против диктатуры крупного капитала, евреев делали козлом отпущения. «Нацистские вожди... направляют антикапиталистические настроения масс в русло варварского антисемитизма. Евреев отождествляют с банкирами, с руководителями крупных универмагов, англосаксонскими кредиторами... Там, как и везде, антисемитизм является искусным приемом для того, чтобы направить народный гнев в сторону от борьбы против режима эксплуататоров»[3].

Коммунистическая партия немедленно и решительно осудила антисемитскую политику Виши, «на-

---

[1] *J. Billig*, La condition des Juifs en France, «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale» № 24.
[2] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 510.
[3] *Gabriel Péry*, Non, le nazisme n'est pas le socialisme, p. 29—30.

правленную на порабощение французов и на раскол Франции в этот час ее истории, когда все диктует ей необходимость объединиться»[1]. Но ни клерикализм, ни антисемитизм не могли служить приманкой для рабочего класса. Тогда правительство Виши развернуло социальную демагогию, где перемешивались теории национал-социализма и старые, хотя и обновляющиеся время от времени, басни о сотрудничестве капитала и труда. «Национальная революция» рядится в тогу антикапиталистического и даже социалистического движения.

«Народ Франции, тебя обманывают,— писал Габриель Пери.— Французские выученики немецкого нацизма являются агентами капиталистической реакции. Они клеймят плутократию, но только для того, чтобы спасти свои привилегии. Если бы они говорили с тобой на своем языке, если бы они предстали перед тобой в своем истинном обличье, то ты бы им не поверил. Поэтому они маскируются и в разговорах с тобой выбирают такие слова, которые ты сам часто употреблял, великие слова «социализм» и «революция», слова, которые выражают твои стремления и усилия добиться лучшей жизни и более справедливого строя»[2].

Начиная от «Фигаро», неустанно разглагольствовавшей о классовом сотрудничестве и печатавшей энциклики папы Льва XIII, до Марселя Деа, увлекавшегося социалистической демагогией, не говоря уже об официальных представителях Виши,— все превозносили возрождение Франции, преимущества нового режима для рабочего класса, а также «национального социализма», находящегося в процессе становления. Что касается «революционных» актов, то легко представить, чтó они собой представляли, если непосредственным и полным хозяином в государстве была финансовая олигархия.

---

[1] Листовка «Антисемитизм — оружие реакции», январь 1940.

[2] *Gabriel Péry*, Non, le nazisme n'est pas le socialisme, p. 13—14.

Конфедерация французских предпринимателей и «Комите де Форж» были демонстративно распущены одновременно с роспуском Всеобщей конфедерации труда, но все их члены встречались в организационных комитетах и за кулисами министерств. В марте 1941 г. был издан закон «об ограничении прибылей». Как отмечал Морис Торез, этот закон предписывал «ограничение лишь той части прибыли, которую капиталист либо тратит на свои индивидуальные нужды, либо помещает как капиталовложения в *другое* предприятие. По сути, закон стремится облегчить сокрытие размеров прибыли путем обратного вложения ее в то же предприятие» [1].

Своим главным достижением вишистский режим, вероятно, считал «хартию труда», которая устанавливала новые отношения между трудом и капиталом. Группа Белена так сформулировала ее основные принципы: единая профсоюзная организация при условии обязательного вступления в профсоюз; корпоративная палата, в рамках которой устанавливается гармония интересов предпринимателей и рабочих; участие рабочих в прибылях; надклассовый государственный арбитраж и т. д. Что касается Деа, то он тщился доказать, что в данном случае речь идет о подлинном социализме, который осуществлен в Германии организацией «Трудовой фронт», а в Италии — корпорациями Муссолини.

Именно ссылаясь на примеры этих двух фашистских государств, коммунистическая партия разъясняла, что на самом деле представляет собой социализм фашистского образца. Установление опеки над рабочими профсоюзами, отмена права добиваться улучшения условий жизни, неограниченная возможность для капиталистов эксплуатировать рабочий класс — таков итог деятельности «Трудового фронта» в Германии; к тому же приведет «хартия труда» во Франции.

«...Все заклинания относительно прекращения классовой борьбы выдают расчеты буржуазии на то, что

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 499.

она сможет вести эту классовую борьбу как борьбу одностороннюю. Французская буржуазия и ее правящая клика под прикрытием лозунга о «прекращении классовой борьбы» идет классовой войной на пролетариев, на трудящиеся массы»[1].

Так на собственном опыте и благодаря разъяснительной работе коммунистической партии народные массы Франции все лучше понимали классовую сущность диктатуры Виши.

Сотрудничество с врагом

Несомненно, в глазах французов режим Виши больше всего разоблачала политика коллаборационизма. Этот термин не нов: его широко употребляла клика Лаваля — Деа со дня прихода к власти Петэна. Коллаборационизм применялся как в экономической области, так и в проведении репрессий. Встреча в Монтуаре 24 октября 1940 г. закрепила ее официально: афиши с изображением рукопожатия Петэна и Гитлера, расклеенные на всех стенах, сразу же открыли глаза многим французам на ту политику, по отношению к оккупантам, которую на самом деле проводило правительство Виши. Даже в «свободной» зоне всеобщее возмущение достигло такого накала, что в адрес кабинета Петэна был устремлен поток анонимных писем протеста[2]. Официальные круги остерегались уточнять, в чем именно заключается «принципиальная договоренность о сотрудничестве», которая была достигнута в Монтуаре. Ведь коллаборационистская политика — это не что иное, как помощь, оказываемая французским правительством в деле включения Франции в систему «нового порядка», т. е. в европейскую систему, находившуюся под господством гитлеровской Германии. «Подобно тому, как свою реакционную политику внутри страны они окрестили

---

[1] *М. Торез*, Избранные произведения, т. I, стр. 504—505.

[2] *Du Moulin de la Barthète*, Le Temps des illusions, Genève, 1946, p. 59.

«национальной революцией», они назвали фальшивым словом «сотрудничество» свою внешнюю политику, направленную на закабаление страны»[1].

Коллаборационизм в политике заключался в том, чтобы привести внутриполитический строй Франции в соответствие с режимом, существовавшим в фашистских государствах: авторитарное государство, всесилие финансовой олигархии, жестокие репрессии против наиболее последовательных врагов гитлеризма, социальная демагогия, антисемитские законы — все это доказывало, что Франция успешно осваивает фашистские методы. Расчленение национальной территории оккупантами не вызвало никаких возражений со стороны правительства Петэна. Совсем наоборот: оно прилагало усилия, чтобы окончательно покончить с национальным единством. Под предлогом возрождения национальных традиций оно хотело восстановить деление страны на провинции во главе с губернаторами. Режим Виши одним ударом уничтожил демократические завоевания буржуазной революции 1789 г. Теперь он хотел уничтожить административное единство, созданное революцией для закрепления единства национального, и восстановить партикуляризм провинций.

В экономике коллаборационизм принимал очень широкие масштабы и самым непосредственным образом отвечал замыслам Гитлера. Все делалось для того, чтобы Франция осуществила свое «призвание к сельскому хозяйству» и превратилась в придаток гитлеровской Германии. Франция вновь станет «аграрной и крестьянской страной» — провозглашал закон о предоставлении неограниченной власти Петэну. Одним из основных элементов плана, направленного на ликвидацию индустриальной мощи Франции, были призывы к «возврату на землю», сопровождавшиеся разглагольствованием о высоких моральных соображениях и идиллическими картинками из простой и здоровой жизни крестьян. Создание лагерей для молодежи, где ее не обучали никакому

[1] «Le Parti communiste a vingt ans».

квалифицированному труду, увольнение женщин с производства под тем предлогом, что надо охранять семью,— эти мероприятия тоже непосредственно содействовали подрыву промышленности.

Включение французской промышленности в систему военной экономики гитлеровской Германии проводилось под покровительством вишистских властей и при полном согласии французских магнатов капитала. Министерство промышленного производства распределяло среди них немецкие заказы, главным образом военные. Здесь не нужно было применять принуждение: большинство промышленников с рвением служило врагу. Рено, который до поражения предпочитал выпускать легковые автомобили, быстро перешел на производство грузовиков и танков. Горнорудные компании увеличили продолжительность рабочей недели и начали разработки наиболее рентабельных рудников. Кроме того, между немецкими и французскими промышленниками устанавливались прямые связи: в 1941 г. разрабатывается общая программа для авиационной промышленности обеих стран, причем $^{5}/_{6}$ всей продукции приходится на долю Германии[1]; создается также межевропейская комиссия по производству автомобилей, куда входят крупнейшие немецкие, французские и итальянские капиталисты (главным представителем Франции в комиссии является Лейдо). Так происходило столь разрекламированное Гитлером становление единой Европы, пляшущей под дудку германского империализма, Европы трестов. В некоторых случаях союз между французской и немецкой промышленностью становился еще более тесным. Французские тресты, в частности химические, предоставляли немецким компаниям возможность непосредственно участвовать в их работе. В декабре 1940 г. фирма Франс-Рейонн уступила 33% своих акций немецкой компании «Цельволле унд Кунтзейде Ринг» (искусственная шерсть и шелк); в 1941 г. французский трест Кюльмана создал вместе с «ИГ Фар-

[1] «Délégation française auprès de la Commission allemande d'armistice», t. IV.

бениндустри» смешанное общество «Франколор». Таким образом, коллаборационизм подрывал независимость французской экономики в угоду германскому империализму; он являлся одним из важных проявлений предательской политики господствующих классов, которые «стараются разрушить самые основы национального существования Франции» [1].

Легко понять, как выгодно было это сотрудничество для Германии. Если бы оккупантам пришлось самим с помощью принуждения хозяйничать во французской экономике, то это потребовало бы затраты значительных сил, вызвало бы весьма невыгодное для них сопротивление и разоблачило их подлинные намерения. Коллаборационизм в экономике, так же как и в политике, должен был обеспечить безболезненное включение Франции в гитлеровскую военную систему. Играя по требованию немцев роль «приводного ремня», режим Виши легализовал и маскировал дело закабаления Франции, чем облегчал задачу врагу. Что касается хозяев французской экономики, то и им это сотрудничество было выгодно. Хотя они и потеряли некоторую свободу маневрирования, но зато где им было найти лучшего жандарма, чем немецкие оккупанты, для охраны вишистского режима, который позволял трестам устранять с дороги конкурентов, подвергать народные массы сверхэксплуатации, короче говоря, жандарма, который хорошо поддерживал «порядок»? Главный редактор газеты «Журналь д'Амьен» цинично признал 7 марта 1941 г.:

«В то время, как под тяжестью поражения все партии, не исключая и радикалов, отказались от всяких коллективных действий, только одни коммунисты сохранили свою партию. Только они обращаются к народу и стараются его организовать. В этом кроется гораздо большая опасность, чем это может казаться в высоких сферах. Конечно, пока на нашей земле находится оккупационная армия, порядок будет энергично сохраняться, но потом...» [2]

---

[1] «Cahier du bolchévisme», II—III trimestre 1941.

[2] Цит. по «Юманите» № 105, 25 марта 1941.

Вряд ли можно более ясно обнажить классовые корни предательства.

Однако гитлеровская Германия хотела добиться от правительства Виши еще большего, ибо она еще не удовлетворила все свои «...стремления и не достигла военных целей... Каждое усилие, даже если оно увенчивается успехом, предопределяет необходимость новых усилий, еще более напряженных, чем предыдущие». Именно поэтому «Гитлер требует от Франции сотрудничества и в военной области» [1].

Наряду с разжиганием антибританских настроений, призванных подготовить общественное мнение к возможному вступлению Франции в войну, велись военные переговоры. В ноябре — декабре 1940 г. обсуждались возможные действия французов против английских колоний в Западной Африке и некоторых отколовшихся от Франции колоний, например Чад [2].

В мае 1941 г. был сделан решающий шаг: на приеме у Гитлера в Берхтесгадене Дарлан предоставил в его распоряжение аэродромы в Сирии (удобные плацдармы для военных действий как против СССР, так и против Ирака) и базы в Тунисе (для снабжения армии Роммеля). В июне 1941 г. вишистские войска в Сирии вели бои с английскими и деголлевскими отрядами. Так же, как и встреча в Монтуаре, берхтесгаденское соглашение помогало французам убедиться в том, что «Петэн и Дарлан стали послушными слугами Гитлера» [3].

Однако некоторые сомнения и колебания по отношению к правительству Виши еще продолжали существовать, особенно в неоккупированной зоне. Многие французы рассматривали Виши как наименьшее зло, как некую преграду на пути немецких требований. Правительство тщательно маскировало свою политику;

---

[1] «L'Humanité», 25. V. 1941 (специальный номер).

[2] Доклад Абеца от 15 декабря 1940 г., представленный на процессе Петэна, содержит данные об этих переговорах, в которых приняли участие генерал Варлимон, генерал Хюнцигер и адмирал Дарлан.

[3] «L'Humanité» № 117, 13. VI. 1941.

широкие массы не знали, в каких масштабах осуществляется экономический и политический коллаборационизм, не знали и подлинного содержания переговоров с Гитлером. Как и при всяком диктаторском режиме, все происходило за кулисами, вдали от глаз общественности, что открывало простор для всякого рода домыслов. В условиях господствующего положения Германии правительство Виши многим представлялось как своего рода посредник, способный добиться от победителя уступок: сокращения оккупационных расходов, ослабления демаркационной линии, которая разделяет многие семьи, и, главное, улучшения обращения с военнопленными. Судьба полутора миллионов военнопленных, которых Гитлер использовал как заложников, была для оккупантов объектом самого мерзкого и одновременно самого выгодного шантажа. Правительство Виши выступало в роли покровителя военнопленных, обещало добиться для них лучших условий и постепенного освобождения. А поскольку нет почти ни одной семьи, где бы не было военнопленных, правительство Виши использовало это для оправдания своей политики уступок.

С другой стороны, в южной зоне еще сильно распространены иллюзии, связанные с личностью Петэна. Вокруг «спасителя Франции» велась большая пропагандистская кампания.

«Виши со своим маршалом, с его изображениями на афишах, на почтовых открытках, на альбомах и календарях, на трубках, где он заменил зуава Якова (фигура не желательная в эти антисемитские времена), на брошках и на пресс-папье и чуть ли не на таблетках против насморка становится своего рода местом паломничества, как Лизьё [1], но только прикрытым трехцветным флагом» [2].

Чтобы преодолеть враждебное отношение к режиму Виши, применяли старый метод, когда доброму Людовику XVI противопоставляли его плохих совет-

---

[1] Место поклонения св. Терезе.— *Прим. перевод.*

[2] Подпольная брошюра *Jean Texcier*, Lettres à François, 15.I.1941 г.; опубликована также в «Ecrits dans la nuit».

ников, Карлу X — Полиньяка, а Луи Филиппу — Гизо. И теперь говорили, что если окружение маршала иногда позволяет желать лучшего, то сам победитель Вердена трудится только на благо страны.

Эти иллюзии подогревались позицией, которую занимали некоторые круги Сопротивления по отношению к правительству Виши. Даже сам генерал де Голль заявил, что в Виши «еще не решили, надо ли идти... по пути чести или же... продолжать путь позора»[1]. Консервативные элементы, которые не разбирались в особенностях антигитлеровской войны и рассматривали движение Сопротивления как продолжение войны под эгидой Англии, очень хорошо приспосабливались к антинародной политике Виши. Подпольная газета «Веритэ»[2] 25 августа 1941 г. даже одобряла те «великолепные» внутренние реформы, которые собиралось проводить правительство Виши. Критиковали внешнюю политику Виши, но не видели, что коллаборационизм и диктаторский режим тесно связаны между собой и порождены одними и теми же причинами. Движение Сопротивления в целом стало выступать против Виши только в ноябре 1942 г., когда уже вся Франция была оккупирована Германией.

Двусмысленности положения Виши содействовали и разногласия во французских правящих кругах, которые приводили иногда к переменам в составе правительства. Существование различных группировок в Виши объяснялось не только борьбой отдельных личностей за те или иные посты, но и разными тактическими линиями. Ультраколлаборационисты типа Лаваля и Деа целиком полагались на гитлеровскую Германию и прилагали все усилия, чтобы как можно крепче привязать Францию к ее колеснице, в частности в военном отношении. Но в целом французские правящие круги были более осторожны. Понимая, насколько непопулярно открытое сотрудничество с врагом, и не уверенные в мощи Германии, они не хо-

[1] Речь 23 января 1941 г.

[2] Орган «христианско-демократического движения», слившегося с группой «Комба».

тели полностью связать свою судьбу с судьбой германского империализма. Поэтому, сотрудничая с гитлеровской Германией в экономике и политике и извлекая из этого большую выгоду, они в то же время не сжигали мосты в своих отношениях с Англией. Главное — это не сделать рокового шага, не вступить в войну с Великобританией, и поддерживать контакты с англосаксами. И такие контакты эффективно поддерживались через американское и канадское посольства в Париже, через Мадрид, Лиссабон, Берн. В Лондон даже были посланы официозные миссии[1]. Являлось ли это, как утверждают апологеты Виши, «двойной игрой», с помощью которой французские правители якобы только делали вид, что сотрудничают с немцами, а на самом деле помогали противникам оккупантов? Конечно, нет. Виши никогда не помышляло даже о скрытой борьбе против гитлеровской Германии. Ведь вишистский режим был порожден победой немцев и его существование гарантировалось только наличием оккупационной армии. Но крупная французская буржуазия не хотела класть все яйца в одну корзину. Ее главная забота — сохранить свои основные экономические позиции и классовые привилегии. Исходя из этого, она заручалась связями с различными воюющими империалистическими державами. С самого начала разногласия раскалывали различные партии и группировки крупной буржуазии. Например, кагуляры имели своих представителей в Лондоне при де Голле (Пасси), в Париже (в Национально-революционном движении), в Виши (Алибер).

Учитывая все это, легче разобраться в подлинных причинах министерских перестановок в Виши и, в частности, отставки Лаваля 13 декабря 1940 г. Ультраколлаборационисты и оккупанты надеялись одержать ряд новых успехов после встречи в Монтуаре. В это время много говорили о переезде Петэна в

[1] В октябре 1940 г. была послана миссия профессора Ружье, в июне 1941 г. — миссия полковника Груссара. Правда, никаких соглашений не было подписано. См. по этому поводу справку Анри Мишеля, опубликованную в № 23 журнала «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale».

Версаль[1]. В таком случае было бы гораздо труднее избежать развязывания военных действий против Англии и разрыва отношений с Соединенными Штатами. Но встреча в Монтуаре вызвала очень сильную отрицательную реакцию французской общественности. Виши нужно было что-нибудь сделать, чтобы реабилитировать себя. Отставка Лаваля, потоки оскорблений, которые парижская печать обрушила на Виши, должны были, как пишет Дю Мулен де ла Бартед, «заставить забыть Монтуар». Но все это, конечно, не мешало коллаборационизму по-прежнему процветать при Фландене и Дарлане. И ореол «сопротивления», которым окружит себя Виши, будет все тускнеть и тускнеть.

Политика Французской коммунистической партии

Борьба коммунистов развертывалась в соответствии с линией, намеченной сразу после перемирия. Мы должны, напоминала Французская коммунистическая партия, «быть партией, ведущей борьбу за удовлетворение насущных требований, за организацию и воспитание массы рабочих, и в то же время быть партией, мобилизующей широкие народные массы на борьбу против капиталистической эксплуатации и национального угнетения»[2].

Но теперь борьба за свободу, независимость и возрождение Франции проходила в более благоприятных условиях.

Подавленное состояние проходит; иллюзии постепенно исчезают. Одна из постоянных задач коммунистической партии — всячески способствовать этому. В своей устной и печатной пропаганде она не упускает ни одного факта, который может помочь разобраться в создавшейся обстановке и показать нали-

---

[1] Поводом для возвращения в Версаль должна была послужить поездка Петэна в Париж, чтобы принять прах Орленка (сына Наполеона I. — *Прим. перевод.*), который «великодушная» гитлеровская Германия возвращала Франции.

[2] «Cahiers du bolchévisme», 1 trimestre 1941.

чие национального и политического гнета во Франции. Число подпольных изданий увеличивается, причем они становятся разнообразнее. Наряду с «Юманите»[1], «Авангард», «Ви дю Парти», «Кайе дю большевисм» появляется много местных и областных газет, выпускаются листовки, посвященные разоблачению отдельных явлений (например, антисемитизма) или предназначенные для определенной категории населения (молодежи, женщин, крестьян, интеллигенции, социалистов и др.); печатаются даже брошюры. Для распространения этих изданий применяются хитроумные и очень смелые способы. В одном партийном бюллетене давались следующие советы: посылать на каждую улицу несколько бригад и очень быстро подвешивать пакеты с листовками к воздушным шарам, класть их на балконы (при наличии ветра) или на крышу отъезжающего автомобиля, разбрасывать по воздуху, желательно с велосипеда, во время окончания спектаклей, у входа на заводы и т. д.[2]

Коммунистическая партия старалась максимально использовать существующие отныне конкретные условия для развертывания сопротивления. Об усилении борьбы свидетельствуют как новые формы действий (вооруженная борьба), так и рост числа массовых выступлений.

Движение Сопротивления, т. е. борьба против диктатуры Виши и гитлеровского фашизма, тесно связанных между собой, могло быть только делом народных масс. Поэтому, заявляла Французская коммунистическая партия в октябре 1940 г., «вся наша деятельность должна быть направлена на организацию широких масс нашей страны»[3]. Несмотря на условия подполья, которые требовали раздробления партии на небольшие группы (по три человека), и

---

[1] Андре Бреше, на котором лежала ответственность за издание «Юманите» и ее распространение в пяти районах Парижа, был одним из первых трех французов, приговоренных к смертной казни специальными судами Виши в августе 1941 г.

[2] «Notre propagande», партийный бюллетень, май 1941 г.

[3] «La Vie du parti» № 2, X. 1940.

постоянную бдительность, партия должна была глубоко проникать в массы. Она требовала от своих членов бороться с пассивностью, с замкнутостью, рассматривая эти явления как одну из главных опасностей[1]. Каждая группа «должна идти в массы, вести работу в той или иной массовой организации, в том или ином народном комитете»[2]. При подборе руководящих работников нужно было учитывать не только их преданность делу, их политическую подготовку, но также и их связи с массами. «Будем искать товарищей, которых уважают рабочие и работницы, с кем они вместе работают, и которые могут завоевать доверие масс. Такие товарищи принесут в руководящие органы наших секций и областных организаций атмосферу предприятий, боевой дух, царящий на заводах»[3].

Связь с массами являлась залогом не только плодотворной работы, но и безопасности партии. Рабочие защищали от репрессий тех, кому они доверяли.

Народные массы можно организовать только в процессе борьбы и только путем борьбы. Разделяя заботы масс, с которыми она тесно связана, стараясь всегда отдавать себе отчет в правильном соотношении сил, коммунистическая партия могла развертывать смелые действия, исходя из реальной обстановки. В разных районах эти действия проходили по-разному; поэтому движение Сопротивления во Франции развивалось неравномерно. В оккупированной зоне, непосредственно находившейся под гнетом гитлеризма, действия организаций Сопротивления приняли с самого начала значительно более широкий размах, чем в южной зоне. Не следует также забывать, что различные слои населения обладали различным уровнем сознательности и организованности.

Рабочий класс крупных промышленных районов (в первую очередь Парижа и севера страны) сразу же стал оплотом массового сопротивления. Он больше всего страдал от оккупации и коллаборационизма,

[1] «La Vie du parti» № 2, X. 1940.
[2] «Cahier du bolchévisme», I trimestre 1941.
[3] Там же.

так как и оккупанты и коллаборационисты свою основную задачу видели в том, чтобы установить опеку над ним. Рабочий класс этих районов имел политический опыт и боевую закалку, что позволило ему уже летом 1940 г. по призыву коммунистической партии возродить или создать новые организации, народные комитеты и профсоюзы. Именно он нанесет первые серьезные удары по «новому порядку» во Франции и заложит основы национального и народного движения Сопротивления.

Первым условием эффективных действий больше чем когда-либо являлось единство рабочего класса. Реформистские вожди типа Белена очень быстро оказались дискредитированными. Так, Дюмулена, несмотря на его популярность на Севере, выгнали из руководства департаментского объединения профсоюзов за коллаборационистские статьи и выступления по парижскому радио; его вещи выбросили из окна помещения этого объединения на одной из площадей оккупированного немцами Лилля[1]. Партия все чаще обращалась к трудящимся христианам и социалистам; их нужно было вывести из состояния «разочарованности и отвращения, которое они испытывали, в связи с предательством своих вождей»[2]. «Письмо к рабочему социалисту» от 8 октября 1940 г. было распространено в 10 тысячах экземпляров. Единство снизу восстанавливалось подпольно в народных комитетах и в профсоюзных комитетах действия. Одновременно с мая 1941 г. руководители подпольной ВКТ устанавливали контакты с теми лидерами, в частности с Луи Сайяном, которые не соглашались с коллаборационистской политикой Белена[3].

Итак, рабочий класс начинал вести более напряженную и массовую борьбу, множил свои выступления. Он постоянно выдвигал свои требования, и Французская коммунистическая партия неустанно подчеркивала их большое значение:

---

[1] *G. Boris*, L'Opinion en France après l'armistice, p. 14, 15.
[2] «Cahiers du bolchévisme», I trimestre 1941.
[3] Профсоюзное единство будет восстановлено в апреле 1943 г.

«Не выдвигать никаких требований — это значит своими руками затягивать цепи рабства, и наоборот: выдвигать требования — это значит подпиливать цепи рабства.

Никогда не забывайте, что в результате боев, которые вы ведете даже за самые скромные цели, улучшится организованность народных масс и укрепится их вера в нашу конечную победу»[1].

Выдвижение требований, посылка делегаций, кратковременное прекращение работы, различного рода забастовки — всех этих выступлений стало больше, чем летом 1940 г., и они преследовали более широкие цели. Появились политические лозунги; рабочие не останавливались перед тем, чтобы вступить в открытый конфликт с оккупантами и с французской полицией. В январе 1941 г. горняки Ошеля отказались работать сверхурочные полчаса, нарушив приказ оккупантов, добились освобождения трех арестованных товарищей и потребовали, чтобы «уголь, добытый во Франции, потреблялся только во Франции»[2]. 7 апреля на заводе в Исси-ле-Мулино, который производил маскировочные сетки для вермахта, забастовали 3 тысячи рабочих и работниц; они заняли завод и потребовали отмены новых положений о труде и намечаемого сокращения зарплаты. После того как их разогнала французская полиция, они попытались устроить демонстрацию перед зданием немецкой комендатуры в Монруже[3].

Самым ярким примером, свидетельствовавшим о размахе и силе выступлений рабочих, явилась крупнейшая забастовка 100 тысяч горняков Севера, начатая в мае 1941 г. по призыву коммунистической партии. Ей предшествовала длительная подготовительная и организационная работа. На Севере особенно благоприятные условия для борьбы. Здесь сконцентрирован боевой пролетариат, который давно уже доказал

---

[1] «Cahier du bolchévisme», I trimestre 1941.

[2] «L'Enchaîné» № 19, 30. I. 1941 (орган коммунистов департамента Па-де-Кале).

[3] Доклад немецких частей СД от 12 апреля 1941 г.; перепечатан в «Recherches internationales» № 9—10, стр. 89.

свою силу и готовность бороться с фашизмом. Кроме того, борьба против иностранного вторжения в этом районе стала исторической традицией. Поэтому ненависть к фашистским захватчикам здесь особенно велика; дух сопротивления крепнет и быстро возникают массовые организации. Коммунистическая партия ведет здесь очень активную работу[1]. Она тесно связана с рабочими массами через многочисленные народные комитеты, где решающую роль играли женщины, через профсоюзные комитеты единства и действия, созданные еще в июле 1940 г. Характерно, что забастовка началась на шахте Даомей в Дурже, где раньше всех был восстановлен профсоюз; организатором ее был активный коммунист Мишель Брюле, сыгравший большую роль в восстановлении этого профсоюза.

Уже в 1940 г. проходят крупные демонстрации. По призыву народных комитетов женщины устраивают манифестации перед мэриями, требуя улучшения снабжения.

В сентябре 1940 г. за гробом двух молодых рабочих, убитых на шахте Даомей, идут все работающие здесь горняки; Мишель Брюле выступает с речью, в которой призывает к единству и к действию. В январе 1941 г. начинается итальянская забастовка против требования оккупантов работать сверхурочно еще полчаса; фактически она охватывает весь горнорудный бассейн. 1 мая 1941 г. является здесь «днем единства действий, сплочения сил для будущих боев», как и призывала отметить этот день коммунистическая партия[2]. Несмотря на усиленные патрули французской и немецкой полиции, на стенах появляются надписи: «Хлеба! Да здравствует единство! Да здрав-

---

[1] Частично о масштабах этой работы свидетельствуют издания многочисленных органов печати. Помимо центральных газет, здесь выходят «Комба» в Льевене, «Эспуар рубезьен» и «Металь руж» в Фив-Лилле, «Вуа дю пепль» в Ошеле, «Аншене», орган коммунистической организации Па-де-Кале, «Ле Журналь де Арн», «Ан аван», орган молодых горняков, «Резон юмэн», орган учителей департамента Па-де-Кале.

[2] Листовка Центрального комитета «Боевое 1 Мая», 1 мая 1941 г.

ствует Торез! Да здравствует Франция! Долой Петэна!» На крышах домов развеваются красные флаги. Все это дает основание партии считать, что здесь созрели условия для действий крупного масштаба, которые она тщательно подготавливает.

Шахта Даомей в Дурже, где важные требования выдвигаются единодушно и где существует крепкая профсоюзная организация, 26 мая 1941 г. первой начинает забастовку. Несмотря на немедленно начавшиеся репрессии, забастовка в течение нескольких дней распространяется на весь угольный бассейн. Ее поддерживают рабочие других предприятий (металлургических и коксовальных заводов) и демонстрации женщин. Забастовка продолжается до 10 июня.

Эта крупнейшая забастовка горняков Севера позволяет судить о подлинном значении выступлений в защиту своих жизненных прав, хотя многие историки упорно отказываются причислять такие выступления к актам сопротивления. Но кому наносило ущерб сокращение производства, если не немецким оккупантам? Разного рода забастовки и кратковременные прекращения работы отняли у гитлеровской военной машины сотни тысяч тонн угля (из-за одной только забастовки в мае — июне они потеряли 500 тысяч тонн). Кто был заинтересован в сверхэксплуатации рабочих? Не только французские предприниматели, эти сообщники оккупантов, но и сами гитлеровцы. Ведь именно по решению оккупантов с 20 июня 1940 г. были заморожены зарплата и цены и одновременно удлинен рабочий день[1]. Ведь именно они напоминали, что «официально запрещается в какой-либо форме отказываться от работы»[2].

Подавление рабочего класса было, конечно, необходимым условием для осуществления максимальной эксплуатации французской экономики и отправки рабочей силы в Германию. В то же время каждое выступление рабочих лучше, чем горы газет, конкретно показывало подлинное положение вещей. Извлекая

[1] *R. Aron*, Histoire de Vichy.

[2] Объявление за подписью генерала Нихофа, опубликованное газетой «Le Grand Echo du Nord», 17. VI. 1941.

уроки из забастовки горняков, народные комитеты Парижского района писали:

«В течение 12 дней шла борьба в духе традиций 1936 г. В ответ на нацистский террор шахтеры крепили единство действий. Гестапо, полевая жандармерия и оккупационная армия направляли грузовики на женщин и детей, наводили дула своих пулеметов на шахтерские поселки, пускали в ход пистолеты, обыскивали десятки домов, произвели 500 арестов. Нацистские трибуналы приговорили десятки людей к 2—5 годам каторжных работ. Немецкие комендатуры арестовывали рабочие делегации. Так фашизм разоблачил себя и показал, что он является самым озверелым и самым послушным слугой крупного капитала» [1].

Итак, рабочий класс непрерывно наносил удары оккупантам; он все яснее и яснее понимал, что представляет собою враг, против которого надо вести борьбу, и создал организации, необходимые для этой борьбы. Как и призывало обращение коммунистической партии в июле 1940 г., он возглавил «Фронт независимости, свободы и возрождения Франции». И когда Франсуа Мориак понял природу вишистского режима и захотел «побороть в себе это желание презирать человека», которое возникло у него в связи с поведением господствующих классов, то он повернулся к рабочему классу. Ибо, писал он, «только рабочий класс в массе своей остался верен поруганной Франции» [2].

* *
*

Являясь руководящей силой в освободительной борьбе, рабочий класс должен был привлечь на свою сторону союзников. От национального и социального гнета, установленного во Франции, страдали все трудя-

---

[1] Листовка, выпущенная в июне 1941 г. Союзом народных комитетов на предприятиях и в коммунальных учреждениях Парижского района и озаглавленная: «Неустанная борьба за повышение заработной платы».

[2] «Le Cahier noir», изданная в ноябре 1941 г. под псевдонимом «Forez».

щиеся массы. Их необходимо было вовлечь в борьбу. Коммунистическая партия старалась выяснить, что главным образом волнует различные слои населения и на каком примере им можно лучше всего объяснить создавшуюся обстановку.

Особенно большое внимание уделялось работе среди крестьян, составлявших основную часть населения. Ясно, что «Союз французского народа» не мог быть создан без их участия. Оккупация и «национальная революция» непосредственным образом ущемляли их интересы: противозаконная реквизиция продуктов по очень низким ценам, установление твердых закупочных цен, обязательная сдача продуктов организациям, находящимся под контролем трестов и крупных помещиков, и т. д... Кроме того, многие крестьяне страдали от клерикализма, диктаторских методов [1] и бюрократизма, характеризовавших вишистский режим. Однако правительство пыталось завоевать симпатии французского крестьянства, чтобы «...обеспечить себе массовую базу, способную укрепить непрочную власть маршала Петэна. Классический прием буржуазии: отрывать тружеников полей от городских трудящихся, использовать в реакционных целях противоречия между городом и деревней» [2]. Поэтому крестьяне являлись объектом постоянной и довольно ловкой демагогической пропаганды: их превозносили и ставили на первое место в «новой сельскохозяйственной Франции», вводили корпоративный статут сельского хозяйства, в коммунах, насчитывающих меньше 2 тысяч жителей, сохранили выборные местные органы. В некоторых районах использовали влияние католической церкви и почти повсюду пугали людей «разделом» имущества. Правда, деревня проявляла мало энтузиазма в отношении «национальной революции», патриотические настроения там были очень сильны, особенно в оккупированной

---

[1] «Письмо трудящемуся радикалу» (конец 1940 г.), специально предназначенное для крестьян, делало упор на республиканские и демократические традиции Франции.

[2] «Cahiers du bolchévisme», I trimestre 1941 (La politique agricole de Vichy).

зоне. Темнота крестьян и неуверенность еще играли свою роль, поэтому в деревне можно было рассчитывать только на выступления ограниченного масштаба. Партия призывала крестьянских активистов «выдвигать такие требования, которые поддержали бы широкие массы крестьян, и предлагать им лозунги и формы борьбы, отвечающие их теперешнему настроению».

Для этого необходимо было активно работать во всех крестьянских организациях, в том числе «в ассамблеях, которые могли быть созданы согласно новому корпоративному статуту сельского хозяйства»[1]. Мы видим здесь практическое применение двух основных тактических принципов Французской коммунистической партии: быть на шаг, только на один шаг, впереди масс и использовать одновременно легальные и нелегальные средства борьбы. Благодаря этой серьезной и терпеливой работе партия вновь организовала крестьянские массы и готовила их к тому, чтобы позже они оказали широкую поддержку движению Сопротивления. Ведь без поддержки крестьян никакое партизанское движение не только не могло бы одержать победу, но и существовать.

Очень активная работа велась и среди интеллигенции. Здесь сразу открылись большие возможности. В среде французской университетской интеллигенции были живы крепкие свободолюбивые традиции, и поэтому она немедленно поднимала свой голос против мракобесия, против попыток закабаления, ибо порабощение Франции предполагало подавление всякого свободного мышления.

«Хозяева Франции,— писала коммунистическая партия,— готовы приостановить промышленное развитие страны, повернуть ее на путь экономического регресса и превратить в аграрный придаток великой индустриальной Германии. И чтобы обеспечить это порабощение, они готовы выдать душу Франции, как они выдали ее тело, готовы уничтожить французскую цивилизацию и сделать французов рабами, как этого требует «новый порядок» в Европе»[2].

[1] «Cahiers du bolchévisme», I trimestre 1941.
[2] Листовка «К интеллигенции Франции», конец 1940 г.

Реакционная реформа образования, вмешательство властей в дела студенческих корпораций, лекции коллаборационистов и антисемитов в университете, аресты и отстранение от работы крупнейших ученых (Бореля, Лапика, Коттона, Могэна, Ланжевена, Валлона) — все это вызвало протесты всей университетской интеллигенции. По призыву коммунистов Андре Воге и Мадлены Марзен[1] учителя начинают восстанавливать свой профсоюз и издавать журнал «Эколь либератрис». Вообще учителя в большинстве своем оказывали большую помощь движению Сопротивления как своей педагогической работой, так и на постах, которые они занимали в муниципальных органах. Оппозиция «новому порядку» росла и в лицеях и во всех высших учебных заведениях. В ноябре 1940 г. три коммуниста: Жан Соломон, Жорж Политцер и Жак Декур начали издавать журнал «Юниверсите либр», который стал одним из важнейших органов движения Сопротивления[2]. «Пансэ либр», продолжатель основанного в 1939 г. журнала «Пансэ», был первым толстым журналом Сопротивления. Коммунистический союз студентов и учащихся лицеев Франции издавал листовки и газету «Релев». Студенты-коммунисты активно работали в Национальном союзе студентов Франции, ответственным за работу которого в оккупированной зоне являлся коммунист Франсуа Лекюр. Ветер Сопротивления ворвался и в стены высших учебных заведений. Профессора, читая лекции, делали много прозрачных намеков, давали завуалированные советы[3]. Студенты бойкотировали и срывали лекции, организованные оккупантами.

Небольшая ячейка студентов-коммунистов в Национальном союзе студентов Франции сумела прекрасно использовать эту благоприятную обстановку. Очень смело, за что их в то время многие упрекали,

---

[1] Обращение к учителям Франции, конец 1940 г.

[2] До освобождения страны вышло сто номеров журнала.

[3] Я хорошо помню лекции Жоржа Лефевра о Великой Французской революции. Его комментарии к Декларации прав человека, его рассказы об Освободительной войне Республики были великолепны.

они организуют первую массовую демонстрацию студентов в оккупированном Париже[1]. Поводом для выступлений студентов послужил арест гестаповцами Поля Ланжевена, профессора Коллеж де Франс, выдающегося ученого и известного антифашиста. Надписи «Да здравствует Ланжевен!» появляются на стенах Сорбонны. Листовки Коммунистического союза студентов и учащихся лицеев, а также Национального союза студентов Франции призывают выйти 8 ноября на демонстрацию у здания Коллеж де Франс. В этот день группа студентов с пением «Марсельезы» проходит по Латинскому кварталу, требуя освобождения Ланжевена. Все это происходило на глазах французских полицейских и усиленных немецких военных отрядов.

«Эта непродолжительная, но внушительная манифестация... была искрой, толчком, обеспечившим размах первой массовой демонстрации студентов против оккупантов, которая состоялась 11 ноября 1940 г. на Елисейских полях»[2].

В этот день патриотизм, единство и боевой дух студентов проявляются с небывалой силой и становится ясно, что можно предпринять более крупные действия. Листовки и воззвания, размноженные в здании Национального союза студентов Франции по инициативе студентов-коммунистов, назначают день, час и место демонстрации: 11 ноября, 17 часов, Елисейские поля. Сюда собираются сотни студентов. Они поют «Марсельезу», кричат «Да здравствует Франция!», насмехаются над Гитлером и Петэном. Эсэсовцы и немецкие солдаты набрасываются на студентов, избивают их, стреляют. Около десяти убитых, много арестованных[3], закрытие факультетов, введение обязательной ежедневной отметки студентов в комисса-

---

[1] См. об этом рассказ Франсуа Лекюра в «Clarté» (ноябрь 1958 г.) и в книге одного из организаторов демонстрации 1942 г.— Пьера Дэкса (*Pierre Daix*, Classe 42).

[2] Из рассказа Франсуа Лекюра.

[3] Никаких официальных данных об этом нет. Было арестовано более 100 человек, причем мало студентов вернулось из тюрем и лагерей.

Организация ОС осуществляла также саботаж на предприятиях (в частности, на заводах Рено и Гном-э-Рон), выводила из строя телефонную сеть, гаражи, электростанции, которые обслуживали оккупантов. Эти вооруженные группы создавались и множились сначала в тех районах страны, где уже существовали крепкие организации Сопротивления, где партия имела тесные связи с массами. В Парижском районе их создали товарищи Карре, Лоссеран и Ребьер (все трое будут позднее расстреляны). Молодой рабочий Пьер Жорж — легендарный полковник Фабиен, погибший на фронте в 1944 г., организовал «Молодежные батальоны». На севере вооруженной борьбой руководит шахтер Шарль Дебарж[1] (немцы убили его в сентябре 1942 г.). Историки все еще берут под сомнение позицию коммунистической партии в 1941 г. и, в частности, в вопросе о том, вела ли она открытую борьбу против оккупантов. Что касается гестапо, то оно хорошо в этом разбиралось. В докладе от 21 февраля 1941 г. гестапо сообщало о разрушениях и повреждениях военных телефонных линий, транспортных средств вермахта и т. д. «Участие коммунистов в этих диверсионных актах,— уточнялось в докладе,— может быть неопровержимо доказано». И далее:

«Французская коммунистическая партия достаточно осторожна и открыто не призывает совершать такие диверсионные акты. Но она делает все для создания такой атмосферы, когда появляется моральная готовность к таким действиям и к развертыванию агрессивных актов по отношению к вермахту»[2].

Здесь хорошо подчеркивается связь между различными формами борьбы партии. Все эти формы способствовали организации движения Сопротивления. Женщины, демонстрирующие перед мэриями,

---

[1] Исключительный случай: Дебарж оставил свои записи. Они были собраны и подготовлены к печати Мадлен Рифо. «Записная книжка Шарля Дебаржа» была опубликована в 1951 г. издательством «Эдисьон сосьяль» («Les Carnets de Charles Debarge», 1951, Edition social).

[2] Неопубликованный доклад службы СД за две недели, 7—21 февраля 1941 г.

добиваясь улучшения снабжения, студенты, вышедшие на улицу 11 ноября 1940 г., безработные, требующие возобновления работы закрытых предприятий, бастующие горняки, активист, распространяющий антифашистские листовки или выполняющий новый приказ ОС,— все они содействовали укреплению боевого духа, мешали политическому и национальному порабощению страны, все они подготавливали «Союз французского народа». Скромная, незаметная, но всегда опасная работа, именно она обеспечила дальнейшее развитие движения Сопротивления и возможность для Франции сыграть решающую роль в деле своего освобождения.

Уже тогда борьба «за социальное освобождение и национальную независимость» стоила коммунистам больших жертв. Установленные факты должны устыдить тех, кто утверждает, что коммунисты вступили в движение Сопротивления только 22 июня 1941 г. В этом отношении показательны некоторые данные об арестах, которыми мы располагаем: в декабре 1940 г. было арестовано и интернировано только в одном Парижском районе 1141[1], 10 февраля 1941 г.— 1647[2] и три месяца спустя — 2098 коммунистов[3]. Стоит задуматься и над тем, что репрессии против коммунистов особенно усиливались, когда готовились антинародные мероприятия: в октябре 1940 г., перед встречей Гитлера и Петэна в Монтуаре; в мае 1941 г., во время переговоров Гитлера и Дарлана.

Не случайно также, что первые смертные приговоры выносятся прежде всего коммунистам, причем коммунистам, арестованным задолго до 22 июня 1941 г.: 26 августа 1941 г. вишистским судом был приговорен к смертной казни Андре Бреше — ответственный за издание коммунистической печати в Париже; 29 сентября 1941 г. был обезглавлен Жан Катела,

---

[1] «L'Œuvre», 8. XII. 1940.

[2] Доклад д-ра Кнохена 24 января 1941 г. См. «Recherches internationales» № 9—10, p. 76.

[3] Неопубликованный доклад службы СД за неделю 2—9 мая 1941 г.

железнодорожник, депутат от департамента Соммы, член ЦК Французской коммунистической партии; 22 октября 1941 г. в Шатобриане были расстреляны 27 коммунистов, профсоюзных деятелей, избранников народа: Тембо, Пульмарш, Гране, Грандель, Мишель и др.; 15 декабря 1941 г. были расстреляны Габриель Пери и Люсьен Сампе. Эта участь была уготована и другим товарищам, если бы им не удалось бежать. Так, Фернан Гренье, Эжен Энаф, Леон Мове, Анри Рейно бежали из Шатобриана[1]. Враги Франции своими действиями доказывали, что борьба коммунистической партии носила патриотический характер.

Национальный фронт

В мае 1941 г. внутриполитическая обстановка во Франции сильно отличалась от той, которая существовала в июне 1940 г. Коммунистическая партия сумела приспособить свою организацию к новым условиям борьбы, выдвинуть лозунги, соответствующие конкретной обстановке, выработать политическую линию, отвечающую интересам народа. Она непрерывно укрепляла свои связи с массами. Несмотря на то что партия полтора года находилась в подполье и подвергалась репрессиям, к мнению коммунистов прислушивались гораздо более широкие круги, чем в сентябре 1939 г., и сами коммунисты в гораздо большей степени были готовы руководить действиями широкого масштаба. Жизнь опровергла многие клеветнические измышления. Таким образом, были заложены крепкие основы для развертывания всенародного движения Сопротивления.

Положение во Франции становилось ясным для многих. Тех, кто сотрудничает с врагом, ненавидели и презирали, особенно в северной зоне. За ними утвердились клички: «колорадские жуки», «коллабо»[2], «зелено-серые». Конечно, в массе своей французы еще

---

[1] *Fernand Grenier*, C'était ainsi, Editions sociales, 1959.
[2] От *collaboration* — сотрудничество.— *Прим. перевод.*

не организованы и не готовы к систематическим действиям. Но их подлинные настроения проявляются на каждом шагу: они слушают английское радио, передают друг другу подпольные листовки, бурно реагируют во время показа кинохроники, отказываются сесть, когда вышколенный солдат галантно уступает место в вагоне метро, и т. д. Все это — мелкие факты, не имеющие большого политического значения, но они свидетельствовали о всеобщем отказе подчиняться угнетателям. Следовательно, почва для углубления борьбы была подготовлена.

Все больше появлялось очагов недовольства и готовности к действиям, особенно в северной зоне. На побережье Бретани и Нормандии поддерживалась активная связь с Англией. При содействии главным образом железнодорожников в демаркационной линии были организованы многочисленные щели для перехода.

В больших городах друзья начинают объединяться: интеллигенты, ненавидящие фашизм, люди левых убеждений, профсоюзные работники, социалисты, которые приходят в себя после краха 1940 г., молодежь, отказывающаяся жить в рабстве, военные, движимые старыми чувствами антинемецкого национализма, и т. д. Каждая такая группа действует, исходя из своих возможностей и своего понимания задач борьбы: одни издают газеты, чтобы «поднять дух» французов, другие организуют побеги, третьи занимаются разведкой. Эта работа часто ведется кустарно и в очень ограниченных масштабах: она охватывает незначительное число людей и распространяется на небольшую территорию. Многие такие группы существуют недолго, но на основе некоторых из них создаются более широкие организации Сопротивления. Так, социалисты и профсоюзные работники севера и Парижского района (Пино, Тексье, Лебá, Сайян) создадут позже организацию «Либерасьон-Нор»; вокруг Страсбургского университета, эвакуированного в Клермон-Ферран, родится организация «Либерасьон-Сюд» во главе с профессором Жаном Кавайес и журналистом Эммануэлем д'Астье; марсельская группа

станет организацией «Комба», а военные и промышленные ячейки северной зоны создадут ОСМ (гражданскую и военную организацию)[1]. Эти движения, или, вернее, эти зародышевые организации, понимали задачи движения Сопротивления совсем иначе, чем коммунистическая партия. Многие из них не считали обязательной борьбу против Виши и даже питали иллюзии в отношении правительства Петэна. Ни одна из этих организаций — и в этом заключалось их основное расхождение с политикой коммунистической партии — не придерживалась того мнения, что в результате Сопротивления страна должна сама себя освободить; как правило, они полагали, что освобождение придет извне, что самая главная, если не единственная, задача освободительной борьбы — это помогать Англии. Таким образом, деятельность этих организаций не была направлена на организацию масс[2], но в целом они отражали нараставшую во Франции волю к Сопротивлению.

В мае 1941 г. всеобщее беспокойство возросло в связи с переговорами Гитлера и Дарлана в Берхтесгадене. Перед лицом этого нового Монтуара, цель которого — втянуть Францию непосредственно в военное сотрудничество с Германией, все большее число французов убеждаются в необходимости начать действия. Коммунистическая партия считала, что отныне можно перейти к новому этапу борьбы, серьезно перегруппировать силы борцов за освобождение Франции. 15 мая 1941 г. она вновь обращается с призывом, с которым она выступала в июле 1940 г. «Всем, кто думает, как француз, и хочет действовать, как фран-

---

[1] Некоторые деятели из среды руководящих экономических кругов поддерживали движение Сопротивления по довольно сложным причинам. Здесь сыграли свою роль защита непосредственных интересов, ущемленных политикой коллаборационизма, и желание видеть «элиту» представленной в движении Сопротивления. Во всяком случае поведение в дальнейшем некоторых лидеров ОСМ, в частности Блока-Маскара, дает основание для таких выводов.

[2] Позже некоторые из них, в частности «Либерасьон», будут стремиться проникнуть в массы.

цуз, она предлагает создать Национальный фронт борьбы за независимость Франции»[1].

Анализируя различные стороны и последствия оккупационного режима, обращение считало первоочередной задачей

«...борьбу за национальное освобождение... Самое главное сейчас — это не допустить, чтобы Франция оставалась униженной, расчлененной и терпела гнет иностранного империализма».

Но борьба против иностранных захватчиков и борьба против их пособников во Франции — это две стороны одной и той же антифашистской войны. Поэтому программа, предлагаемая для Национального фронта, так же как июльское обращение 1940 г. и будущая программа Национального совета Сопротивления, намечала внутриполитические задачи (наказание предателей, социальное законодательство, расширение демократии и т. д.).

В этой тяжелой борьбе только единство могло привести к победе. Однако единство французов не должно было находиться в зависимости от какой-либо иностранной державы, например Англии; его не следовало также ставить в зависимость от деголлевского движения, развернувшегося за пределами страны, «вдохновляемого реакционными и колонизаторскими силами», не желавшего развивать во Франции массовое сопротивление. По мнению коммунистов, подлинное и полное освобождение Франции должно стать делом рук самих французов.

«Они должны объединиться совершенно самостоятельно и создать против захватчиков, против продажных предателей Национальный фронт борьбы против угнетения родины».

Рабочий класс, как становой хребет всей нации, будет главной силой этого Национального фронта. Вступать в Национальный фронт могли все без исклю-

---

[1] Это воззвание было размножено в виде листовок. О нем сообщала «Юманите» 25 мая (специальный номер, посвященный Коммуне) и 26 мая (№ 114). Полностью оно было перепечатано в «Cahiers du bolchévisme», II—III trimestre 1941.

чения, кроме «капитулянтов и предателей». Больше того, коммунистическая партия обращалась «ко всем французам доброй воли». И для того чтобы ускорить процесс объединения национальных сил, она

«...торжественно заявляет, что готова поддерживать любое французское правительство, которое направит свои усилия на действительную борьбу против угнетения».

Здесь вновь подчеркивается одна из постоянных забот партии: добиться объединения всех сил французского Сопротивления, что являлось залогом успеха в предстоявших тяжелых боях. Правда, эти различные группы движения Сопротивления развивались самостоятельно и организационное единство еще не было достигнуто, но Национальный фронт сразу же стал основной и подлинной организацией движения Сопротивления. Объединяя людей совершенно различных политических и религиозных взглядов[1], Национальный фронт являлся единственной организацией, где участвовала коммунистическая партия, которая действовала в обеих зонах, ведя борьбу как против Виши, так и против оккупантов. Боевые группы Национального фронта — Французские вольные стрелки и партизаны (ФТПФ), заменившие и значительно расширившие существовавшие ранее «специальные организации», являлись первыми и долгое время единственными активными боевыми организациями. Национальный фронт стал прообразом объединенного движения Сопротивления.

---

[1] Участники движения Сопротивления, в частности организации «Комба», были как будто шокированы тем, как легко принимают в ряды Национального фронта. Это довольно любопытно, если иметь в виду, что многие организации поддерживали постоянную связь с разведкой Виши и, таким образом, их позиция была, мягко выражаясь, недостаточно ясной. И разве Френе, руководитель «Комба», не беседовал с Пюше, министром внутренних дел Виши, который убивал участников движения Сопротивления? См. «Combat», стр. 90—100.

8. Нападение гитлеровской Германии на СССР

После того как 22 июня 1941 г. Гитлер напал на Советский Союз, условия войны повсюду изменились, усилился и утвердился антифашистский характер мировой войны.

«Юманите» немедленно разъяснила, что́ практически означает для Франции начало войны на Востоке:

«Гитлер оккупировал Францию и ряд других европейских стран, но война, которую он только что начал против СССР, заставит его вывести из Франции большое число своих солдат. *Почему бы нам не воспользоваться этим?..* Мы должны быть готовы использовать ослабление гитлеровских войск в нашей стране» [1].

Следовательно, открывались новые возможности для вооруженной борьбы против оккупационных войск.

Вступление в войну СССР меняло также перспективы войны. Все, кто пережил те времена, помнят, как эта новость укрепила уверенность в победе над Гитлером, веру в то, что «Гитлер затеял смертельную для него авантюру» [2]. Поэтому рассеялось разочарование, исчезла покорность. «Вступление России в войну окончательно излечило от оцепенения и вызвало прилив энергии» [3]. Объяснялось ли это верой в силу Советского Союза? Безусловно. Но в то же время

[1] «L'Humanité» № 119 (специальный номер, статья «Гитлер напал на Советский Союз». Подчеркнуто в тексте статьи).

[2] Там же.

[3] *G. Boris*, L'Opinion française après l'armistice, p. 8.

этому способствовало и более ясное понимание сущности войны. После подписания германо-советского пакта о ненападении, во время «странной войны» и оккупации потоки лжи отравляли общественное мнение страны. Позиция СССР в том виде, в каком ее тогда представляли, многим французам казалась противоестественной. Хотя они и верили некоторым клеветническим измышлениям, тем не менее они все еще сохраняли надежду, что в один прекрасный день СССР окажется на их стороне в борьбе с врагом. Поэтому, когда Гитлер так наглядно продемонстрировал, что СССР находится в стане его врагов, обстановка для них прояснилась, т. е. все стало на свое место.

Эти чувства более или менее смутно отражали тот решающий поворот в ходе второй мировой войны, которым явилось 22 июня 1941 г. Поворот стратегический: Восточный фронт становился главным фронтом войны, где решалась победа над Гитлером. Одновременно это был поворот и в характере войны: ее антифашистский, освободительный аспект стал окончательно преобладать над империалистическим. Окончательно, но не внезапно: война, которая до сих пор была империалистической, не превратилась в справедливую войну сразу в тот момент, когда гитлеровские войска переступили границу Советского Союза. Этот упрощенческий подход, обычно приписываемый марксистам, на самом деле чужд им. С самого начала вторая мировая война имела две основные противоречивые стороны, и она их сохранила до конца. Но до вступления в войну СССР борьба народов против гитлеровского гнета, хотя и непрерывно усиливалась, была второстепенным аспектом войны: войной руководили империалистические державы. Правда, борьба одной из них — Великобритании — частично помогала угнетенным народам, ибо она переплеталась с борьбой, которую вел английский народ, защищая свою страну от Гитлера. Но цели, преследуемые правительством Англии в войне, это — не уничтожение фашизма, а в первую очередь сохранение позиций британского империализма. В результате нападения гитлеровцев на СССР в войну вступила

великая неимпериалистическая держава, которая боролась за само свое существование. «Смерть немецким захватчикам!» — этими словами заканчивалось каждое сообщение о военных действиях по советскому радио.

В этой войне не на жизнь, а на смерть, которую СССР вел против Гитлера, Советский Союз выступал как символ и как оплот освободительной борьбы народов против фашистского гнета. Целью этой всенародной Отечественной войны СССР против фашистских угнетателей, как отмечало Советское правительство, являлась не только ликвидация опасности, нависшей над социалистической страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. Война советских людей за свободу своего Отечества сливалась с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это был единый фронт народов, стоявших за свободу, против порабощения.

Войной против фашистских империалистических стран отныне руководила коалиция государств и народов, боровшихся против фашизма. Антигитлеровская борьба составляла смысл существования и основную цель этой коалиции. Правительства империалистических стран, участвующих в этой коалиции, впервые заявили, что «мир должен покончить с фашистской тиранией» и «восстановить независимость народов, оказавшихся под нацистским гнетом». Это слова из знаменитой «Атлантической хартии», опубликованной в августе 1941 г. после встречи Черчилля с Рузвельтом. Конечно, империалистический аспект войны продолжал существовать; он еще неоднократно сдерживал развитие антигитлеровской борьбы; но отныне этот аспект имел второстепенный характер. Война стала прежде всего «народной войной против фашистского варварства»[1].

Разъяснительная и организаторская работа коммунистической партии, вся ее предыдущая деятель-

---

[1] «L'Humanité», 3. VIII. 1941; специальный номер (напечатан в типографии).

ность позволили ей немедленно воспользоваться возможностями новой обстановки. На уже подготовленной почве движение Сопротивления можно быстро поднять на новую ступень.

«Наше место на международном фронте борьбы против фашистского варварства ясно определено. Мы должны сделать все для того, чтобы захватчики *не могли* находиться в нашей стране; мы должны дезорганизовать их транспорт, их производство, не давать им возможности вывозить что-либо с нашей территории» [1].

Итак, начинался новый этап движения Сопротивления, этап более тяжелый и кровавый, но в основе его лежала уверенность в неизбежности разгрома гитлеризма и освобождения Франции.

---

[1] «L'Humanité», 3. VIII. 1941; специальный номер (подчеркнуто в тексте).

Содержание

Виллар, Жермена

«СТРАННАЯ ВОЙНА» И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВИШИ
М., Соцэкгиз, 1962.
191 с. 9(и)7

Редактор *П. Бычков*

Оформление художника *В. Еремина*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *О. Чепелева*
Корректоры *А. Фомина, С. Новицкая* и *Г. Бабуева*

Сдано в набор 20 декабря 1961 г. Подписано в печать 31 мая 1962 г. Формат бумаги $84 \times 108^1/_{32}$. Бумажных листов 3. Печатных листов 9,84. Учетно-издательских листов 9,11. Тираж 10 000 экз. Цена 36 коп. Заказ № 2547.

Издательство
социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

82

36 коп.

СОЦЭКГИЗ · 1962